Министерство сельского хозяйства Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»

А.В. Улезько, С.В. Мистюкова, А.А. Тютюников

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА АГРАРНОЙ СФЕРЫ

Монография

Воронеж
2011

Печатается по решению научно-технического совета
Воронежского государственного аграрного университета

УДК 63:620.96
ББК 4:65.304.14
У473

Улезько А.В.
У 473 Оптимизация процессов формирования человеческого капитала аграрной сферы / А.В. Улезько, С.В. Мистюкова, А.А. Тютюников. – Воронеж: ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ, 2011. – 164 с.

В монографии рассматриваются теоретические и методические аспекты формирования человеческого капитала и инвестиций в его воспроизводство, раскрывается специфика воспроизводства человеческих ресурсов аграрной сферы. Особое внимание уделяется вопросам моделирования процессов формирования человеческого потенциала сельских территорий и обоснованию прогнозных параметров его развития. Рассматриваются направления государственной политики, обеспечивающие повышение эффективности использования человеческого капитала аграрной сферы.

Издание предназначено для студентов, обучающихся по экономическим специальностям, аспирантов и специалистов, деятельность которых связана с управлением человеческими ресурсами аграрной сферы.

Табл. 22. Ил. 30. Библиогр.: 148 назв.

Рецензенты:

Закшевский В.Г., доктор экономических наук, профессор, зам. директора по научной работе Научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района РФ Россельхозакадемии.

Горланов С.А., кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики АПК Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I.

ISBN 978-5-7267-0544-6

© Улезько А.В., Мистюкова С.В. , Тютюников А.А., 2011
© ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ, 2011

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ АГРАРНОЙ СФЕРЫ 5

1.1. Человеческий капитал: сущность, классификация и инвестиции в воспроизводство 5

1.2. Человеческий фактор в потенциале развития хозяйствующих субъектов аграрной сферы и сельских территорий 35

2. СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ 52

2.1. Мониторинг трудового потенциала аграрной сферы и российского рынка сельскохозяйственного труда 52

2.2. Оценка человеческого потенциала Новоусманского района Воронежской области 83

3. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ 98

3.1. Концептуальные и методические подходы к формированию и использованию человеческого капитала аграрной сферы 98

3.2. Прогноз формирования человеческого потенциала сельских территорий 115

3.3. Мероприятия по повышению эффективности использования человеческого капитала сельских территорий 128

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 140

ПРИЛОЖЕНИЯ 151

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация экономической системы Российской Федерации, характеризующаяся резким ослаблением государственного регулирования всех сфер общественной жизни, объективно породила возникновение ряда проблем, связанных с некоторым несоответствием быстро меняющегося хозяйственного механизма общества и значительно медленнее модифицирующихся экономических и социальных отношений. Наиболее ярко эти несоответствия проявились в сельской экономике, когда значительная часть сельскохозяйственных предприятий либо перестала существовать, либо перешла в категорию устойчиво убыточных. Потеря единственного крупного работодателя поставила под угрозу возможность не только развития таких сельских территорий, но и их существования.

Кроме того, в условиях централизованной экономики, ориентированной на обеспечение полной занятости трудоспособного населения и гарантированного обеспечения минимально необходимого уровня жизни, проблема воспроизводства человека в условиях роста населения сводилась к решению проблемы создания дополнительных рабочих мест, экономическая эффективность которых зачастую приносилась в жертву эффективности социальной. Государство гарантировало всем членам общества определенный уровень качества жизни и являлось основным инвестором в развитие человека, а каждый трудоспособный гражданин являлся элементом государственной системы трудовых ресурсов.

В условиях транзитивной экономики в отношении трудовых ресурсов произошла существенная метаморфоза: далеко не каждый трудоспособный человек может реализовать свой трудовой потенциал полностью или частично, что привело к необходимости рассмотрения не только той части личностного потенциала человека, которая связана с использованием его как рабочей силы, но и совокупности различных качеств, позволяющих воспроизводить человека как полноценного члена общества. Поскольку любой воспроизводственный процесс невозможен без инвестиционных вложений, то становится актуальным вопрос исследования процессов формирования и использования человеческого капитала сельских территорий, оптимизация которого позволит обеспечить создание объективных предпосылок повышения устойчивости развития всей аграрной сферы.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ АГРАРНОЙ СФЕРЫ

1.1. Человеческий капитал: сущность, классификация и инвестиции в воспроизводство

Человек как субъект экономической жизни представляет собой постоянный объект исследований, поскольку место человека в системе социально-экономических отношений постоянно меняется под воздействием развития самого общества. Человек обладает множеством атрибутивных качеств и свойств, определяющих его социальную и экономическую роль, выполняет многообразные функции и в соответствии с этим занимает различное место в структуре общественного воспроизводства.

М.М. Крощенко и М.А. Шестаков [66] совершенно справедливо отмечают, что для характеристики участия человека в трудовой деятельности экономическая наука накопила множество понятий, отражающих различные этапы развития представлений о формах и факторах производственной деятельности: рабочая сила, трудовые ресурсы, человеческие ресурсы, человеческий капитал, трудовой потенциал и т.д. Каждая из приведённых категорий вплеталась в канву категориально-понятийного аппарата экономической науки в соответствии с требованиями практики, обогащая её содержание, формируя и развивая её теоретическую и методологическую базу.

Уже в XVII веке У. Петти предложил использовать категорию «живые действующие силы человека» и считать их составной частью национального богатства. Ф. Галиани считал, что истинным богатством является непосредственно человек. «Человек сам производит свое богатство, и просвещение заставляет их служить своим нуждам и своим наслаждениям так, что все явления, представляемые этими фактами, основаны на человеческой природе и только ею могут быть объясняемы» [13].

К. Маркс определял рабочую силу как совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительские стоимости. Он подчеркивал, что рабочая сила присуща человеку в любом

обществе, однако только на определенной ступени экономического развития это понятие приобретает экономический смысл, а именно тогда, когда способность к труду (рабочая сила) становится товаром. При этом К. Маркс подчеркивал, что главной предпосылкой формирования и развития трудового потенциала человека изначально является природа, наделяющая человека задатками, способностями и навыками к осуществлению трудовой деятельности. Он писал: «Рабочая сила есть, прежде всего, вещество природы, преобразованное в человеческий организм» [72, с. 277].

В настоящее время в современной экономической литературе термин «рабочая сила» используется, как правило, только с позиций экономической теории, тогда как в прикладной экономике трудовые способности человека чаще всего описываются категориями «трудовые ресурсы» и «трудовой потенциал». Лишь в последние годы в научный оборот устойчиво вошел термин «человеческий капитал», широко используемый на Западе.

Н.А. Волгин и Ю.Г. Одегов, исследуя эволюцию представления о человеке как субъекте экономической жизни, выделили следующие категории и их характеристики (таблица 1). Термин «трудовые ресурсы» возник в первые годы советской власти и использовался в обстановке централизованного управления людскими ресурсами страны.

В условиях, когда наряду с правом на труд законодательно была закреплена обязанность каждого трудоспособного гражданина трудиться (или учиться с отрывом от производства), лица, длительное время без уважительных причин не работавшие, преследовались по закону и могли быть наказаны лишением свободы. Строгий статистический учет трудоспособного населения – трудовых ресурсов (наряду с ресурсам природными, материальными и финансовыми) был одним из элементов централизованного планирования экономики.

Категория «трудовые ресурсы» стала использоваться для количественной характеристики задействованных в процессе производства людей, то есть части населения определенного возраста, обладающего необходимым здоровьем, образованием, профессиональными знаниями, необходимыми для общественно полезной деятельности.

Таблица 1. Развитие представления о человеке как субъекте экономической жизни

Категория	Период активного использования	Представление о человек	Факторы возникновения
Рабочая сила	XIX век – настоящее время	Человек как носитель способностей, которые могут производительно использоваться в процессе труда	Необходимость обозначения личного фактора производства
Трудовые ресурсы	20-е годы XX века – настоящее время	Человек как пассивный объект внешнего управления, планово-учетная единица	Необходимость управления процессом воспроизводства рабочей силы в условиях централизованной экономики
Трудовой потенциал	70-80-е годы XX века – настоящее время	Человек как субъект со своими потребностями в сфере труда	Необходимость активизации и эффективного использования возможностей личного фактора
Человеческий фактор	Конец 80-х начало 90-х годов – настоящее время	Человек как главная движущая сила общественного производства	Необходимость повышения отдачи личного фактора
Человеческий капитал	Начало 90-х годов – настоящее время	Человек как объект эффективных вложений	Признание инструментальной ценности человека и производительного характера инвестиций в него

Источник: [145]

В этом контексте категория «трудовые ресурсы» позволяет четко разграничить всю совокупность способностей человека труда и ту ее часть, которая используется в профессиональном конкретном труде, т.е. оплачиваемом и востребованном обществом.

С 1993 г. в российской статистике был осуществлен переход на рекомендуемую Международной Организацией Труда (МОТ) систему классификации статистики труда, в соответствии с которой население делится на экономически активное и экономически неактивное. К экономически активному населению в соответствии с методологией МОТ относятся лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности населения (15 лет - 72 года), которые в рассматриваемый период считаются занятыми или безработными. К занятому населению относятся лица, которые в рассматриваемый период выполняли хотя бы один час в неделю по найму за вознаграждение деньгами или натурой, а также не по найму для получения прибыли или семейного дохода, выполняли работу в качестве помогающих на семейном

предприятии, временно отсутствуя на работе по найму. Занятыми считаются также лица, задействованные по производству продукции в домашнем хозяйстве, предназначенной для реализации (полностью или частично).

До сих пор остается дискуссионным вопрос о содержании категории «трудовой потенциал». Так, ряд исследователей считают, что понятие «трудовой потенциал» может рассматриваться «как определенная мера живого труда, которым обладает трудоспособное население страны в целом, города, деревни или регионов разного масштаба, а также отдельных сфер национального хозяйства: трудовой потенциал сельского хозяйства, сферы материального или духовного производства и т.д. Его параметры определяются количественными (численность трудоспособных контингентов, фонд времени трудовой жизнедеятельности) и качественными (степень занятости населения, уровень образования и квалификация его потенциально и реально трудоспособной части и т.п.) показателями» [84].

С.Г. Радько считает, что термин «трудовой потенциал» целесообразно использовать на уровне отдельных предприятий, и предлагает под трудовым потенциалом понимать «основанную на профессиональных знаниях, практических навыках, личностных и психофизических характеристиках работников способность персонала реализовывать цели предприятия при надлежащем материально-техническом, информационном и организационном обеспечении процесса труда» [105, с. 31]. А систему трудового потенциала он определяет как социально-экономическое образование, представляющее единую организованную структуру, компоненты которой взаимосвязаны и характеризуются единством, выраженным качественными и количественными характеристиками работников.

В отличие от трудовых ресурсов, отражающих количество и структуру труда, трудовой потенциал, по мнению В.М. Рожкова [106], характеризует его качество и потенциальные возможности.

М.М. Крощенко и М.А. Шестаков [66], обобщая обзор подходов к определению трудового потенциала, пришли к выводу, что сформировалось три подхода к толкованию данной категории: ресурсный, в соответствии с которым трудовой потенциал характеризуется как ресурсы труда; факторный, в соответствии с

которым трудовой потенциал есть форма воплощения личного фактора производства; ресурсно-факторный (интегральный), в соответствии с которым трудовой потенциал есть потенциал самого труда.

Ряд авторов считают, что наряду с трудовым потенциалом предприятий и территорий необходимо выделять индивидуальный потенциал работников. Так, В.Г. Новиков, Е.Е. Можаев, И.В. Васильева [86] отмечают, что формирование индивидуального потенциала работника в организации происходит в рамках отраслевого и локального рынков труда, посредством которых хозяйствующие субъекты удовлетворяют свои потребности в профессионально подготовленных кадрах. Но наряду с рыночными (соотношение спроса и предложения на трудовые ресурсы на локальном и отраслевом рынках аграрного труда) значительное влияние на индивидуальный потенциал работника оказывают и другие группы факторов:

– социальные (распределение населения по территориям, динамика воспроизводства населения и его структура, социальная инфраструктура, в т.ч. наличие образовательных учреждений системы профессионального образования и т.д.);

– экономические (уровень заработной платы, условия ведения предпринимательской деятельности, уровень развития поселениеобразующего предприятия и др.);

– технико-технологические (уровень технического обеспечения технологических процессов, уровень информатизации и компьютеризации всех сфер производственно-финансовой деятельности, уровень технологического развития и т.д.);

– правовые (трудовое законодательство, трудовые и имущественные отношения, социальная защищенность и др.).

На наш взгляд, категории «трудовые ресурсы» и «трудовой потенциал» целесообразно использовать лишь применительно к той части потенциала человека, которая связана с непосредственной реализацией трудовой функции, тогда как вопросы совершенствования человеческих ресурсов и их эффективного воспроизводства могут быть разрешены лишь при использовании категорий другого уровня, например категории «человеческий капитал».

Исследования природы человеческого капитала были начаты еще классиками политической экономии, и в XVIII-XIX вв. были сформированы два основных подхода к проблеме содержания этой экономической категории: 1) рассмотрение его как одного из факторов труда; 2) отождествление его с живой человеческой личностью.

Согласно первому подходу в состав общественного богатства включались приобретенные способности, знания, навыки, квалификация работников как производительных факторов труда. «Само человеческое существо..., – отмечает экономист Дж. Милль, – не является капиталом. Человек служит целью, ради которой существует богатство. Но его приобретенные способности, выступающие только как средство и реализующиеся только посредством труда, с полным основанием можно отнести к категории капитала» [13].

Второй подход предполагает расширенную трактовку самого человека с его приобретенными знаниями и навыками в качестве капитала. «Все факторы, в том числе труд, находятся в руках частных собственников, которые продают их предпринимателям на рынках факторов производства», – таким образом была выражена позиция Л. Вальраса. Такой точки зрения придерживался И. Фишер, который толковал, что "многие услуги, связанные с процессом производства, лишь подготавливают другие услуги. Но в конечном счете все они находят завершение в психологическом доходе индивидуума». Л. Вальрас отмечал: «Доход человека - это полный поток услуг, который обеспечивает его собственность», а по мнению И. Фишера, заработная плата есть выплата из дохода, а не часть какого-то капитального фонда [139].

И.В. Бочкаева, рассматривая содержание категории «человеческий капитал» с позиций указанных выше подходов, считает, что сам человек, индивид капиталом быть не может, а капиталом являются лишь те его способности, которые приносят доход в результате его трудовой деятельности. Если способности могут приносить доход, но не приносят, то их следует отнести к трудовому потенциалу, а не к капиталу [18].

Однако как самостоятельный раздел экономического анализа теория человеческого капитала оформилась только на рубеже 50-60-х годов 20 века. Заслуга ее выдвижения принадлежит из-

вестному американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии Т. Шульцу, а базовая теоретическая модель была разработана в книге Г. Беккера (также лауреата Нобелевской премии) "Человеческий капитал" (первое издание 1964 г.). Эта книга стала основой для всех последующих исследований в данной области и была признана классикой современной экономической науки.

Шульц предложил следующее определение: «Все человеческие способности являются или врожденными, или приобретенными. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденные способности. Приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, мы называем человеческим капиталом». Г. Беккер первым перенес понятие «человеческого капитала» на микроуровень. Человеческий капитал предприятия он определил как совокупность навыков, знаний и умений человека. Он писал: «...человеческий капитал – это совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций, целесообразное использование которой способствует увеличению дохода на уровне индивида, предприятия или общества».

Опираясь на подход Беккера, И.В. Бочкаева приходит к выводу, что человеческий капитал включает конечную результативность, эффективность трудовой деятельности работника, то есть характеризует не только положение человека в экономических отношениях, но и, прежде всего, его функциональную роль в производственной или трудовой жизни. В рамках этого понятия человеческий капитал включает результаты реализации производственных или трудовых способностей работника в конкретных видах деятельности. Поэтому, когда речь идет о человеческом капитале, имеются в виду реально участвующие в производственном процессе свойства и качества человека, а потенциальные производительные способности, как правило, называются трудовым потенциалом.

М. Критский считает, что человеческий капитал – это «всеобщеконкретная форма человеческой жизнедеятельности, ассимилирующая предшествующие формы (потребительскую и производственную), адекватные эпохам присваивающего и произво-

дящего хозяйства, и осуществляющаяся как итог исторического движения человеческого общества к его современному состоянию» [65, с.17].

А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, В.А. Коннов и С.А. Курганский рассматривают человеческий капитал как определенный исторический тип хозяйствующего субъекта: «Человеческий капитал – совокупность всех атрибутивных качеств и свойств, производительных способностей и сил, функциональных ролей и форм, рассматриваемых с позиции системной целостности и адекватных современному состоянию общества, … включенных в систему рыночной экономики в качестве ведущего творческого фактора общественного воспроизводства» [32].

Р. Капелюшников [49] рассматривает человеческий капитал как «имеющийся у каждого запас знаний, способностей, мотиваций». Они, по его мнению, «составляют капитал, т.к. их формирование требует отвлечения средств в ущерб текущему потреблению, но при этом они служат источником повышения производительности и заработков в будущем». При этом аналогию между человеческим и «обычным» капиталом нельзя считать полной. Во-первых, в современном обществе человек – в отличие от станка или пакета акций – не может быть предметом купли-продажи (такое возможно лишь в рабовладельческой экономике). Как следствие, на рынке устанавливаются только цены за «аренду» человеческого капитала (в виде ставок заработной платы), тогда как цены на его активы отсутствуют. Это серьезно усложняет анализ. Во-вторых, человеческий капитал способен повышать эффективность деятельности как в рыночном, так и внерыночном секторе, и доход от него может принимать как денежную, так и неденежную форму. В результате потребительские аспекты вложений в человека оказываются не менее важны, чем производственные. Тем не менее в главном человеческий капитал подобен физическому: он представляет собой благо длительного пользования; требует расходов по ремонту и содержанию; может устаревать еще до того, как произойдет его физический износ.

Мы разделяем позицию Е.Н. Андрущак и И.К. Степанищева [4], считающих, что существуют две формы морального износа человеческого капитала. Первая связана с ухудшением характе-

ристик человеческого капитала в рамках существующего знания. Моральному износу данного вида подвержены знания из-за их неполноты, в результате чего процесс накопления человеческого капитала прерывается. Моральный износ второго вида связан с появлением принципиально нового знания, без овладения которым становится невозможным дальнейшее использование человеческого капитала.

Ж. Фиценс [135] применительно к бизнесу описывает человеческий капитал как комбинацию следующих факторов:

– качества, которые человек привносит в свою работу: ум, энергия, позитивность, надежность, преданность;

– способность человека учиться: одаренность, воображение, творческий характер личности, смекалка («как делать дела»);

– побуждения человека делиться информацией и знаниями: командный дух и ориентация на цели.

Он считает, что с точки зрения управления человеческий компонент - самый обременительный из всех активов. Почти безграничное разнообразие и непредсказуемость людей делают их невероятно сложными для оценивания, гораздо сложнее, чем любой электромеханический узел, поступающий с предписанными практическими спецификациями. Тем не менее люди – единственный элемент, обладающий способностью производить стоимость. Все остальные переменные – деньги и их «родственник» кредит, сырье, заводы, оборудование и энергия – могут предложить лишь инертные потенциалы. По своей природе они ничего не прибавляют и не могут добавить, пока человек, будь это рабочий самой низкой квалификации, искуснейший профессионал или руководитель высшего звена, не использует этот потенциал, заставив его работать.

Е.Н. Андрущак и И.К. Степанищев [4], исследуя содержание понятия «человеческий капитал», выделяют следующие особенности:

– человеческий капитал является главной ценностью современного общества, а также основополагающим фактором экономического роста;

– формирование человеческого капитала требует значительных затрат как от самого индивидуума, так и от общества в целом;

– человеческий капитал может быть накоплен, а именно индивидуум может приобретать определённые навыки, способности, может укрепить своё здоровье;

– человеческий капитал на протяжении жизни человека не только приобретается, но и изнашивается как физически, так и морально. Устаревают знания индивидуума, т.е. экономически изменяется стоимость человеческого капитала в процессе бытия – он амортизируется;

– инвестиции в человеческий капитал дают своему обладателю, как правило, в будущем более высокий доход. Для общества вложения дают более длительный (по времени) и интегральный (по характеру) экономический и социальный эффект;

– инвестиции в человеческий капитал носят довольно длительный характер. И если инвестиции в человеческий капитал образования имеют период 12 – 20 лет, то в капитал здоровья человек производит вложения в течение всего периода времени;

– человеческий капитал отличается от физического капитала по степени ликвидности. Человеческий капитал неотделим от его носителя – живой человеческой личности;

– прямые доходы, получаемые человеком, контролируются им самим независимо от источника инвестиций;

– от решения человека, от его волеизъявления зависит функционирование человеческого капитала.

Человеческий капитал, по мнению И.С. Буриковой [21], обладает четырьмя базовыми психологическими способностями:

1. Жизнеспособность – способность человека воспроизводить себя, т.е. способность жить в неких оптимальных условиях и давать потомство. Эта способность соответствует природным свойствам и естественному смыслу жизни индивида – сохранению себя и потомства.

2. Работоспособность – способность человека выполнять определенную работу в необходимом количестве и с необходимым качеством. Работоспособность является свойством человека

как субъекта деятельности, характеризует некую меру жизненной энергии человека.

3. Способность к инновациям – способность человека адаптироваться к нововведениям в различных сферах жизни. Это способность изменять свое сознание и поведение вслед за изменением внешних условий. Способность к инновациям – характеристика человека как личности, субъекта общественных отношений. Современный мир так стремительно меняется, что для многих людей становится проблемой адаптации к этим переменам. Ценности играют роль той основы, которая помогает человеку выжить, сохранить себя. И только очень немногие люди могут не только приспосабливаться к переменам, но и сами принимать участие в создании будущего мира. Это мы и называем способностью к обучению. В отличие от способности к инновациям, которая характеризует меру адаптивности человека к меняющимся условиям, способность к обучению – это способность самому изменять внешнюю среду.

4. Способность к обучению – свойство человека как индивидуальности, неповторимой своеобразной сущности. Эта способность связана с целями жизни, т.к. именно цель как осознанный образ предвосхищаемого будущего определяет нашу жизнь в настоящем. В философии под целью понимается идеально, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия. Определив некую цель и стремясь к ней, человек меняет себя и окружающий мир. Способность к обучению – это и есть некий аналог способности ставить перед собой адекватные цели и достигать их.

П.В. Савченко и М.Н. Федорова, исследуя двойственную природу человека как субъекта экономики и общества, отмечают, что эти две ипостаси человека тесно взаимосвязаны. Связь между ними выступает и фактором, конституирующим общество, и источником противоречий в нем, и стимулятором, и ограничителем общественной активности человека. Человек как субъект экономики и общества является исходной клеточкой (ядром) системы социально-экономических отношений и стержнем, объединяющим все общественные науки. Он выступает субъектом, целью и средством развития цивилизации. Как субъект экономики чело-

век формируется и развивается в системе рыночных отношений (разделение труда, товарный обмен, прибыль, конкуренция, монополия и др.), где доминирует эгоистический интерес человека. По их мнению, человеческий капитал включает три составляющих: витальный капитал (характеризует здоровье человека), интеллектуальный капитал (характеризует творческий потенциал человека как работника), духовный капитал (характеризует человека как носителя культуры и нравственности) [109].

Человек как субъект общества является участником коммуникативных отношений (семьи, определенной демографической, профессиональной, социальной группы, этнической и религиозной принадлежности, политической деятельности, общественной организации и т.д.). Как участник коммуникативных отношений человек действует в системе общественных институтов – формальных и неформальных норм и правил поведения, включающих правовые, мировоззренческие и моральные установки. Институты отражают объективные структуры внешнего мира и субъективные стороны человеческой деятельности.

Авторы монографии «Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование» [117] предлагают выделять следующие основные элементы индивидуального человеческого капитала:

– знания, представляющие собой целесообразную форму информации, используемую в экономической деятельности и позволяющие повысить ее эффективность;

– способности – умение успешно выполнять какую-либо деятельность;

– опыт или навыки действия, мастерство выполнения конкретных трудовых операций длительное время;

– культура – принципы и стереотипы поведения в рамках существующих в обществе знаний, правил, традиций, морали;

– мотивация – направленность деятельности, ее интенсивность, удовлетворенность процессом и результатами.

На формирование человеческого капитала оказывает влияние и организационная культура, которую можно рассматривать как:

– «запрограммированный коллективный разум» членов организации, их понимание ее миссии и целей, доминирующих ценностей, стереотипов поведения, корпоративность;

– мотивационный механизм, обеспечивающий условия для реализации созидательных способностей человека, создание соответствующего психологического климата в организации и возможностей для профессионального и должностного роста;

– культуру непрерывного образования, способствующую постоянному обогащению и совершенствованию потенциальных возможностей сотрудников организации;

– систему развития личностных качеств, оказывающую влияние на отношения между участниками трудового коллектива и их отношение к труду.

Человеческий капитал – явление сложное, многообразное, изменяющееся. Исследователи человеческого капитала акцентируют внимание на разных его аспектах, что обусловливает разницу подходов в определении его сущности и содержания.

В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчин, И.В. Скобликова справедливо отмечают, что при изучении человеческого капитала часто возникают вопросы соотношения этой категории с однопорядковыми понятиями: человеческие ресурсы, человеческий потенциал, рабочая сила, нематериальные активы. По их мнению, все эти понятия являются пересекающимися по логическому содержанию, но с различными смысловыми значениями. Так, человеческие (трудовые) ресурсы, с их точки зрения, представляют собой численность населения страны или региона и его демографические характеристики. При этом человеческий потенциал отражает максимально возможную реализацию способностей человека, а рабочая сила представлена совокупностью навыков к простому труду, не требующему специального обучения. Человеческий же капитал выступает экономической формой реализации человеческого потенциала и ресурсов в определенных исторических условиях и отраслях экономики [117].

Первооткрыватели человеческого капитала как целостной концепции Т. Шульц и Г. Беккер основное внимание обращали на инвестиции в человеческий капитал и оценку их эффективности,

поскольку инвестиции средств как раз и превращают ресурс в капитал, делают простое благо благом капитальным.

Однако человеческие способности как капитальное благо существенно отличны от физических свойств машин. «Аналогии между человеческим капиталом и физическим интересны и волнующи, - замечает Л. Туроу, – однако человеческий капитал нельзя анализировать точно так же, как физический капитал».

Группа исследователей под руководством Т.А. Хагурова [139] считают, что функциональный кругооборот человеческого капитала осуществляется посредством жизнедеятельности его носителя – человека, производительные силы которого принимают в процессе воспроизводственного движения различные функционально-логические формы. Они выделяют семь стадий функционального кругооборота человеческого капитала: инвестирование в человека в виде конкретных вложений; накопление человеком необходимого творческого потенциала; использование накопленного потенциала в процессе труда, ведущее к росту производительности труда; рост доходов человека и получение других эффектов; рост уровня потребления и повышение качества жизни человека; повышение мотиваций, заинтересованности в новых инвестициях; новое инвестирование в человека. Повторяющийся и возобновляемый в каждом новом цикле функциональный оборот человеческого капитала они предлагают называть общим оборотом индивидуального человеческого капитала.

Исследуя человеческий капитал как объект инвестиций, А. Балханов [9] отмечает следующие его особенности. Во-первых, инвестиции в человеческий капитал неотделимы от его носителя. Во-вторых, объект вложений имеет закрепленные законодательно права, то есть человеческий капитал может быть использован только в установленном законодательством порядке. В-третьих, инвестор, вкладывающий средства в человеческий капитал, получит не только и не столько экономический, а социальный эффект. В-четвертых, человеческий капитал изменяется в зависимости от личных, профессиональных качеств, от условий труда. В-пятых, человеческий капитал на рынке труда может быть востребован в разном качестве и в разных долях.

М.А. Гильтман [27] отмечает, что оценка эффективности инвестиций в человеческий капитал является традиционным подходом к исследованию процесса формирования человеческого капитала. Основоположники теории человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц и их последователи) считали, что вложение средств в образование, здравоохранение, миграцию (инвестиции в человеческий капитал) производится на рациональной основе – ради получения больших доходов в будущем. Но большинство методик оценки человеческого капитала все-таки остаются оторванными от реальной жизни. Например, сложно представить, что родители оценивают возможный экономический эффект от вложений в развитие и воспитание своих детей. К трансформирующейся российской экономике такие методики вообще неприменимы вследствие постоянно меняющихся условий внешней среды. Так, например, если в абсолютном большинстве развитых стран существует прямая устойчивая зависимость уровня доходов человека от его образования, то в современной России такая зависимость не только неустойчива, но иногда вообще отсутствует.

В широком смысле, с позиций инвестиций, человеческий капитал представляет собой сумму всех доходов, полученных в течение жизни, тогда как составляющие (здоровье, знания и т.д.) являются только сопутствующими факторами. Доходы, таким образом, являются конечной целью инвестиций в человеческий капитал. Мы разделяем позицию М.А. Гильтман, считающей, что такая цель далеко не конечна, а для некоторых индивидов вообще не является целью. Да, получение доходов, несомненно, является одной из важнейших задач в жизни большинства людей, но, как известно, не человек существует ради получения доходов, а доходы нужны для существования человека.

К. Макконнелл и С. Брю выделяют следующие виды инвестиций в человеческий капитал:

– расходы на образование, включая общее и специальное, формальное и неформальное, подготовку на рабочем месте;

– расходы на здравоохранение, складывающиеся из расходов на профилактику заболеваний, медицинское обслуживание, диетическое питание, улучшение жилищных условий;

– расходы на мобильность, благодаря которым работники мигрируют из мест с относительно низкой производительностью в места с относительно высокой производительностью [70].

Оригинальный подход к изучению этой проблемы разработал Дж. Кэндрик. Его классификация инвестиций в человеческий капитал представлена на рисунке 1.

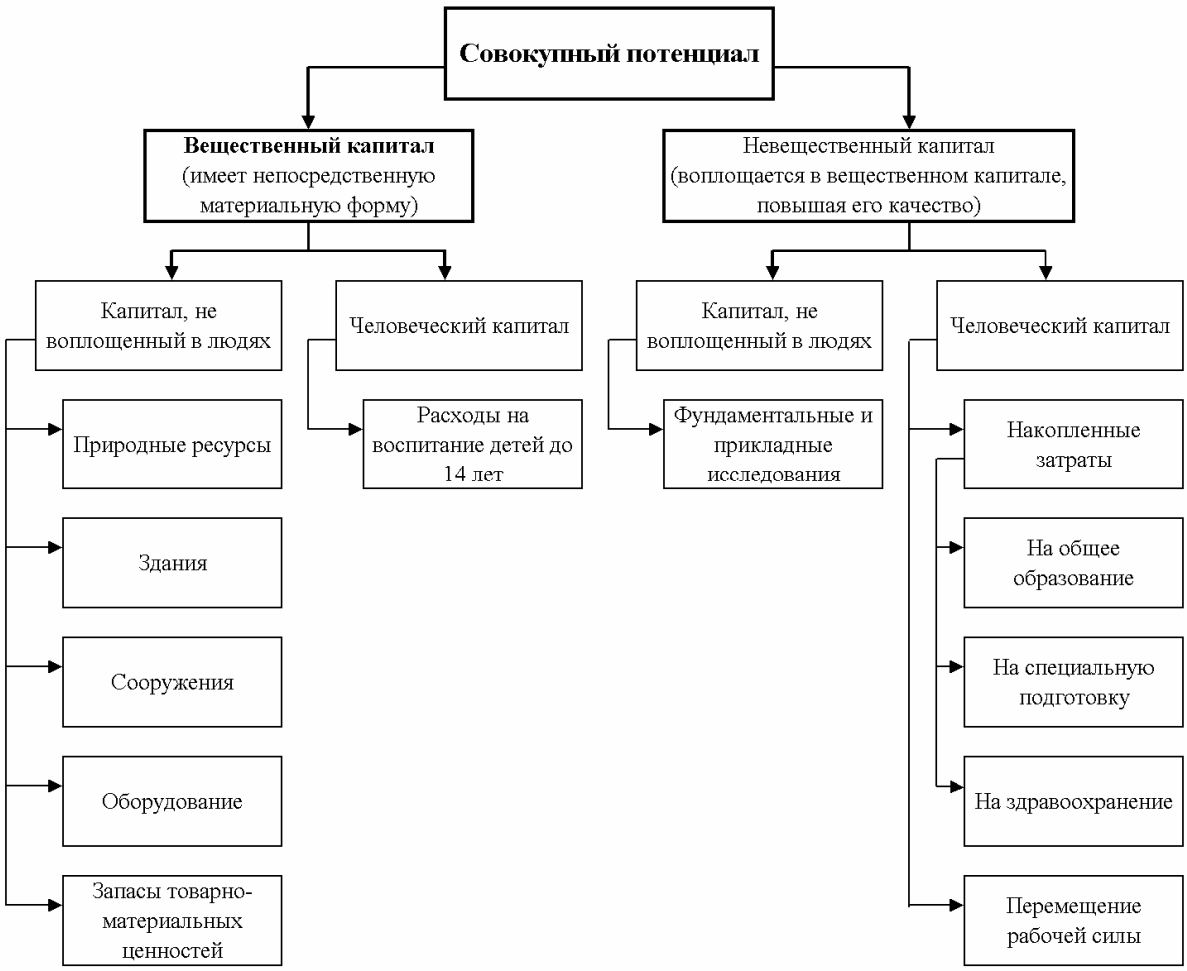

Рис. 1. Распределение совокупного капитала (по Дж. Кендрику)

Эта классификация строилась на предпосылках о том, что вещественный капитал имеет материальную форму, а невещественный – не имеет собственной материальной формы, а воплощается в вещественном капитале, повышая его качество и продуктивность. Обе части совокупного капитала распределяются, в свою очередь, на капитал, не воплощенный в людях, и человеческий капитал. Вещественный капитал, не воплощенный в людях, охватывает факторы производства, которые включаются в понятие «богатство».

Вещественный капитал, воплощенный в людях, является одним из главных признаков концепции Дж.Кендрика. К этому капи-

талу он относит затраты на формирование человеческого капитала, т.е. издержки воспитания детей до 14 лет, без учета затрат на их образование. К невещественному человеческому капиталу при этом относятся накопленные затраты на общее образование и специальную подготовку, часть накопленных затрат на здравоохранение и затраты на перемещение рабочей силы, а к невещественному капиталу, не воплощенному в людях, – расходы, необходимые для накопления используемых в производстве знаний и практического опыта, включая знания, воплощенные в новых или улучшенных потребительских товарах, средствах производства, производительных процессах и системах. Эти расходы относятся к инвестициям, так как одни способствуют снижению издержек производства и увеличивают производительность труда, другие создают новые или улучшенные потребительские товары, которые служат удовлетворению потребностей.

Основными видами инвестиций в человеческий капитал предприятия являются инвестиции в специальную подготовку, физическое состояние и эмоциональное поведение работников.

Очевидно, что инвестиции в человеческий капитал должны способствовать повышению восприимчивости индивидуумов к новым научным идеям, технико-технологическим новациям, повышению тем самым и адаптационного потенциала экономической системы, ее возможностей развиваться, приспосабливаясь к постоянным изменениям. В противном случае накопленный человеческий капитал не может быть реализован, общественная потребность в человеческом капитале соответствующего качества и количества не может быть удовлетворена. Углубление этих структурных деформаций в его воспроизводстве фактически приводит к потере инвестированных средств. Инвестиции в человеческий капитал оказываются малоэффективными, прежде всего, в деформированной экономике, так как сопряжены со значительным риском, обусловленным несоответствием спроса и предложения такого важного элемента человеческого капитала, как трудовой потенциал.

Н.А. Маврина [69], анализируя работы таких отечественных экономистов, как Ю.Г. Быченко, А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Р.И. Капелюшников, С.А. Курганский, В.И. Марцинкевич, И.В. Соболева, выделяет ряд особенностей, отличающих инвестиции в человеческий капитал от других видов инвестиций.

1. Отдача от инвестиций в человеческий капитал непосредственно зависит от срока жизни его носителя (от продолжительности трудоспособного периода). Чем раньше делаются вложения в человека, тем быстрее они начинают давать отдачу. Качественные и длительные инвестиции приносят высокий и долговременный эффект.

2. Человеческий капитал не только подвержен физическому и моральному износу, но и способен накапливаться и умножаться. Износ человеческого капитала определяется, во-первых, степенью естественного износа (старения) человеческого организма и угасания присущих ему психофизиологических функций, а во-вторых, степенью морального (экономического) износа вследствие устаревания знаний или изменения ценности полученного образования. Накопление человеческого капитала осуществляется в процессе периодического переобучения работника и приобретения им производственного опыта. Если данный процесс осуществляется непрерывно, то по мере использования человеческого капитала его качественные и количественные (качество, объем, ценность) характеристики улучшаются.

3. По мере накопления человеческого капитала его доходность повышается до определенного предела, ограниченного верхней границей активной трудовой деятельности (активного трудоспособного возраста), а потом резко снижается.

4. При формировании человеческого капитала имеет место «обоюдный множительный эффект». Его суть заключается в том, что в процессе обучения улучшаются характеристики и способности не только у обучаемого, но и у того, кто обучает, что впоследствии приводит к росту заработков как первого, так и второго.

5. Не все инвестиции в человека могут быть признаны вложениями в человеческий капитал, а лишь те, которые общественно целесообразны и экономически необходимы.

6. Характер и виды вложений в человека обусловлены историческими, национальными, культурными особенностями и традициями.

7. По сравнению с инвестициями в иные формы капитала инвестиции в человеческий капитал являются наиболее выгодными с точки зрения как отдельного человека, так и всего общества.

На наш взгляд, человеческий капитал – это совокупность врожденных и накопленных физических, умственных и личностных способностей и качеств человека, приобретенных знаний и умений, которые могут быть им реализованы с целью получения дохода или социального эффекта. Следует отметить, что в отличие от существующих подходов важнейшей характеристикой человеческого капитала наряду с его способностью обеспечить получение дохода является достижение социального эффекта, заключающегося в социальной адаптации человека, обеспечении его социальной активности.

Очевидно, что любой человек обладает определенными врожденными способностями (врожденным потенциалом). Развитие человека происходит под влиянием семьи и общества, которые, по сути, инвестируют средства в формирование человека как личности, как субъекта экономических и социальных отношений.

В ходе физиологического развития человека формируется его биофизический потенциал, который характеризуется принадлежностью к полу, возрастом, физическим строением организма, силой, выносливостью и т.д.

В процессе образования закладывается и накапливается трудовой, интеллектуальный и организационно-предприниматель-ский потенциал человека. Качество трудового потенциала определяется уровнем профессионального образования, квалификацией, умениями и навыками, а также способностями к умственному и физическому труду, интеллектуального потенциала – уровнем общего образования, способностью к самообразованию, к генерации новых идей, умением получать и использовать новые знания, наличием у человека уникальных знаний. Организационно-предпринимательский потенциал индивидуума заключается в его способности вести предпринимательскую деятельность, умении организовать производство и быть готовым к постоянным инновациям и объективно существующим рискам.

В процессе воспитания и под влиянием социальной системы общества развивается социально-адаптивный и культурно-нравственный потенциал человека. Социально-адаптивный потенциал представляет собой способность человека интегрироваться в социальную среду и быть социально активным. Культурно-нравственный потенциал предполагает знание и соблюдение чело-

веком этических норм поведения в обществе, соблюдение сложившихся национальных и религиозных традиций, способность участвовать в культурной жизни и т.д.

Совокупность этих потенциалов представляет собой накопленный человеческий потенциал, который, при условии его полной востребованности для получения дохода или социальной адаптации человека, может быть отождествлен с человеческим капиталом. На рисунке 2 приведена схема формирования индивидуального человеческого капитала.

Рис. 2. Схема формирования индивидуального человеческого капитала

Вместе с тем каждый вид потенциала человека формируется под воздействием отдельных элементов человеческого капитала, к основным из которых автор относит знания, опыт, умственные и физические способности, личностные способности и качества человека (рисунок 3).

Рис. 3. Структурные элементы человеческого капитала

Общие знания позволяют человеку не только адаптироваться в социальной среде, но и создают базу получения профессионального образования того или иного уровня, которое, в свою очередь, за счет реализации принципа непрерывности позволяет формировать совокупность профессиональных знаний.

Несомненна роль и специальных знаний, позволяющих максимально полно использовать знания профессиональные. К числу специальных знаний мы относим, например, знание аппаратных и программных средств ЭВМ и владение компьютером, знание правил дорожного движения и умение управлять автомобилем, знание иностранных языков и т.д.

Уникальными знаниями обладают, как правило, единицы людей, причем эти знания могут и не базироваться на общем и профессиональном образовании, например, обладание разного рода ноу-хау, знания народной медицины, примет и т.д.

Опыт человека в некоторых случаях даже более ценен, чем знания. И если с позиций производственной деятельности особенно ценны производственный опыт и владение практическими навыками, то с точки зрения социальной среды приоритет отдается так называемому житейскому опыту, стереотипам и принципам поведения.

Но если знания и опыт являются по сути результатом развития человека, то его умственные и физические способности зачастую являются врожденными или развитыми в процессе воспитания ребенка. Формирование умственных и физических способностей происходит в первую очередь в семье, но при непосредственном участии государства и общества. Непосредственным результатом развития данных способностей является способность человека к тем или иным видам умственного или физического труда.

Не менее важными для обеспечения получения определенного уровня доходов являются такие личностные способности человека, как его предпринимательские способности, способность работать в коллективе, способность генерировать новые идеи, способность передавать знания другим.

Помимо способностей на величину человеческого капитала оказывают и личные качества человека: его морально-этический облик, наличие лидерских качеств, коммуникабельность и мобильность.

Очевидно, что формирование и развитие всех элементов человеческого капитала невозможно без инвестиций по самым разнообразным векторам развития человека. При этом следует отметить, что максимальной отдачи инвестиций можно добиться лишь при комплексном использовании всех источников их финансирования: личных доходов индивидуума, доходов семьи, средств хозяйствующих субъектов, бюджетов различных уровней.

Основные направления инвестирования в человеческий капитал на уровне индивидуума, семьи, хозяйствующего субъекта, территориального образования и государства представлены на рисунке 4.

На уровне отдельной личности инвестиции в человеческий капитал связаны с самообразованием, овладением профессией, повышением квалификации, поддержанием определенного уровня жизни, ведением здорового образа жизни, повышением культурно-нравственного уровня и адаптацией к среде обитания.

На уровне семьи основные расходы связаны с созданием достойных условий жизни всех членов семьи, затратами на воспитание и образование, ведением домашнего хозяйства, сохранением национальных и религиозных традиций, ведением здорового образа жизни.

На уровне хозяйствующего субъекта инвестиции в человеческий капитал связаны главным образом с воспроизводством человека как носителя трудовой функции. Это создание и сохранение рабочих мест, подготовка и переподготовка кадров, создание безопасных условий труда, страхование здоровья работников, организация их отдыха и досуга, развитие корпоративной этики и культуры, социальное партнерство.

Территориальные образования (поселения) ориентированы на развитие социальной инфраструктуры населенных пунктов, условий жизни населения и социальных отношений в пределах своих компетенций, тогда как объектом инвестиций на уровне государства являются системы образования, здравоохранения, социальных гарантий, национальной и экологической безопасности, развитие территорий и участие в социальном партнерстве.

Рис. 4. Направления инвестиций в человеческий капитал

Основным инструментом обеспечения взаимодействия всех уровней инвестирования в человеческий капитал является социальное партнерство, представляющее собой систему взаимоотношений между работниками, работодателями, органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленную на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Е.А. Короткова [61] отмечает, что в цивилизованном демократическом обществе, в странах с социально ориентированной рыночной экономикой под социальным партнерством понимается принципиально новый тип социально-трудовых отношений, заключающийся в том, что: во-первых, наемный работник перестает быть только объектом социально-трудовых отношений и наряду с собственником-предпринимателем, работодателем становится активным субъектом самих этих отношений и активным субъектом их регулирования на различных уровнях; во-вторых, важнейшим принципом регулирования социально-трудовых отношений становится принцип равноправного участия в этом процессе государства, представителей собственника, предпринимателя, работодателя и представителей работника. Именно социальное партнерство составляет в развитых демократических странах суть цивилизованного и эффективного регулирования социально-трудовых отношений, предотвращения или мирного разрешения социальных конфликтов, гарантию социального согласия и прогресса.

В современной экономической литературе для оценки человеческого капитала наиболее часто используется индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Этот показатель был предложен в 1990 г. группой экспертов под руководством Махбуба уль-Хака (Mahbub ul-Haq) и с этого же года стал использоваться ООН в ежегодном отчёте по развитию человеческого потенциала. Индекс отражает достижения каждой страны в обеспечении трех важнейших аспектов человеческого благополучия: долголетия (и только косвенно - здоровья), определяемого через показатель ожидаемой продолжительности жизни; образования, определяемого комбинацией двух показателей: грамотности взрослого населения и охвата населения тремя ступенями образования - начального, среднего и высшего; дохода, определяемого величиной

реального ВВП на душу населения. Достижения в каждой из этих областей сначала оцениваются в процентах от некой идеальной, на момент формирования методики ни в одной стране мира не достигнутой ситуации: ожидаемой продолжительности жизни, равной 85 годам; грамотности и охвата населения образованием всех трех ступеней на уровне 100%; реального ВВП на душу населения на уровне $40 тыс. В зависимости от значения ИРЧП страны принято классифицировать по уровню развития: высокий (0,8…1), средний (0,5…0,8) и низкий (0…0,5) уровень [30].

Реализация человеческого капитала возможна лишь при условии реализации экономического и социального потенциала человека. В этой связи исследование человеческого капитала напрямую связано с решением вопросов занятости населения.

А. Шуваев [143], анализируя существующие теории занятости, четко формулирует различия между ними. Так, в соответствии с канонами классической теории занятости последняя должна быть полностью свободной и неконтролируемой со стороны правительственных органов и институтов. Но если А. Смит подчеркивал необходимость и возможность повышения трудовой заинтересованности работника вследствие развития свободного духа предпринимательства и стабилизации ставок заработной платы, то Д. Рикардо и Ф. Кенэ рост богатства в государстве связывали с повышением спроса на труд, который мог существенно увеличить и расширить масштабы занятости. Они ратовали за неограниченное развитие торговли и конкуренции и видели в этом основу основ роста трудовой деятельности и постоянного повышения занятости трудоспособных лиц.

Теория занятости К. Маркса базировалась на полном государственном вмешательстве государства в экономику с целью обеспечения оптимального и рационального использования рабочей силы. Кейнсианская теория занятости предусматривает частичное вмешательство государства в экономику отраслей и производств, в планирование предпринимательской деятельности тех или иных фирм, но вместе с тем дает им определенную свободу действий. Кейнс являлся сторонником полной и эффективной занятости в государстве, государственных мер по уменьшению фрикционной безработицы и сокращения добровольной незаня-

тости рабочей силы. Он также указывал на большое значение инвестиций в деле повышения занятости рабочей силы.

Монетаристская теория занятости основной упор делает на оплату труда наемной рабочей силы, выявляя обратную взаимосвязь между уровнем занятости трудоспособного населения и уровнем оплаты его туда.

В современной российской экономической литературе занятость, как правило, трактуется с двух позиций. С первой позиции занятость – это процесс приложения труда или вовлечения в производство трудоспособных лиц, со второй – совокупность экономических отношений по поводу участия населения в трудовом процессе.

В соответствии с рекомендациями Международной Организации Труда население принято делить на экономически активное и экономически неактивное. Экономически активное население в соответствии с методологией МОТ – лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности населения (15-72 года), которые в рассматриваемый период считаются занятыми или безработными. Уровень экономически активного населения измеряется как удельный вес численности занятого населения в общей численности населения, рассчитанный в процентах.

Занятое население (занятые экономической деятельностью) - это лица, которые в рассматриваемый период выполняли работу хотя бы один час в неделю по найму за вознаграждение, а также не по найму для получения прибыли или семейного дохода, выполняли работу в качестве помогающих на семейном предприятии, временно отсутствуя на работе по найму. Занятыми считаются также лица, занятые выполнением работ по производству продукции в домашнем хозяйстве, предназначенной для реализации (полностью или частично).

Работающие не по найму – это лица, которые выполняют работу, определяемую как работа на собственном предприятии, в собственном деле. Это работа, при которой вознаграждение непосредственно зависит от дохода, получаемого от производства товаров и услуг. Эта группа объединяет работодателей, самостоятельно занятых лиц, членов производственных кооперативов, помогающих на семейном предприятии.

Работающие по найму, или наемные работники, – это лица, которые выполняют работу, при которой лицо заключает договор, гарантирующий базовое вознаграждение.

Безработные в соответствии с определением МОТ – это лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности населения, которые в рассматриваемый период отвечали одновременно следующим критериям: не имели работы; занимались поиском работы в течение четырех недель, предшествующих обследуемой недели, используя при этом любые способы; были готовы приступить к работе немедленно. К безработным также относятся лица, которые в рассматриваемый период не имели работы, но договорились о сроке начала работы (в течение двух недель после обследуемой недели) и не продолжали дальнейшего ее поиска; не имели работы, были готовы приступить к ней, не искали работу, так как ожидали ответа от работодателя на сделанное ранее обращение. При этом период ожидания ответа не должен превышать один месяц. Учащиеся, студенты, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они занимались поиском работы и были готовы приступить к ней [106, с.32].

В. Гимпельсон и Р. Капелюшников [28] предлагают различать стандартную и нестандартную занятость. Под стандартной занятостью понимается занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора на предприятии или организации под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров. В большинстве стран такой стандарт закреплен законодательно. Все формы занятости, отклоняющиеся от него, включая самозанятость, могут рассматриваться как нестандартные. Сравнительная характеристика стандартной и некоторых видов нестандартной занятости приведена в таблице 2.

В.Я. Стрельцов отмечает, что «рынок труда представляет собой специфическую форму функционирования рыночных отношений в сфере занятости» [125, с. 17]. Мы разделяем его позицию касательно разноаспектного раскрытия сущности данного термина. Рынок труда – это, прежде всего, система общественных отношений, связанных с наймом и предложением труда.

Таблица 2. Сравнительная характеристика стандартной и некоторых видов нестандартной занятости

Вид занятости	Работодатели	Работа по найму	Продолжительность рабочего дня	Типы трудового контракта	Контроль за процессом труда
Стандартная	Организация	Да	Нормальная	Бессрочный	Работодатель
Нестандартная занятость					
Непостоянная	Организация, либо частное лицо	Да, либо самозанятость	По обстоятельствам	На определенный срок или на определенный объем работ	Работодатель
Неполная	Организация, частное лицо, либо отсутствует	Да	Контракт на рабочее время меньше нормального	Может быть любой	Работодатель или сам работник
Недозанятость	Организация, частное лицо, либо отсутствует	Да, либо самозанятость	Фактическая продолжительность короче контрактной	Может быть любой	Работодатель или сам работник
Сверхзанятость	Организация, частное лицо, либо отсутствует	Да, либо самозанятость	Дольше установленной и общепринятой	Может быть любой	Работодатель или сам работник
Вторичная	Организация, частное лицо, либо отсутствует	Да, либо самозанятость	По обстоятельствам, но за пределами нормальной	По обстоятельствам	По обстоятельствам
Самозанятость	Отсутствует	Нет	По обстоятельствам	Отсутствует	Сам работник
Неформальная	Организация, частное лицо, либо отсутствует	Да, либо самозанятость	По обстоятельствам	Как правило, контракт отсутствует	Как правило клиент или сам работник
Занятость в домашних хозяйствах	Отсутствует	Нет	По обстоятельствам	Отсутствует	Сам работник

Это экономическое пространство, в котором взаимодействуют покупатели и продавцы специфического товара – труда; это механизм, обеспечивающий согласование цены и условий труда между работодателями и наемными работниками.

Р. Капелюшников, В. Гимпельсон и А. Полетаев [47], анализируя процессы становления и развития российского рынка труда, сделали вывод о том, что и на этапе спада производства, и на этапе его подъема рынок труда функционировал как очень пластичный механизм. Однако природа и степень его гибкости при этом были совершенно особыми: вместо высокой эластичности занятости рынку труда была присуща высокая гибкость заработной платы.

В. Строганов считает, что в период радикальных экономических реформ в России резко обесценились знания, опыт и навыки, полученные людьми в системе советского образования и в процессе производственной деятельности в советской же системе хозяйствования. Рынок труда предъявил новые требования к качеству рабочей силы, и накопление человеческого капитала фактически началось тогда заново – если не «с нуля», то с довольно низкой отметки [126].

В настоящее время существует две основные модели занятости. Первая модель предполагает сохранение большого числа рабочих мест независимо от их производительности. При этом низкий уровень оплаты труда является компенсацией за консервацию обширного сегмента малопроизводительных рабочих мест. Это одна из причин существенного неравенства в оплате труда и роста числа бедных среди работающих. Вторая модель ориентирована не на поддержание высокого уровня занятости, а на высокий уровень производительности труда и соответственно заработной платы. Основная задача данной модели состоит в том, что защищать следует не рабочие места, а работников, теряющих работу. В этом случае неравенство в распределении заработной платы оказывается достаточно умеренным, а бедность среди работающих встречается относительно редко.

1.2. Человеческий фактор в потенциале развития хозяйствующих субъектов аграрной сферы и сельских территорий

Человек был и всегда останется главным фактором производства и субъектом общественного воспроизводства. Экономическая теория в изучении человеческого общества исходит из того, что человек является одновременно и производителем, и потребителем экономических благ. Он создает, приводит в действие и определяет способы использования техники и технологии, которые, в свою очередь, предъявляют новые требования к физическим и интеллектуальным возможностям человека. При этом человек является главной производительной силой общества. Работник одновременно является и носителем рабочей силы, и субъектом производственных отношений. Воздействуя на производство, изменяя его, он тем самым изменяет всю систему экономических отношений, изменяет свое собственное экономическое поведение.

Очевидно, что социально-экономическая сущность человека может быть реализована лишь в его взаимодействии с другими людьми в процессе его интеграции в систему производственных отношений. В этой связи человеческий потенциал является элементом потенциала развития какого-либо хозяйствующего субъекта или территориального образования.

Под экономическим потенциалом хозяйствующего субъекта или территориального образования в контексте наших исследований будут пониматься исходные возможности совокупности имеющихся ресурсов при том или ином способе их соединения в процессе воспроизводства относительно сложившейся совокупности макроэкономических факторов.

Рассматривая человеческий фактор в системе потенциала развития хозяйствующих субъектов, следует отметить, что с точки зрения производственных систем приоритетными элементами человеческого капитала являются способность человека к труду, уровень профессионального образования, наличие знаний и производственного опыта, то есть тех элементов, которые формируют трудовой потенциал человека. С позиций же территориальных образований приоритетными элементами человеческого капитала являются элементы, формирующие социально-адаптивный и

культурно-нравственный потенциал человека. Такое смещение приоритетов обусловлено стратегическими целями, регламентирующими деятельность хозяйствующих субъектов и территориальных образований. Если для первых стратегическая цель, как правило, состоит в устойчивом получении максимально возможной суммы прибыли, то для вторых – в обеспечении стабильного социально-экономического развития конкретной территории, повышении уровня занятости населения и уровня его жизни. В этой связи вопросы формирования и использования человеческого капитала следует рассматривать в нескольких плоскостях: в плоскости функционирования производственной системы хозяйствующего субъекта и в плоскости развития конкретных территориальных образований. Применительно к сельскому хозяйству для описания территориальных образований используют такие понятия, как сельские территории, сельские поселения и сельские населенные пункты.

Очевидно, что человеческий капитал аграрной сферы эволюционно развивается, причем специфика его формирования и использования зависит от уровня развития самого сельского хозяйства и территорий, на которых осуществляется аграрное производство и размещается сельское население.

Исследуя опыт европейский стран, Ф. Мантино [71] выделяет три концепции сельского развития. Концепция, которая идентифицирует сельское развитие с общей модернизацией сельского хозяйства и агропродовольственного комплекса. Эта концепция ставит во главу угла развитие прежде всего аграрного сектора. Концепция, которая связывает сельское развитие исключительно с сокращением различий между наиболее отсталыми сельскими районами и остальными отраслями экономики (концепция сближения). Концепция, которая идентифицирует сельское развитие с развитием сельских районов в целом путем использования всех ресурсов, имеющихся в данном районе (человеческих, физических, природных, ландшафтных и пр.), и интеграции между всеми компонентами и отраслями на местном уровне. Эта концепция использует возможности территории в наиболее широком ее понимании. Этим трем концепциям соответствуют три различные, хотя и не формализованные модели, которые используются для объяснения политики развития сельских территорий.

Отраслевая модель, отображающая сельское развитие через развитие сельского хозяйства, базируется на том, что цели государственной политики поддержки сельского хозяйства или, в более общем виде, развития агропродовольственного сектора заключаются в том, чтобы усилить конкурентоспособность производственных структур, особенно путем увеличения размеров производства. Движущей силой этой модели является «профессиональное» сельскохозяйственное предприятие и соответственно сельскохозяйственный производитель, стремящийся вести производство на условиях полной занятости. Сельские территории при этом рассматриваются как совокупность ресурсов для сельского хозяйства и как резервуар для развития производственных процессов в сельском хозяйстве, а понятие «сельское развитие» практически отождествляется с понятием «пространство для сельскохозяйственного производства».

Перераспределительная модель используется в тех случаях, когда государственная аграрная политика ориентирована на ликвидацию или сглаживание изначального отставания в развитии сельских территорий от городских, а сельского хозяйства от остальных отраслей экономики в силу специфических социально-экономических условий. Эта модель концентрируется на разработке целевых программ, позволяющих обеспечить эффект перераспределения финансовых средств как с помощью инструментов прямых компенсаций воздействия неблагоприятных факторов, так и с помощью структурной поддержки. При этом реализация данной модели требует диверсификации доходов сельскохозяйственных предприятий, поскольку сельское хозяйство не может быть единственным источником финансирования развития сельских территорий.

Территориальная модель описывает сельское развитие как формирование взаимосвязей внутрилокальной территориальной экономики. Эта модель развития не исходит из отраслевых интересов, не ориентируется на перераспределение ресурсов между территориями, а рассматривает сельскую территорию во всей совокупности имеющихся социально-экономических проблем.

И. Стародубровская и Н. Миронова [121] подчеркивают, что сельское развитие является сложным, многосторонним и достаточно противоречивым процессом, последствия которого для

сельских территорий и сельских социумов далеко неоднозначны, в связи с чем они предлагают различать экономическое и социальное развитие. Экономическое развитие, по их мнению, связано с функционированием на сельской территории тех или иных видов экономической деятельности, с появлением новых видов деятельности, социальное – с формированием условий жизнедеятельности людей и развитием человеческого капитала. Хотя экономическое и социальное развитие достаточно тесно взаимосвязано, между ними нельзя ставить знак равенства. Успехи экономического развития могут трансформироваться, а могут и не трансформироваться в улучшение условий жизни населения. В то же время социальное развитие территории в определенной мере возможно и без активной экономической деятельности, хотя очевидно, что потенциал подобного развития достаточно жестко ограничен. Неоднозначны здесь и причинно-следственные связи – хотя традиционно считается, что экономические условия формируют предпосылки для социального развития, вполне возможна и обратная зависимость: улучшение условий жизнедеятельности людей делает территорию притягательной для бизнеса, в то время как социальная деградация не позволяет реализовать даже те возможности экономического развития, которые имеются в наличии.

Р. Бичанич [148], исследуя поворотные пункты (точки бифуркации) в динамике сельского хозяйства, выявил, что каждая из трех стандартных групп факторов производства (труд, земля, капитал) проходит в своем историческом развитии три стадии. По его мнению, на первой стадии численность занятых в сельском хозяйстве растет, господствует натуральное хозяйство, нацеленное на максимизацию продукта. Производство полностью зависит от наличия земли и ее естественной продуктивности. Капитал на первой стадии либо крайне скуден, либо вообще отсутствует, главными являются природные факторы и риски, опора делается на трудовой потенциал села. На второй стадии абсолютный рост численности занятых в сельском хозяйстве прекращается, их доля падает, происходит поворот к товарному рыночному производству и максимизации дохода от продажи продукции. Наблюдается исчерпание лучших земель, сокращение угодий в ходе урбанизации, вывод из оборота маргинальных земель. Отмечается резкий рост капиталоемкости при выравнивании нормы отдачи, окупаемости

инвестиций в сельском хозяйстве и за его пределами, что провоцирует приток средств из других отраслей. Здесь главными являются коммерческие факторы. На третьей стадии серьезно сокращается занятость в сельском хозяйстве, приоритетным становится увеличение дохода на одного занятого. Осуществляется интенсификация землепользования, замещение естественного плодородия капиталом через механизацию, химизацию, мелиорацию; земля теряет позиции ключевого фактора, превращается в «обычный товар». Происходит насыщение капиталом и даже его ограничение. Акцент делается на финансовые и инновационные факторы.

З.И. Калугина и О.П. Фадеева считают, что специфика России заключается в неравномерном и неодновременном прохождении стадий сельского развития в разных уголках огромной страны, так что даже в рамках одного региона можно зафиксировать существование разных типов хозяйствования на земле [43].

Географическая концепция эволюции сельской местности была предложена Т. Нефедовой [79]. Согласно этой концепции выделяется пять стадий развития сельских территорий.

Стадия первая – природная, когда сельхозпроизводство, расселение, образ жизни – все вписано в природу. Преобладает натуральное хозяйство, чья продуктивность зависит от природных условий. Характерно разнообразие, самодостаточность и обособленность природно-этнических сельских ареалов. Стадия вторая – раннегородская, природно-национальная, когда урбанизация стимулирует отток сельского населения, но благодаря высокому естественному приросту сохраняется его многочисленность, идет процесс дифференциации специализации и культуры землепользования. Роль индивидуального сектора для выживания села высока, но дифференцирована слабо. Стадия третья – среднеурбанизационная. Происходит резкое деление территорий, обладающих благоприятными и неблагоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства. Природа и капитал – взаимодополняющие друг друга факторы. На этой стадии происходит концентрация и поляризация производства и сельского расселения, стягивание населения и жизнеспособного общественного производства к городам. Стадия четвертая – позднеурбанизационная, где усиливаются зональные различия. Капитал уже заменяет труд, не требуя роста сельского

населения. Пятая стадия – неоприродная (экологическая). Сельское пространство перестает быть аграрным и становится рекреационно-дачным и экобиотехнологическим. По мнению автора данной концепции, в настоящее время Россия в целом проходит третью стадию эволюции, хотя некоторые территории живут уже в следующей.

Возможности развития сельских территорий определяются их экономическим и социальным потенциалом, структура которых схематично представлена на рисунке 5.

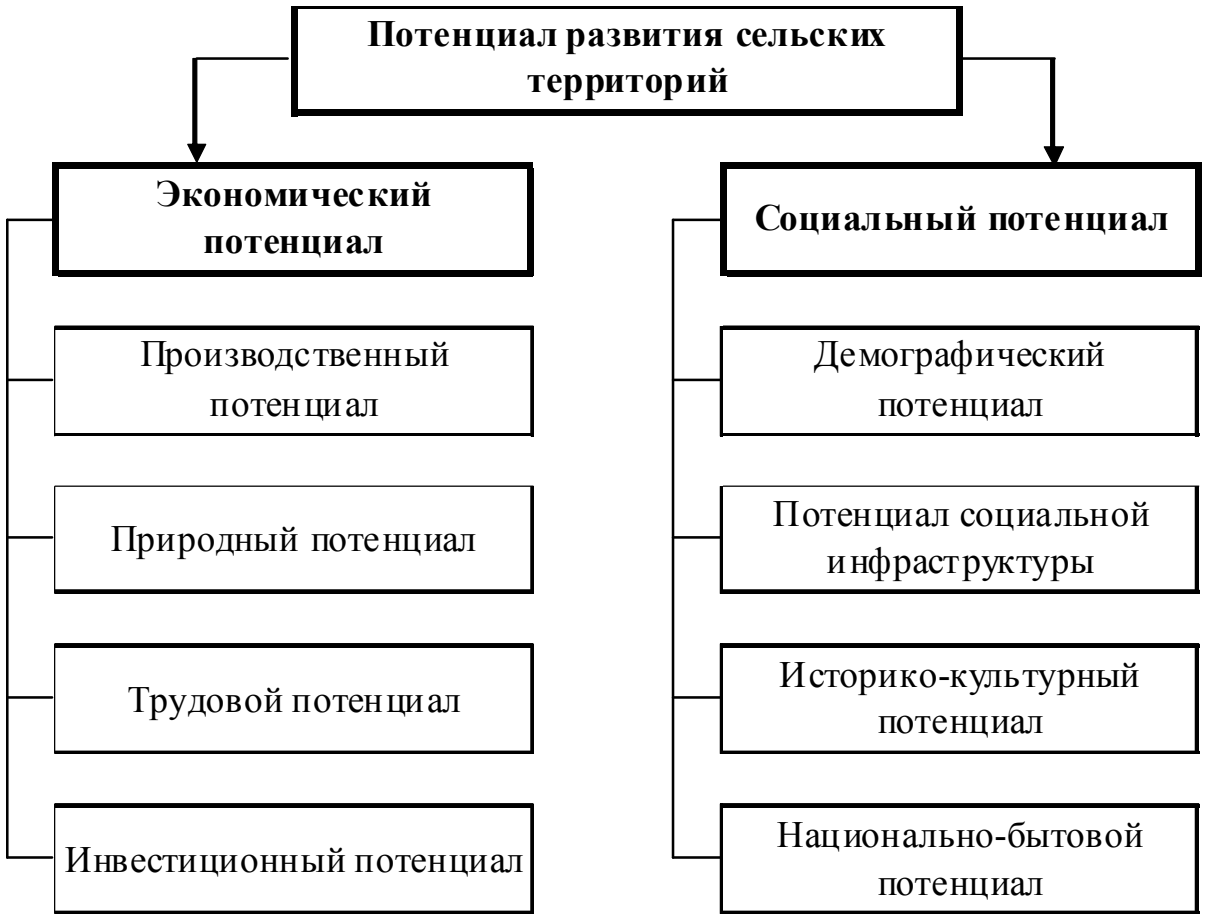

Рис. 5. Схема потенциала развития сельских территорий

Экономический потенциал сельской территории складывается из его природного (естественноресурсного) потенциала; из наличия на территории хозяйствующих субъектов различных организационно-правовых форм, осуществляющих все виды производственной деятельности (производственный потенциал); из наличия экономически активного населения, которое может быть вовлечено в процесс производства как непосредственно на сельской тер-

ритории, так и за ее пределами; из обладания факторами, делающими конкретную территорию инвестиционно привлекательной.

Социальный потенциал обуславливается демографическим потенциалом территории (удельный вес детей и молодежи, продолжительность жизни, уровень миграции и т.д.); потенциалом социальной инфраструктуры; историко-культурным и национально-бытовым потенциалом той или иной местности.

Очевидно, что с точки зрения получения доходов и создания экономического базиса воспроизводства ключевыми являются природный и производственный потенциалы сельских территорий. Но если природный потенциал территории определяется естественным плодородием почв, климатическими условиями, рельефом местности, наличием запасов полезных ископаемых и т.д., то производственный потенциал определяется, в первую очередь, ресурсным потенциалом хозяйствующих субъектов, формирующих сектор производства сельскохозяйственной продукции, к числу которых относятся агропромышленные интегрированные структуры (агрохолдинги, агрофирмы и т.д.); сельскохозяйственные организации (общества, кооперативы и т.д.); крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения. Наряду с хозяйствующими субъектами, специализирующимися на ведении сельскохозяйственного производства, в формировании производственного потенциала сельских территорий участвуют предпринимательские структуры, осуществляющие прочие виды экономической деятельности (промышленное производство, переработка продукции, народные промыслы, транспортные услуги и т.д.). Кроме этого производственный потенциал сельских территорий определяется их местоположением относительно транспортной инфраструктуры, крупных населенных пунктов, мест переработки или реализации сельскохозяйственной продукции и т.д.

Именно производственный потенциал сельскохозяйственных территорий является важнейшим фактором обеспечения как сельскохозяйственной, так и несельскохозяйственной занятости сельского населения.

Т. Тихонова и О. Шик [127] определяют две группы факторов, оказывающих влияние на несельскохозяйственную занятость: факторы спроса и факторы нужды. Факторы спроса описывают ситуацию, когда для занятых в сельском хозяйстве появля-

ется выгодная возможность занятости в несельскохозяйственном секторе. Фактор нужды описывает ситуацию, когда недостаточные доходы в сельском хозяйстве заставляют искать другой дополнительный и часто низкооплачиваемый источник в несельскохозяйственном секторе. Иными словами, сельское население переключается на неаграрные виды деятельности под давлением двух видов факторов: либо спрос на результаты этой деятельности ведет к росту доходов от нее сверх уровня дохода от сельского хозяйства, либо население ищет возможные дополнительные источники дохода в условиях нужды. В этой связи они предлагают собственную модель рынка труда в сельской местности, графическое представление которой представлено на рисунке 6.

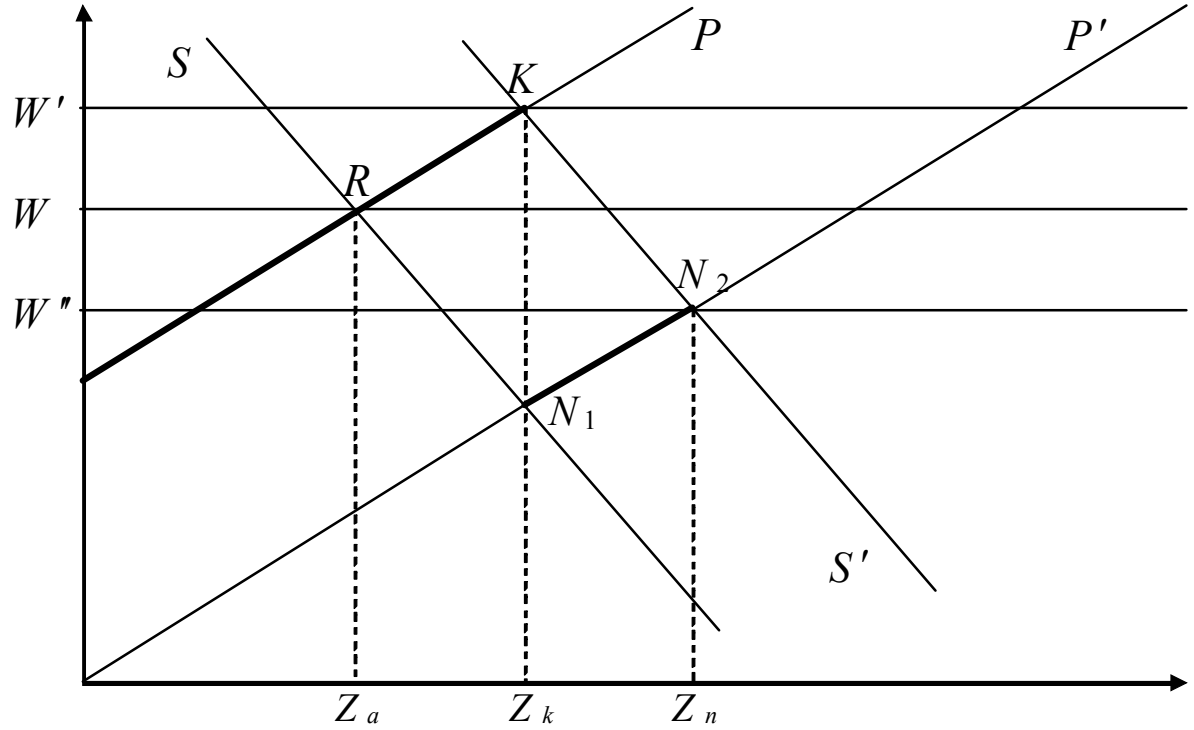

Рис. 6. Модель рынка труда в сельской местности

По оси абсцисс отображается суммарный объем предложения труда в сельской местности, который будет распределяться между аграрной и неаграрной занятостью, а по оси ординат – спрос на труд. Если предположить, что линия *S* отображает поведение функции спроса на сельскохозяйственный труд, а линия *P* – функции предложения труда, то очевидно, что в точке R обеспечивается равновесная цена для аграрной занятости, а точка Z_a будет характеризовать объем сельскохозяйственного труда, на который есть спрос.

Заработная плата в неаграрном секторе может быть как выше, так и ниже равновесной цены труда в аграрном секторе. Под влиянием спроса на квалифицированный труд (линия S') на уровне W' цена этого труда в неаграрном секторе может достичь значения K. В то же время на рынке труда в сельской местности присутствуют экономически активные люди, которые не могут конкурировать на рынке квалифицированного труда и готовы согласиться на любую занятость с уровнем доходов ниже равновесной цены сельскохозяйственного труда. Поведение функции предложения неквалифицированного труда представлено на рисунке 6 линией P'. Таким образом, графически отображена структура занятости сельского населения: отрезок $[0;Z_a]$ характеризует количество сельского населения, занятого сельскохозяйственным трудом; отрезок $[Z_a;Z_k]$ - количество сельского населения, занятого неаграрным трудом под воздействием спроса на него; а отрезок $[Z_k;Z_n]$ - количество сельского населения, занятого неаграрным трудом под воздействием нужды.

При оценке возможности несельскохозяйственной занятости сельского населения следует также учитывать уровень затрат, которые вынужден будет понести субъект трудовой деятельности при переходе из аграрного сектора в неаграрный (затраты на получение новой специальности, расходы, связанные с переездами в случае маятниковой миграции, некие первоначальные инвестиции и т.д.). В описанной выше модели стоимость перехода из сельского хозяйства в несельскохозяйственное производство принята нулевой. Очевидно, что в случае если затраты на переход из одного сектора в другой будут превышать разницу между доходами в аграрном секторе и неаграрном, то такой переход в конкретных условиях будет экономически нецелесообразен.

Мы разделяем позицию Н.А. Ивановой [40], которая отмечает, что в условиях транзитивной экономики все ярче стал проявляться двойственный характер домашнего хозяйства как института и экономического субъекта. С одной стороны, это обособленный хозяйствующий агент, обладающий способностью осуществлять традиционные для рыночной экономики функции (потребительскую, сберегательную, производственную, воспроизводственную), несущий ответственность за результаты экономической деятельности, отделенный от института семьи. С другой

стороны, домохозяйства во многом остаются включенными в систему дорыночных отношений, что проявляется в домашней экономике, воспроизводственной модели выживания, присущей значительной части домохозяйств, отсутствии опыта и знаний для принятия финансовых и трудовых решений, недостаточности накоплений, их неорганизованном характере. Домохозяйства в трансформационной экономике функционируют на основе отношений личной зависимости, что отражает сохраняющееся единство двух институтов – домохозяйства и семьи – и объясняется низкой степенью развития домашнего хозяйства как рыночного института и экономического субъекта, сохранением зависимости от государства в различных сферах своей деятельности.

Резкое ослабление государственного регулирования аграрной сферы обусловило рост теневой сельской экономики, активизацию неформального поведения сельского населения на рынках рабочей силы, распространение модели безработных домохозяйств, деструктуризацию реального сектора экономики и функционирование значительной части домохозяйств в условиях выживания, нерыночное поведение на рынках потребительских товаров и сбережений.

Современное институциональное пространство сельской России характеризуется следующими основными особенностями: высокой степенью нестабильности самой социальной среды, ослаблением контроля со стороны государства за соблюдением правовых норм, внедрением новых институционально-правовых изменений, их неактуальностью и нелегитимностью для большой части домохозяйств; институционализацией неформальных и неправовых типов социальных взаимодействий; слабостью протестного потенциала индивидов, столкнувшихся с нарушением формальных правил хозяйственной деятельности, их нестабильностью и неформальностью.

А.А. Шутьков, исследуя взаимосвязь развития экономики агропромышленного комплекса и сельских территорий, справедливо отметил, что «принимаемые Правительством РФ в отношении аграрной сферы меры носят фрагментарный, а иногда и ошибочный характер, в них отсутствовала поддержка фундаментальных направлений развития сельскохозяйственного производства и вывода его из кризиса. Вместо комплексного подхода к реше-

нию задач по подъему аграрного сектора экономики осуществляется внедрение крайне неэффективного механизма государственного регулирования экономических отношений между отраслями АПК, банкротство сельскохозяйственных организаций и передел имущества; обезземеливание крестьян и создание латифундий; стимулирование импорта продовольственных товаров, что ведет к ухудшению социального положения крестьян» [89].

Именно для преодоления этих противоречий и была принята на государственном уровне «Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р), основной целью которой являлись определение ключевых проблем развития сельских территорий и выработка необходимых мер социально-экономического, правового и административно-управленческого характера, позволяющих вывести сельские территории на качественно новый уровень развития, обеспечивающий комплексное сбалансированное решение экономических, социальных и экологических задач при сохранении природно-ресурсного и историко-культурного потенциала сельской местности [57].

Сельские территории как социально-территориальная подсистема общества выполняют следующие важнейшие общенациональные функции:

– производственная (направлена на удовлетворение потребностей общества в продовольствии и сырье для промышленности, продукции лесного, охотничье-промыслового и рыбного хозяйства, а также в другой несельскохозяйственной продукции);

– демографическая (направлена на увеличение демографического потенциала страны);

– трудоресурсная (направлена на обеспечение городов мигрировавшей из села рабочей силой, использование в городских организациях трудоспособного сельского населения, проживающего в пригородах, а также на привлечение трудоспособного сельского населения для работы в организациях, размещаемых в сельской местности городскими хозяйствующими субъектами);

– жилищная (направлена на размещение на сельских территориях жилых домов граждан, имеющих доходное занятие в городе,

а также на предоставление им в пользование объектов сельской социальной и инженерной инфраструктуры);

– пространственно-коммуникационная (направлена на размещение и обслуживание дорог, линий электропередачи, водопроводов и других инженерных коммуникаций, а также на создание условий для обеспечения жителей сельских поселений услугами связи);

– социальный контроль над сельской территорией (направлен на содействие органам государственной власти и местного самоуправления в обеспечении общественного порядка и безопасности на малолюдных территориях и в сельских поселениях, а также в охране пограничных зон).

В Стратегии социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года (научные основы) [123], подготовленной во Всероссийском научно-исследовательском институте экономики сельского хозяйства, справедливо отмечается, что социальное развитие сельских территорий является важнейшим фактором ускорения экономического роста сельскохозяйственного производства на основе его модернизации и перехода к инновационному развитию, улучшения демографической ситуации в стране, повышения качества человеческого потенциала сельского населения.

Но социальное развитие села по-прежнему подвергается влиянию угроз и рисков, основными из которых являются:

– либерализация рынка энергоресурсов, рост цен на другие материально-технические средства, потребляемые в отрасли;

– продолжающееся технико-технологическое отставание массового агропромышленного производства, неразвитость инновационной системы АПК, стагнация сельскохозяйственного машиностроения;

– низкий уровень доходов сельского населения, сохранение высокого удельного веса натурального хозяйства, сдерживающего развитие рыночных отношений, рост производительности труда и эффективность использования ресурсов;

– усиление дифференциации сельскохозяйственных товаропроизводителей по уровню доходов, банкротство значительной их части со всеми вытекающими из этого последствиями в виде

сокращения производства, роста безработицы, ухудшения социально-психологического климата на селе;

– отставание социальной инфраструктуры сельских территорий от городов, а доходов занятых сельскохозяйственной деятельностью – от их уровня у работников других сфер экономики, падение престижа крестьянского труда и, как следствие, – дальнейшее снижение уровня заселенности сельской местности, отток квалифицированных кадров, особенно молодежи, из сферы сельскохозяйственной деятельности, падение семейных ценностей, потеря чувства перспективы, алкоголизация значительной части сельского населения;

– неразвитая инфраструктура агропродовольственного рынка и сложность доступа к ней сельских товаропроизводителей, возрастающая монополизация его крупными торговыми сетями, рост импорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия;

– несовершенство земельных отношений, приведшее к обезземеливанию значительной части занятых в сельскохозяйственном производстве, чрезмерной концентрации земель сельскохозяйственного назначения у ограниченного числа собственников;

– усиление территориальной дифференциации по уровню землепользования, в результате которой сельскохозяйственная деятельность концентрируется на ограниченных территориях, что приводит к деградации отдельных регионов и территорий.

А.А. Барлыбаев, Ф.Ф. Айдарбаков и И.М. Рахматуллин [10] считают, что любой субъект сельской экономики (семейное или фермерское хозяйство, сельскохозяйственное предприятие, сельская администрация) объективно вынужден действовать одновременно в рамках различных институциональных структур. При этом под институциональной структурой они понимают совокупность институтов, которые формируют определенным образом упорядоченную целостность. Соответственно и цели, ориентиры и поведение субъектов аграрной экономики формируются под воздействием различного типа институтов. Они также подчеркивают, что институциональные структуры могут как возникнуть спонтанно, в ходе длительного исторического развития и под воздействием целого комплекса факторов и условий, так и создаваться осознанно, целенаправленно, в соответствии с определен-

ным планом, программой. По их мнению, в настоящее время в России реально сосуществуют три типа институциональных структур, качественно различающиеся между собой и регулирующие экономические отношения селян, движение ресурсов и благ в сельских сообществах. Первая из них – редистрибутивная, или раздаточная экономика. Вторая – рыночная экономика. Третья - реципрокная экономика (экономика дара или сетевой взаимопомощи).

В условиях плановой экономики противоречий между развитием сельскохозяйственных предприятий и сельскими населенными пунктами не существовало, поскольку все аграрные формирования были поселениеобразующими и развивали практически всю социальную инфраструктуру за счет собственных средств. Колхозы и совхозы представляли собой центры социально-экономической жизни советского села. В рамках колхозно-совхозной системы гарантировались постоянная занятость, стабильный доход, бесплатное образование и медицинское обслуживание. Селяне могли организовать за счет предприятия свой отдых и профилактическое лечение. Сельскохозяйственные предприятия оказывали большую помощь в ведении личного подворья.

Реорганизация существовавшей колхозно-совхозной системы аграрного производства обусловила возникновение масштабного дисбаланса между экономическими интересами вновь образованных производственных структур аграрного сектора и социальными интересами сельского населения, что привело к значительной деградации всего российского села.

Дополнительные сложности в развитии сельских территорий создает формирование крупных агропромышленных холдинговых структур, готовых инвестировать в модернизацию сельскохозяйственного производства и развитие новых ресурсосберегающих агротехнологий значительные средства. В. Черняк [141] отмечает, что переход сельскохозяйственного сектора к более интенсивным методам ведения производства заключает в себе опасность резкого роста безработицы в сельской местности. Сфера сервиса и перерабатывающий сектор вряд ли смогут оперативно предоставить альтернативные рабочие места для рабочей силы, высвобождающейся в сельском хозяйстве. На селе имеются ограниченные ресурсы для

удержания населения, в результате чего там наблюдается депопуляция, поскольку люди переезжают в города. Последствия депопуляции проявляются в понижении уровня услуг в социальной сфере, а также в сферах здравоохранения, образования, организации досуга, в ухудшении инфраструктуры.

Специфика существования и воспроизводства трудовых ресурсов во многом определяет специфику их формирования и использования в процессе производства. С точки зрения оптимальности функционирования производственных систем с сезонным характером производства основным принципом эффективного использования трудового потенциала является неритмичность его потребления, то есть способность системы к потреблению труда в малых порциях (человеко-дни, человеко-часы и т.д.). При таком уровне гибкости системы используется не весь потенциал трудовых ресурсов, а только та его часть, которая необходима для осуществления процесса производства в оптимальных для системы масштабах. Поскольку оплата незадействованного в процессе производства потенциала в случае его «порционного» потребления не является необходимым условием, то эта схема объективно будет приводить к росту эффективности функционирования системы. С другой стороны, работник, как элемент трудовых ресурсов, не может воспроизводиться «порциями», что требует решения вопроса о возможности реализации воспроизводственного процесса. Устойчиво развивающаяся система с достаточно высоким уровнем эффективности функционирования, как правило, страхует себя от возможного дефицита трудовых ресурсов, финансируя в достаточной мере воспроизводство своих постоянных работников.

Еще одной особенностью трудовых ресурсов на селе, определяющей их потенциал, является их неоднородность по поводу отношений собственности. Реорганизация колхозно-сов-хозной системы, предполагающая создание класса собственников в аграрном секторе, но начавшаяся на фоне трансформационного кризиса и катастрофического падения объемов сельскохозяйственного производства и роста сельской безработицы, объективно привела к изменению демографической структуры трудовых ресурсов, оттоку наиболее активной и квалифицированной их части в сектор частного бизнеса, в другие сферы и отрасли народного хозяйства.

Резкий рост объемов производства в личных подсобных хозяйствах стал объективной ответной реакцией сельского населения на невозможность общественного сектора обеспечить не только процесс их воспроизводства, но и минимальный прожиточный минимум.

Ротация работников сельскохозяйственных предприятий привела к тому, что в большинстве хозяйств больше половины работников не являются собственниками. Добиться соответствующего качества наемного труда можно лишь в условиях его адекватной оплаты, что при текущем уровне эффективности производства в значительной части аграрных формирований практически невозможно. Получается замкнутый круг: повысить эффективность производства при низком уровне потенциала имеющихся работников крайне проблематично, а обеспечить рост трудового потенциала и отдачу его использования в условиях низкой мотивации еще сложнее. Рост трудозатрат в личных подсобных хозяйствах в условиях минимальной механизации труда вызвал объективное падение интенсивности труда сельских работников в общественном секторе.

Сложившаяся ситуация привела к тому, что при кажущемся избытке трудовых ресурсов на селе трудовой потенциал аграрной сферы оказался крайне низким. Частные инвесторы, пришедшие в сельское хозяйство с достаточно большими суммами финансовых ресурсов, направляемых на покрытие дефицита основных и оборотных средств, оказались не готовы к решению кадровых проблем.

Поскольку в абсолютном большинстве случаев сельскохозяйственные предприятия являлись «градообразующими» для сельских поселений, то резкое сокращение количества рабочих мест и существенное отставание уровня оплаты труда работников аграрных формирований от среднего уровня оплаты труда по стране привели к ощутимому падению уровня жизни сельского населения. Ставка на развитие предпринимательской активности крестьян и фермеризацию аграрного сектора, сделанная в первые годы реформ, себя не оправдала. В условиях отсутствия действенной государственной аграрной политики в части финансовой поддержки сельских товаропроизводителей, резко растущего диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и ресурсы, необходимые для производства, предпринимательская инициатива большинства фермеров угасла, поскольку сформировать дос-

таточный уровень ресурсообеспеченности своих производств они так и не смогли.

В этих условиях произошло естественное «вымывание» предпринимательски активных людей из сельскохозяйственного производства: они либо переместили свои интересы в торгово-посредническую деятельность на «своей» территории, либо, столкнувшись с конкуренцией, уходили в города, а иногда и в другие регионы. Такие же тенденции характерны и для квалифицированных работников, уезжающих на заработки.

Оценка возрастного и квалификационного состава сельского населения позволяет констатировать, что возврат на село активной части населения, которое и будет составлять основу среднего класса, возможен в случае сбалансированного развития аграрного производства на сельских территориях. Государство должно действовать в двух направлениях, во-первых, необходима целевая программа поддержки сельского предпринимательства и выделение необходимых финансовых средств на создание современных производств и объектов инфраструктуры, во-вторых, осознавая неизбежность концентрации капитала в аграрном секторе и необходимость обеспечения условий устойчивого развития сельскохозяйственных предприятий (самостоятельно или в рамках интегрированных структур), государству необходимо обеспечить привлечение капитала в сельское хозяйство из других сфер деятельности. Если при реализации первой части данного плана перечень производств может быть задан государством (семейные фермы, пасеки, выращивание овощей и фруктов и т.д.), то во втором случае, когда решение о выделении средств принимает инвестор, он должен иметь четкое представление о фактическом состоянии экономического потенциала предприятия, в которое он инвестирует средства, и оценивать экономическую целесообразность данного направления инвестиций.

2. СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

2.1. Мониторинг трудового потенциала аграрной сферы и российского рынка сельскохозяйственного труда

Сельские территории Российской Федерации обладают значительным природным, демографическим, экономическим и историко-культурным потенциалом, который при более полном, рациональном и эффективном использовании может обеспечить устойчивое многоотраслевое развитие, полную занятость, высокие уровень и качество жизни сельского населения.

Сельские территории как социально-территориальная подсистема общества выполняют следующие важнейшие общенациональные функции:

– производственная функция, которая направлена на удовлетворение потребностей общества в продовольствии и сырье для промышленности, продукции лесного, охотничье-промыслового и рыбного хозяйства, а также в другой несельскохозяйственной продукции;

– демографическая функция, которая направлена на увеличение демографического потенциала страны;

– трудоресурсная функция, которая направлена на обеспечение городов мигрировавшей из села рабочей силой (прежде всего для занятия рабочих мест, не востребованных горожанами), использование в городских организациях трудоспособного сельского населения, проживающего в пригородах, а также на привлечение трудоспособного сельского населения для работы в организациях (филиалах), размещаемых в сельской местности городскими хозяйствующими субъектами;

– жилищная функция, которая направлена на размещение на сельских территориях жилых домов граждан, имеющих доходное занятие в городе, а также на предоставление им в пользование объектов сельской социальной и инженерной инфраструктуры;

– пространственно-коммуникационная функция, которая направлена на размещение и обслуживание дорог, линий электропередачи, водопроводов и других инженерных коммуникаций, а также на создание условий для обеспечения жителей сельских поселений услугами связи;

– социальный контроль над сельской территорией, который направлен на содействие органам государственной власти и местного самоуправления в обеспечении общественного порядка и безопасности на малолюдных территориях и в сельских поселениях, а также в охране пограничных зон.

Выполнение сельскими территориями указанных функций является важнейшим условием для успешного социально-экономического развития страны. Однако в настоящее время уровень реализации данных функций снизился в результате значительного ослабления демографического и экономического потенциала сельской местности, обусловленного как последствиями недавней трансформации национальной экономики, так и результатами накапливавшихся в течение продолжительного времени функциональных противоречий.

Важной составляющей частью экономического потенциала сельских территорий является человеческий капитал, оценку состояния которого представляется логичным начать с рассмотрения динамики показателей, обуславливающих его количественные характеристики, а именно – показателей демографических процессов.

Демографическая ситуация в России согласно «Теории демографического перехода» определяется суженным типом воспроизводства населения в результате необратимых исторических изменений. Россия входит в число стран, переходящих от стационарного типа воспроизводства населения (снижающийся уровень рождаемости и смертности) к регрессивному типу воспроизводства (продолжает снижаться уровень рождаемости, а снижение уровня смертности замедляется). Данная теория объясняет причины сокращения численности населения в России. Экономические реформы, проводимые в стране, усиливают ее сходство с европейскими странами по действию факторов, предопределяющих конвергентное демографическое развитие. Другой, неэволюционный, подход в рассмотрении причин возникновения депопуляционных процессов формируется мнением отечественных авторов. На первое место среди причин, вызвавших депопуляцию в России, они ставят влияние социально-экономического кризиса и снижение уровня жизни населения. Совпадение демографического и институционального кризиса в экономике страны ускорило

процессы перехода к новому типу воспроизводства населения. Такой подход к анализу депопуляционных процессов получил название кризисного в отечественной литературе.

Депопуляцию населения можно представить как комплекс упорядоченных показателей разной степени весомости, которые влияют на концентрацию производства, отраслевую занятость, обновление квалификационной структуры рабочей силы на рынке. Депопуляционные процессы изменяют численность половозрастных групп в структуре экономически активного населения страны.

Территория России превышает 17 млн. км^2, из которых 400 млн. гектаров (23,4 %) составляют земли сельскохозяйственного назначения. Демографические ресурсы сельских территорий в настоящее время насчитывают около 38 млн. человек (27% всего населения), в т.ч. трудовые ресурсы - 23,6 млн. человек, плотность населения низкая - 2,3 человека на 1 км^2. Поселенческий потенциал насчитывает 155,3 тыс. сельских населенных пунктов, из которых 142,2 тыс. поселений имеют постоянных жителей. В сельском расселении преобладает мелкодисперсность - 72 % сельских населенных пунктов имеют численность жителей менее 200 человек, а поселения с численностью свыше 2 тыс. человек составляют 2%. [57]

Начиная с 1960 г. абсолютная и относительная численность сельского населения Российской Федерации сокращалась (рисунок 7). Этот процесс был связан с индустриализацией и более привлекательными условиями жизни в городах. Естественный прирост сельского населения, который был положительным вплоть до начала 1990-х гг., был недостаточным, чтобы перекрыть миграционный отток сельского населения в города. Пик сокращения численности сельских жителей пришелся на 1965-1975 гг.: с 1960 по 1965 г. сельское население РФ сократилось на 2,2 млн. чел. (4%), с 1965 по 1970 г. – на 3,8 (7,2%), с 1970 по 1975 г. – на 4,6 (9,2%), с 1975 по 1980 г. – на 2,8 (6,2%), с 1980 по 1985 г. – на 1,8 (4,3%), с 1985 по 1990 г. – на 1,2 млн. чел. (3,1%).

В период 1991-1994 гг. наблюдался заметный прирост сельского населения, связанный с политическими изменениями в стране.

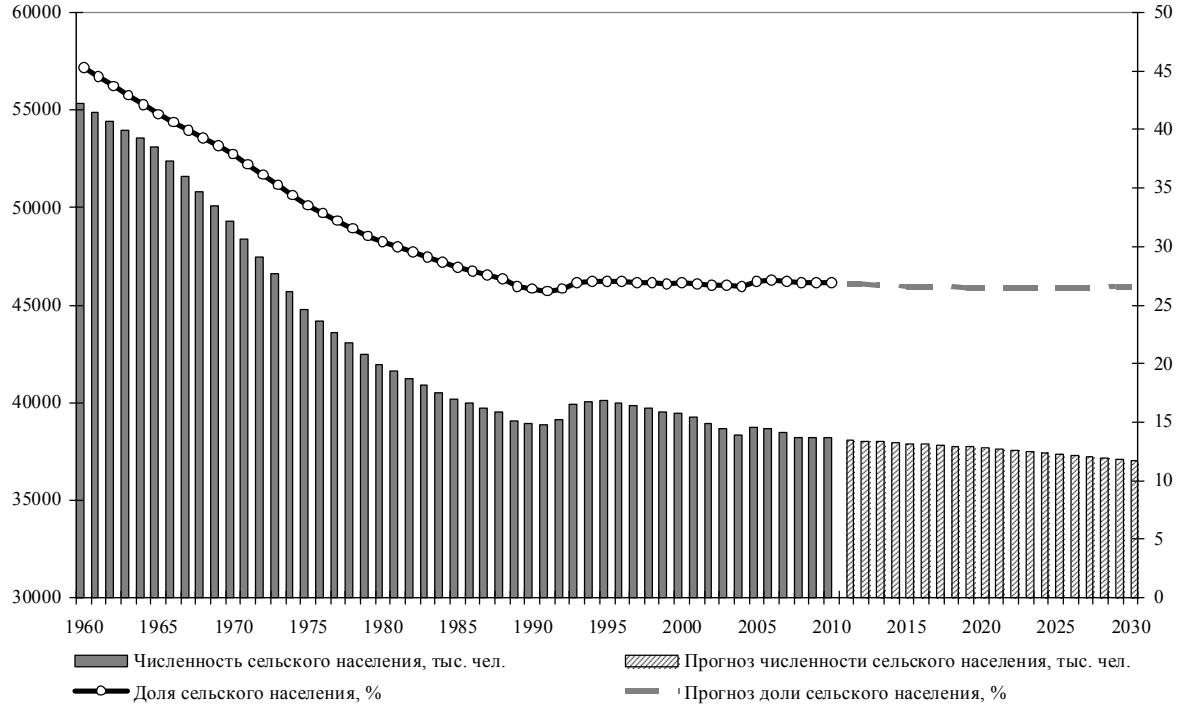

Рис. 7. Наблюдаемая и прогнозируемая динамика общей численности и удельного веса сельского населения Российской Федерации в 1960-2030 гг. (по данным Госкомстата России)

Сокращение промышленных мощностей запустило процесс деурбанизации: многие рабочие, лишившиеся заработка и жилья, были вынуждены вернуться в сельскую местность. Также, в связи с резким ухудшением уровня жизни, усилилась миграция в сельскую местность лиц пенсионного возраста, которые, таким образом, получали возможность обеспечивать себя продуктами питания за счет ведения личных подсобных хозяйств. В 1991-1993 гг. прирост сельского населения, произошедший за счет миграции из городов в сельскую местность, превысил 300 тыс. человек (таблица 3).

Объективные неблагоприятные предпосылки для использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве сказываются на темпах миграции сельского населения в города. За счет миграции сельское хозяйство уже потеряло большое количество трудовых ресурсов, а некоторые регионы, хозяйства продолжают терять их до сих пор. Отрасль теряет ресурсы как за счет безвозвратных перемещений, так и за счет возвратных, т.е. маятниковой миграции.

Специфика демографической ситуации в России заключается в том, что несоответствие темпов развития демографической и экономической подсистемы вызывает противоречия, влияющие на характер развития рынка рабочей силы.

Таблица 3. Компоненты изменения численности сельского населения Российской Федерации в 1990-2009 гг., тыс. человек

Год	Численность населения на 1 января	Общий прирост населения	в том числе					Численность населения на 31 декабря
			естественный прирост	миграционный прирост	из него в результате		из-за перемены категории населенных пунктов	
					передвижений в пределах РФ	миграционного обмена с зарубежными странами		
1990	38 928,9	-60,3	87,2	94,1	-40,5	134,6	-241,6	38 868,6
1991	38 868,6	288,4	42,3	165,1	85,2	79,9	81,0	39 157,0
1992	39 157,0	736,3	-33,3	399,5	200,9	198,6	370,1	39 893,3
1993	39 893,3	157,8	-192,5	245,3	20,0	225,3	105,0	40 051,1
1994	40 051,1	87,1	-238,6	258,3	-65,7	324,0	67,4	40 138,2
1995	40 138,2	-157,2	-219,3	134,1	-65,9	200,0	-72,0	39 981,0
1996	39 981,0	-140,2	-229,5	80,5	-61,9	142,4	8,8	39 840,8
1997	39 840,8	-149,5	-238,3	67,9	-91,6	159,5	20,9	39 691,3
1998	39 691,3	-205,1	-213,3	55,6	-72,2	127,8	-47,4	39 486,2
1999	39 486,2	-15,6	-272,8	64,7	-8,6	73,3	192,5	39 470,6
2000	39 470,6	-238,7	-281,4	10,6	-68,7	79,3	32,1	39 231,9
2001	39 231,9	-307,9	-279,6	-73,7	-91,0	17,3	45,4	38 924,0
2002	38 924,0	-281,6	-294,5	-47,2	-65,7	18,5	60,1	38 642,4
2003	38 642,4	-292,6	-281,5	-49,3	-57,9	8,6	38,2	38 349,8
2004	38 349,8	405,1	-260,3	-45,7	-55,9	10,2	711,1	38 754,9
2005	38 754,9	-106,2	-287,7	-26,9	-55,8	28,9	208,4	38 648,7
2006	38 648,7	-206,1	-230,4	-33,9	-72,1	38,2	58,2	38 442,6
2007	38 442,6	-206,8	-145,7	-7,8	-78,9	71,1	-53,3	38 235,8
2008	38 235,8	-22,2	-113,3	-27,2	-100,5	73,3	118,3	38 213,6
2009	38 213,6	-4,4	-88,9	-3,8	-81,6	77,8	88,3	38 209,2

По данным Госкомстата России

Анализ территориальных демографических ситуаций выявляет «болевые точки», факторы социально-экономического развития рынка рабочей силы, позитивные тенденции экономической ситуации в стране. Процесс депопуляции не сводится к одному лишь превышению смертности над рождаемостью, суженному воспроизводству населения, а представляет собой сложный комплекс социальных явлений (социальный тип женщины, тип семьи).

Распад СССР вызвал сильный миграционный приток русскоязычного населения, беженцев и переселенцев из бывших советских республик в сельские поселения Российской Федерации. Миграционный приток из зарубежных стран в сельскую местность достиг своего пика в 1993 г. и оставался существенным вплоть до того периода, когда на уровне жизни населения России начали сказываться негативные последствия экономического кризиса 1998 г. В 2007 г. прирост населения за счет миграционного обмена с зарубежными странами достиг уровня 1999 г. и по настоящее время остается стабильным.

За рассматриваемый двадцатилетний период сельское население Российской Федерации сократилось всего на 720 тыс. человек (1,8%), однако относительно несущественное снижение было обусловлено высокой численностью зарубежных мигрантов (2 089 тыс. человек) и корректировками статуса населенных пунктов (1 792 тыс. человек). При этом сельские территории «потеряли» 3 771 тыс. человек за счет естественной убыли населения и 828 тыс. человек за счет миграции в города. Стоит отметить, что в последние годы наблюдается постепенное снижение темпа сокращения сельского населения за счет уменьшения его естественной и миграционной убыли.

Россия представляет собой протяженную территорию с разными природно-климатическими условиями и разной направленностью развития производительных сил, с особенностями инфраструктуры территорий. Такой крупный регион можно рассматривать как сложную систему с разными типами подсистем, определенным характером воспроизводства населения и особой демографической ситуацией. Средняя плотность населения в стране составляет девять человек на 1 км^2. Около двух третей территории страны слабо заселены, особенно от Востока до Урала, где плотность населения составляет два человека на 1 км^2. Такая неоднородность размещения населения приводит к территориальным различиям рынка рабочей силы и неравномерности размещения экономически активного населения, что создает дополнительные трудности экономического роста территорий и обострение социальной напряженности на локальных рынках рабочей силы. Анализ территорий показывает, что демографический потенциал исторического центра России исчерпан, а демографиче-

ский потенциал окраин страны недостаточен для увеличения производственного потенциала и повышения темпов экономического роста.

В России существует противоречие между численностью населения и размерами экономического пространства. Сравнение европейской части страны по плотности населения (27 человек на 1 км^2) показывает, что она сопоставима с плотностью населения США (29 человек на 1 км^2 [63, с. 151–152]. По сравнению с европейскими странами и Японией плотность населения России значительно ниже. Одна шестая часть населения страны сосредоточена в Центральном экономическом районе, занимающем 3% ее территории. Центр России, где происходило формирование единого национального рынка, имеет давнюю историю. Здесь сконцентрирован промышленный потенциал и наиболее профессиональные работники. Население обладает высокой мобильностью, территории с высокой степенью урбанизации и суженным типом воспроизводства. В этом историческом ядре страны плотность населения свыше шестидесяти двух человек на 1 км^2. Это почти в два раза ниже, чем в Западной Европе, где этот показатель составляет сто девятнадцать человек на 1 км^2. Азиатская часть занимает 75% всей территории страны, но на ней проживает 22% населения страны при плотности 2,5 чел. на 1 км^2. Недостаточный демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока, отсутствие сплошной поселенческой культуры сдерживает их экономическое развитие и прирост производственного потенциала.

Динамика сельского населения в пореформенный период не была одинаковой для всех регионов Российской Федерации (рисунок 8).

Наиболее интенсивно сокращалась численность сельского населения в «моноцентричных» регионах – Центральном и Северо-Западном федеральных округах, где крупные мегаполисы Москва и Санкт-Петербург являются мощными «магнитами» урбанизации. В Дальневосточном федеральном округе, где расположены всего два крупных города – Владивосток и Хабаровск, значительным фактором депопуляции сельского населения является существенное сокращение государственного финансирования местных бюджетов по сравнению с дореформенным периодом. Данный фактор обуславливает также «вымывание» городского

населения из региона – по итогам Всероссийской переписи населения 2004 г. многие городские поселения были понижены статусом до сельских, что хорошо заметно на графике.

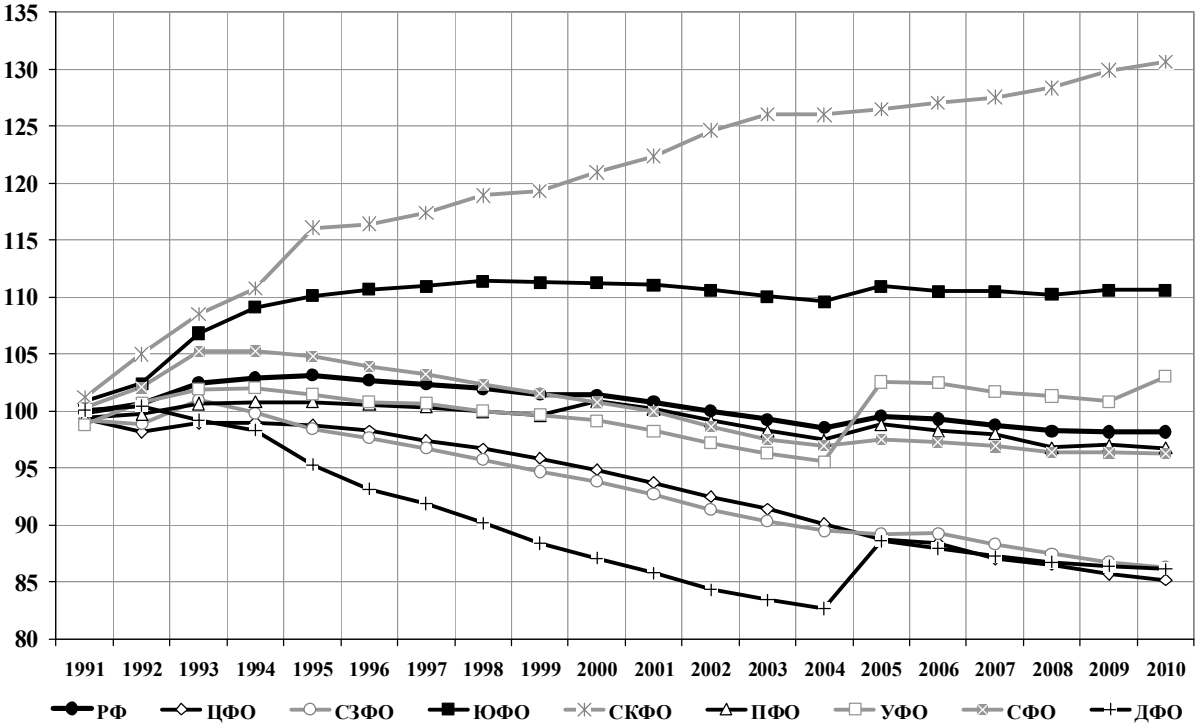

Рис. 8. Динамика численности сельского населения регионов Российской Федерации в 1991-2010 гг. по отношению к уровню 1990 г., % (по данным Госкомстата России)

К среднероссийским показателям динамики численности сельского населения в настоящий момент близки три федеральных округа: Приволжский, Уральский и Сибирский. Данные округа не имеют столь мощных урбанизационных центров, как Центральный и Северо-Западный. Относительно стабильная численность сельского населения в ПФО обусловлена сравнительно высоким уровнем жизни на сельских территориях, а также высокой долей (около 30%) населения, принадлежащих к национальным группам, традиционно демонстрирующим высокий естественный прирост. Стабильность численности сельского населения УФО и СФО, по нашему мнению, объясняется сырьевой ориентированностью местных экономик, которая, помимо крупных центров переработки сырья, обуславливает существование территориальной сети множества мелких населенных пунктов, ориентированных на добычу природных ресурсов. Стоит отметить, что для Сибирского федерального округа также характерны процессы депопуляции городского населения – на рисунке 8 хорошо замет-

но, что в 2005 г. статус многих городских поселений этого региона был понижен.

Южный федеральный округ обладает наиболее благоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства, данная отрасль является ведущей в экономике региона. Уровень жизни в сельской местности ЮФО существенно выше, чем в среднем по стране, что обусловило высокий уровень миграции в сельские поселения округа в начале 1990-х гг. – всего за 5 лет численность сельского населения округа возросла более чем на 10%. Лучшее качество жизни сельского населения ЮФО обуславливает также его низкий, особенно в сравнении с ЦФО и СЗФО, уровень естественной убыли.

Особняком среди субъектов Российской Федерации стоят республики, формирующие Северо-Кавказский федеральный округ. За 20 последних лет сельское население данного региона возросло на 30%, что обусловлено тремя основными факторами:

1. Высоким уровнем естественного прироста (65% населения принадлежит к национальным группам с высокой рождаемостью);

2. Малым предложением рабочих мест в городских поселениях, что сдерживает процесс урбанизации региона;

3. Низким уровнем интеграции большей части местного населения в единое культурно-историческое пространство Российской Федерации, что в значительной степени сдерживает процесс миграции в другие регионы страны.

Лучшему пониманию демографических процессов сельской местности способствует изучение динамики естественного прироста населения, рассчитанного как разность между рождаемостью и смертностью на 1000 человек (рисунок 9).

Уже к 1990 г. сельское население двух федеральных округов – Центрального и Северо-Западного – не увеличивалось естественным путем. Пик естественной убыли сельского населения данных регионов был пройден в 2002-2003 гг., и в настоящее время она составляет 9,5 и 7,8 ‰ населения. Такие показатели вряд ли могут быть преодолены в ближайшие годы, поэтому прогноз естественного прироста сельских жителей ЦФО и СЗФО представляется негативным.

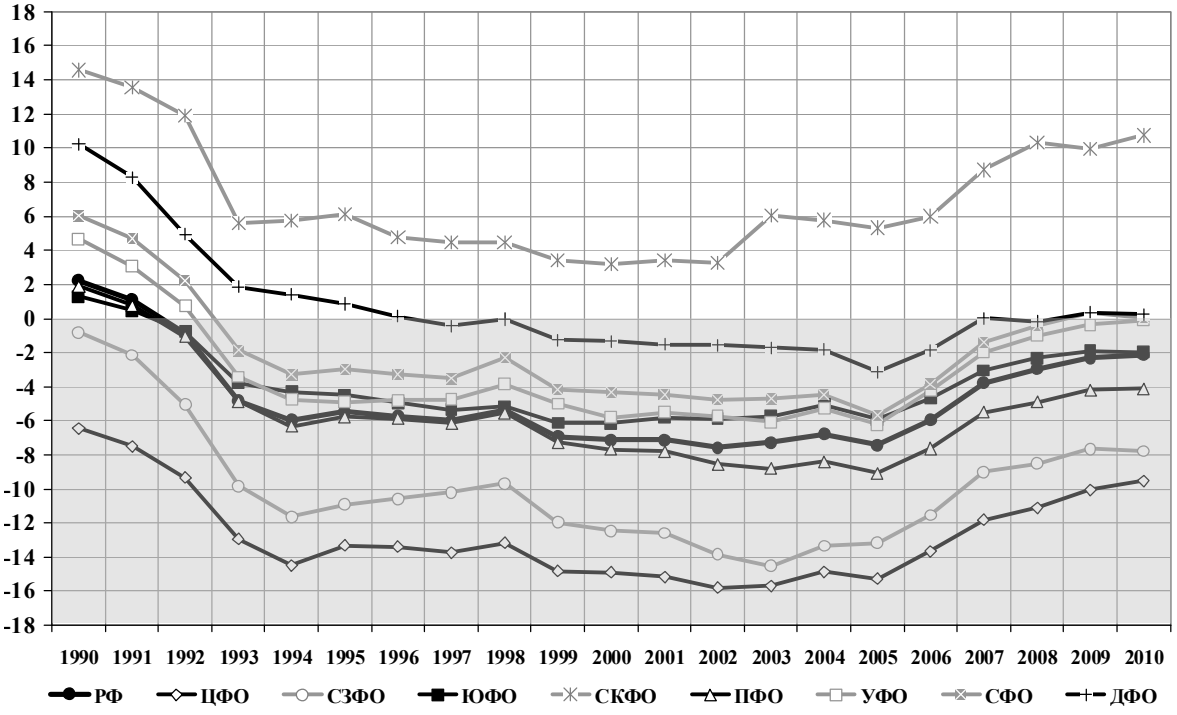

Рис. 9. Естественный прирост сельского населения Российской Федерации в 1990-2010 гг., чел. на 1000 человек (по данным Госкомстата России)

В Южном, Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах тенденция естественного прироста сельского населения в течение рассматриваемого периода была близка к общероссийской, начало естественной убыли датируется 1992-93 гг. Миновав свой пик в начале 2000-х гг., к 2010 г. естественная убыль населения в УФО и СФО приблизилась к нулевой отметке, и в ближайшие годы, возможно, сменится естественным приростом. В последние годы небольшой естественный прирост сельского населения демонстрирует Дальневосточный федеральный округ, где наихудшая демографическая ситуация сложилась в середине 2000-х гг. Сельскому населению ЮФО и ПФО понадобится еще 5-10 лет для достижения нулевого уровня естественного прироста.

На протяжении рассматриваемого периода лишь в одном федеральном округе – Северо-Кавказском – не было зарегистрировано естественной убыли численности сельских жителей. Преодолев спад рождаемости к 2006 г., сельское население данного региона в скором времени, возможно, опередит позднесоветские темпы естественного прироста.

В рамках нашего исследования существенный интерес представляет состояние человеческого капитала Центрально-Черноземного экономического региона и Воронежской области в частности, поэтому мы заострим внимание на демографических процессах сельских поселений этих регионов. Исторически сложилось, что пять субъектов федерации, формирующих ЦЧР (Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая и Тамбовская области), обладают несколько иной структурой населения, чем Центральный федеральный округ, к которому они территориально принадлежат (таблица 4).

Таблица 4. Показатели динамики и удельного веса постоянного сельского населения ЦФО и регионов ЦЧР в 1990-2010 гг.

Регион	1990 г.		1995 г.		2000 г.		2005 г.		2010 г.	
	тыс. чел.	% от всего населения	тыс. чел.	% от всего населения	тыс. чел.	% от всего населения	тыс. чел.	% от всего населения	тыс. чел.	% от всего населения
ЦФО	8324,0	21,9	8217,8	21,6	7892,1	20,6	7385,8	19,7	7086,0	19,1
из них в ЦЧР	3066,7	39,6	3061,4	39,1	2944,3	38,3	2755,0	37,3	2612,0	36,3
в т.ч. Белгородская обл.	509,7	36,7	521,6	35,9	524,6	34,9	517,7	34,2	512,1	33,5
Воронежская обл.	965,4	39,1	970,4	38,9	941,4	38,6	876,4	37,5	824,5	36,5
Курская обл.	554,6	41,6	542,9	40,8	506,1	39,5	455,2	38,0	405,0	35,3
Липецкая обл.	460,1	37,4	463,9	37,2	444,4	36,0	418,8	35,2	413,8	35,7
Тамбовская обл.	576,9	43,7	562,6	43,3	527,7	42,9	486,9	42,5	456,6	42,0

По данным Госкомстата России

Отрасли АПК вносят значительный вклад в развитие экономик данных регионов, поэтому к 1990 г. население ЦЧР было в меньшей степени урбанизировано, чем в других областях ЦФО: доля сельского населения в Воронежской области составляла 39,1%, в ЦЧР – 39,6%, в то время, как по ЦФО этот показатель составлял 21,9%, по Российской Федерации – 26,4%.

За рассматриваемый период урбанистические процессы в Центральном Черноземье протекали несколько медленней, и на 1 января 2010 г. удельный вес сельского населения в ЦЧР и Воронежской области опустился до 36,5%, в то время как в ЦФО он снизился до 19,1%. Таким образом, на данный момент сельские жители ЦЧР (2,6 млн. человек) формируют 37% сельского населения Центрального федерального округа, в то время, как удель-

ный вес жителей ЦЧР в совокупном населении ЦФО немногим выше 19%.

Следует также отметить, что демографические тенденции сельского населения в Центральном Черноземье несколько хуже, чем по Центральному федеральному округу. Естественная убыль населения в 2010 г. в ЦЧР составила 10,2 ‰ против 9,5 ‰ в ЦФО. Наиболее благополучными в этом смысле на фоне региона представляются Белгородская (8,1‰) и Липецкая области (‰). За ними следуют Тамбовская (10,3‰), Воронежская (10,8‰) и Курская области.

Одним из важнейших показателей состояния человеческого капитала является возрастная структура населения, характеризующаяся в современной России аномалией половозрастной структуры в виде инверсии поколений, которая принимает хронический характер. Младшие поколения имеют значительно меньшую численность, чем старшие. Качественные изменения структуры населения проявляются в уменьшении сельского населения более быстрыми темпами, чем городского. Численность детей в России уменьшается, формируется дефицит экономически активного населения [118].

Сложились и углубляются региональные количественно-качественные диспропорции в распределении населения деревни. В большинстве субъектов Российской Федерации она стала характеризоваться выморочной демографической ситуацией: уровни рождаемости и смертности не обеспечивают даже простого воспроизводства населения. Либеральные реформы существенно подорвали социогенный потенциал сельской молодежи, ее наследственную способность быть надежным источником стабильного пополнения и обновления кадрового потенциала агропромышленного комплекса.

Динамика возрастной структуры сельского населения Российской Федерации приведена на рисунке 10. Данный рисунок хорошо иллюстрирует процесс постепенного увеличения среднего возраста сельских жителей РФ. Доля сельских жителей младше 40 лет за рассматриваемый период сократилась с 59 до 53%, младше 30 лет – с 45 до 40%, младше 20 лет – с 31 до 24%, младше 10 лет – с 17 до 12%.

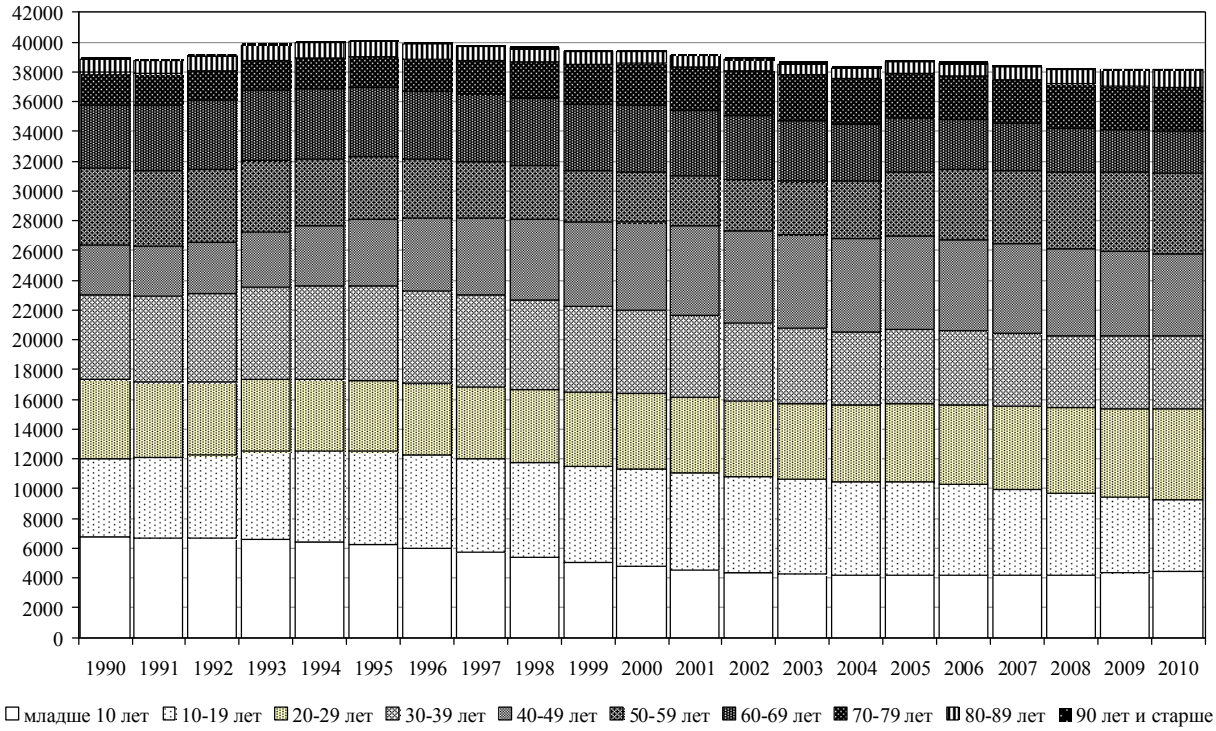

Рис. 10. Динамика возрастной структуры сельского населения Российской Федерации в 1990-2010 гг., тыс. человек (по данным Госкомстата России)

Средний возраст сельского населения страны за это время увеличился с 35,4 до 38 лет, при этом сильнее всего «постарело» население ЦФО – до 41,7 лет (в т.ч. ЦЧР – 42,3 лет), СЗФО – до 39,8 лет, ПФО – 38,9 лет, ЮФО – 38,3 лет.

Очевидно, что процесс дальнейшего «состаривания» сельского населения РФ будет продолжаться в среднесрочной перспективе: несмотря на то, что пик падения численности самой молодой группы населения уже пройден (2007 г.), численность населения в детородном возрасте (16-40 лет) достигнет своего минимума в 2020-25 гг. Несмотря на то, что трудоспособное сельское население страны в настоящее время по абсолютным и относительным показателям больше, чем было в 1990 г. (22,9 млн. чел. в 2010 г. против 19,9 млн. чел. в 1990 г.; 59,8% сельского населения в 2010 г. против 51,2% в 1990 г.), пик его численности был пройден в 2007 г. - 23,1 млн. человек. Учитывая отрицательный миграционный прирост, наблюдаемый в последнее десятилетие, а также малую абсолютную и относительную численность сельских жителей младше трудоспособного возраста (7,1 млн. в 2010 г. против 10,3 млн. в 1990 г.; 18,5% сельского населения в 2010 г. против 26,5% в 1990г.), можно предположить, что в

ближайшие 10-15 лет численность трудоспособного сельского населения РФ снизится до 19-20 млн. человек.

Продолжится изменение региональной структуры трудоспособного сельского населения (рисунок 11).

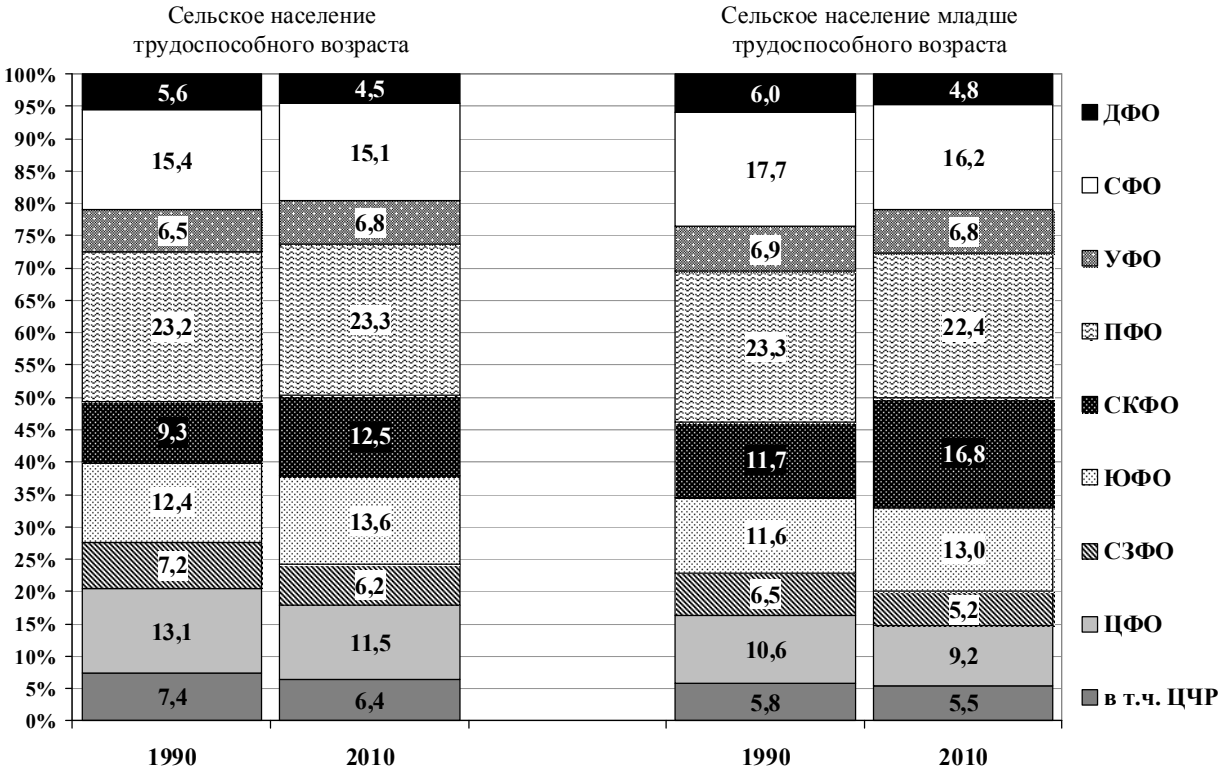

Рис. 11. Сравнительная структура сельского населения трудоспособного возраста и младше, % (по данным Госкомстата России)

Трудовые ресурсы села будут постепенно сосредотачиваться в трех федеральных округах: Приволжском, Северо-Кавказском и Южном, доли Центрального, Северо-Западного, Уральского и Дальневосточного федеральных округов продолжат свое сокращение.

Произошли существенные изменения в отраслевой структуре занятости сельского населения (таблица 5). При сокращении численности населения, занятого в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, значительно выросла занятость в сфере торговли (в 2,6 раза), на транспорте и в связи (в 1,3 раза), в сфере здравоохранения и предоставления социальных услуг (в 1,5 раза), а также (в 2,7 раза) в других видах экономической деятельности (финансы, управление и др.) [89]. Снижение численности населения, занятого в промышленности, составило 4,8%. Создание новых рабочих мест наблюдалось только в крупных районных центрах и практически не затронуло мелких сельских поселений.

Таблица 5. Численность и структура занятого сельского населения по видам экономической деятельности

Показатели	1992 год		2000 год		2004 год		2009 год	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Занято в отраслях сельской экономики, всего	17024	100,0	16396	100,0	16920	100,0	16710	100,0
в т.ч. сельское, лесное и рыбное хозяйство	8187	48,1	8080	49,3	6445	38,1	5335	31,9
промышленность	2210	13,0	1554	9,5	2187	12,9	2105	12,6
строительство	659	3,9	394	2,4	703	4,2	876	5,2
торговля, ремонт, гостиницы, рестораны	771	4,5	1136	6,9	1479	8,7	2001	12,0
транспорт и связь	873	5,1	773	4,7	1002	5,9	1164	7,0
образование	1586	9,3	1637	10,0	1755	10,4	1788	10,7
здравоохранение и социальные услуги	776	4,6	889	5,4	1060	6,3	1160	6,9
другие виды деятельности	1962	11,5	1933	11,8	2289	13,5	2281	13,7

По данным Госкомстата России

Рост занятости произошел в сельском строительстве (на 32,9%) и в сфере образования (на 12,7%). В результате этой трансформации доля работающих в сельском, лесном и рыбном хозяйстве сократилась с 48,1% в 1992 году до 31,9% в 2009 г., доля занятого населения в торговле и гостинично-бытовой сфере выросла более чем в 2% (до 12%), в финансово-управленческих видах деятельности - в 2,6% (до 13,7%), на столько же повысилась доля занятого населения на транспорте и в связи (до 7%). Доля занятого населения значительно увеличилась в промышленности и сфере здравоохранения (соответственно до 12,6 и 6,9%), в строительстве (до 5,2%) и образовании (до 10,7%). Численность занятого населения в сельском, лесном и рыбном хозяйстве с 1992 по 2009 г. сократилась на 3,2 млн. чел. (34,9%). Сокращение занятости в сельскохозяйственном производстве с 1998 по 2009 г. проиллюстрировано на рисунке 12. В указанный период численность занятых в сельском хозяйстве снизилась в 1,4 раза, в то время, как численность работников сельскохозяйственных предприятий – в 2,9 раза.

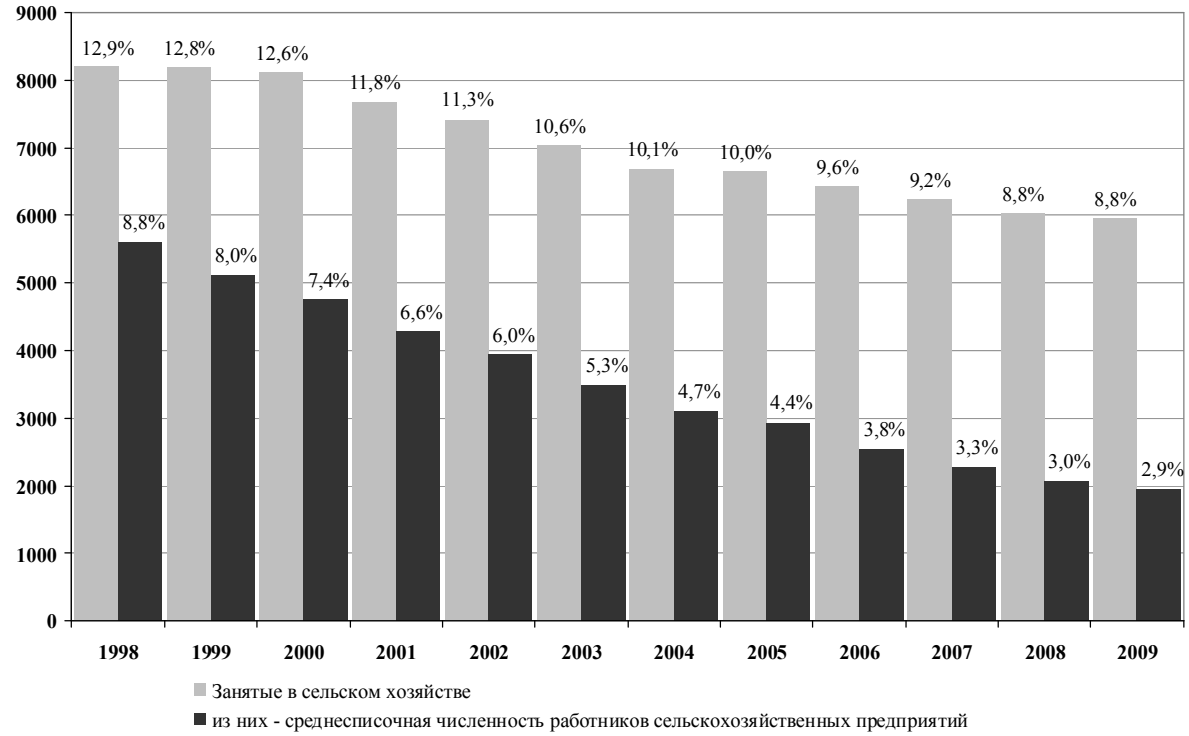

Рис. 12. Динамика занятости населения в сельскохозяйственном производстве (тыс. человек) и удельный вес в структуре общей численности занятого населения (%), (по данным Госкомстата России)

Оценивая трансформацию занятости в сельском хозяйстве Российской Федерации, Р. Капелюшников [48] констатировал тот факт, что она в целом вписывалась в специфический сценарий формирования общероссийского рынка труда.

Его позиция определялась тем, что в России трансформационный спад был глубже и продолжительнее, нежели в других странах с переходной экономикой, однако занятость оставалась достаточно устойчивой, малочувствительной даже к шоковым проявлениям. Низкая эластичность снижения занятости и увеличения безработицы по сравнению со спадом производства обеспечивалась разными формами сокращения рабочего времени, распространением неполной занятости и снижением заработной платы. Действительно, трансформация сельскохозяйственной занятости происходила под влиянием радикальной внутриотраслевой и внутритерриториальной диверсификации. Ушло в прошлое доминирование сельскохозяйственных предприятий как сферы занятости сельского населения при незначительном развитии фермерского сектора и сектора индивидуального предпринимательства несельскохозяйственного характера. Акцент же занятости был смещен в

сторону хозяйств населения, как имеющих товарный характер, так и ориентированных на внутреннее потребление.

За период с 1990 по 2008 г. численность работников сельскохозяйственных организаций уменьшилась с 9,53 до 1,88 млн. чел. А в 2009 г. этот показатель составлял лишь 19,7% от уровня 1990 г. [14].

Радикальное сокращение занятости в сельскохозяйственных предприятиях значительно изменило производственно-профессиональную структуру рабочей силы. Прежде всего, сокращение численности, а следовательно, и снижение доли в структуре кадров произошло среди занятых в несельскохозяйственной сфере. Это происходило как в результате административного давления на сельхозпредприятиях, так и резко снижающихся возможностей содержать объекты социальной сферы. На втором месте по темпам сокращения работников находится животноводство, спад производства в котором носит обвальный характер. Менее других снизилась численность управленческого персонала, что обусловило существенный рост его доли в кадровой структуре.

Существенные изменения претерпел и качественный состав рабочей силы. Несмотря на резкое сокращение женских сфер занятости, происходит заметная феминизация кадрового состава. Объяснение данной тенденции следует искать в резко снизившейся привлекательности труда в сельскохозяйственных предприятиях, с одной стороны, и более высокой трудовой и профессиональной мобильности мужчин, с другой. Отличительная особенность возрастной структуры работников сельского хозяйства – более высокая доля лиц старшего возраста. Основная причина, сдерживающая приток молодежи, – непривлекательность сельского труда [14].

Значительная часть высвободившихся работников перешла в личное подсобное хозяйство, ставшее для них основным или единственным местом работы. В последние годы занятость в ЛПХ получила импульс для роста благодаря доступу к субсидируемым кредитам и развитию кооперативных связей. По данным социологических исследований, усилилась ориентация жителей села на малое предпринимательство и занятость в личном подсобном хозяйстве товарного типа. В 2009 г. в ЛПХ было занято 3,2 млн. человек, из них 1,6 млн. человек (30,4% общей численности лиц, работающих в сельском, лесном и рыбном хозяйстве) заняты только этой деятельностью [146].

Сельское хозяйство в большинстве районов по-прежнему остается основной сферой приложения труда на селе, вследствие чего сельскую экономику можно характеризовать как моноотраслевую. Такая ситуация обусловлена низким уровнем производительности труда в отрасли (по различным оценкам, в 8-10 раз ниже по сравнению с наиболее развитыми странами), рост которой сдерживается не только инвестиционно-технологичес-кими факторами, но и неразвитостью на селе альтернативной сферы деятельности, призванной сосредоточить избыточную рабочую силу, высвобождаемую из аграрного производства.

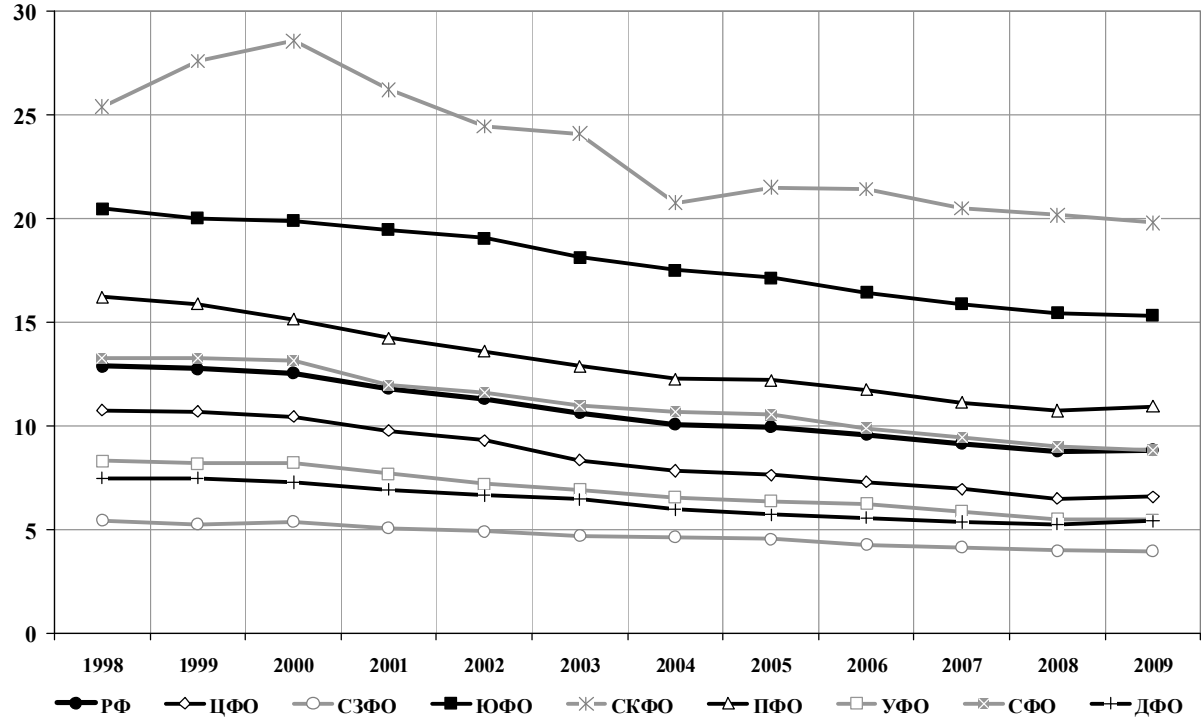

Рис. 13. Удельный вес занятых в сельском хозяйстве в структуре занятых в экономике РФ и федеральных округов (по данным Госкомстата России)

В целом проблема занятости в сельской местности за пореформенный период обострилась. Численность сельского населения в трудоспособном возрасте увеличилась с 1990 по 2010 г. соответственно с 19,9 до 22,9 млн. чел., или на 15,1%. При этом численность занятого населения, включая лиц, занятых в личном подсобном хозяйстве производством товаров и услуг, предназначенных полностью или частично для реализации, снизилась на 4% [146].

Сельское население в целом оказывается в менее благоприятном положении перед лицом конкуренции на рынке труда. Во-первых, сельское население по сравнению с городским менее мо-

бильно, имеет худшие стартовые условия и узкий спектр возможностей для повышения качества жизни и занятости. Во-вторых, доля традиционно дискриминируемых на рынке труда групп населения (таких, как молодежь, женщины и т.п.) здесь значительно выше, чем в городе; сельское население имеет более старую возрастную структуру и более низкий уровень образования.

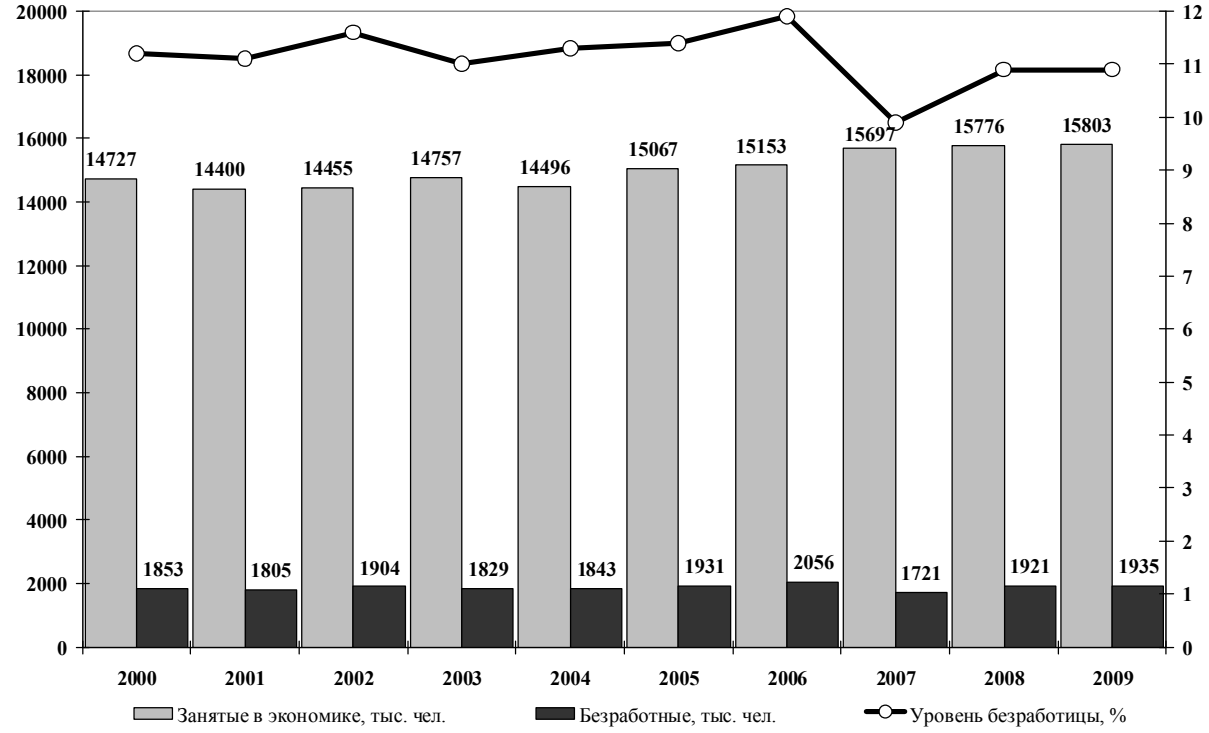

Рис. 14. Динамика занятости и безработицы сельского населения в 2000-2009 гг. (по данным Госкомстата России)

Концентрация факторов, негативно влияющих на ситуацию с занятостью населения, и более высокий уровень безработицы в сельской местности по сравнению с городами ведет к усилению неравенства по доходам среди населения и сосредоточению бедности в определенных социально-демографических группах (таблица 6).

Несмотря на тенденцию постепенного сокращения доли сельского населения в Российской Федерации, наблюдаемую в последние годы, доля малоимущего населения страны, проживающего в сельской местности, стабильно возрастала – с 33,8% в 2002 г. до 41,9% в 2009 г. При этом наименее обеспеченное население концентрируется в сельских поселениях с низкой численностью.

Таблица 6. Распределение малоимущего населения РФ по основным группам, %

Показатели	Годы								Все обследованное население в 2009 г.
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	
В городах - всего	66,2	64,3	63	61,4	60,8	59,6	58,0	58,1	73,3
в т.ч. с численностью населения									
свыше 1 млн. человек	14,9	13,9	13,8	11,7	11,5	10,9	9,8	9,5	19,6
от 250 тыс. до 1 млн. человек	19,5	18,3	16,8	17,2	15,6	14,6	14,1	14,6	23
от 100 до 250 тыс. человек	9,5	9,7	9,9	10,9	11,7	11,3	10,4	9,9	10,4
от 50 до 100 тыс. человек	7,4	7,4	7,5	6,8	7,4	7,3	7,1	6,7	6,3
менее 50 тыс. человек	14,8	15	15	14,8	14,6	15,7	16,5	17,5	14
В сельских поселениях - всего	33,8	35,7	37	38,6	39,2	40,4	42	41,9	26,7
в т.ч. с численностью населения									
свыше 5 тыс. человек	9,5	9,6	10,2	10,5	10,7	12,1	13	12,3	7,9
от 1 до 5 тыс. человек	14,6	14,9	14,9	16,4	16,6	16,1	16,5	17	11,4
от 200 до 1 тыс. человек	8,7	9,9	10,6	10,1	10,3	10,5	10,8	10,9	6,7
менее 200 человек	1,1	1,3	1,3	1,6	1,6	1,7	1,7	1,7	0,7

По материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств [7]

Например, отношение доли малоимущих, проживающих в сельских поселениях с численностью жителей от 1 до 5 тыс. чел., к удельному весу данной категории поселений в общей численности населения страны составляет 1,49, в поселениях от 200 до 1 тыс. человек – 1,63, в поселениях менее 200 человек – 2,43. В маленьких городах, которые можно рассматривать как источник труда для определенной части субъектов аграрной сферы, такой показатель составляет 1,25, тогда как по городским поселениям в целом – 0,79.

Анализ данных, приведенных в таблице 5, позволяет говорить о том, что уровень жизни сельского населения Российской Федерации остается крайне низким, увеличивается разрыв между городом и селом по уровню доходов. Если в 1997 г. среднедушевые располагаемые ресурсы сельских домашних хозяйств достигали 69% городского уровня, то в 2000 г. – 65%, в 2003 г. – 60%, в 2008 г. – 58% [120]. В 2008 г. располагаемые ресурсы на члена сельского домохозяйства составляли всего 7 786 руб., что лишь в 1,7 раза превышает величину прожиточного минимума.

В 2005 г. среднемесячная номинальная заработная плата в сельском хозяйстве достигла своего минимума по отношению к заработной плате во всех отраслях экономики – 39%. Несмотря на то, что темпы роста заработной платы в сельском хозяйстве с 2006 г. превышают темпы роста заработной платы в среднем по всем отраслям экономики, в 2010 г. данное соотношение увеличилось лишь до 49% [7]. Бедность, остающаяся в сельской местности массовым явлением, по нашему мнению, – ключевой фактор наблюдаемого процесса разрушения генетического и трудового потенциала сельских территорий.

Самый общий анализ наиболее существенных условий социального бытия сельского населения показывает, что доля бедных на селе на 43% выше, чем в городе, а нищих больше в 2,1 раза; три четверти детей и сельской молодежи проживают в поселениях со средним уровнем доходов ниже уровня прожиточного минимума; уровень занятости сельского населения даже в период пика полевых работ не превышает 60-65%.

А.М. Сергиенко [113] отмечает, что в результате кардинальных экономических реформ российское село стало мощным очагом локализации бедности. Ситуация на сельском рынке труда продолжает оставаться крайне сложной, что обусловлено неблагоприятным финансово-экономическим положением всего агропромышленного комплекса, деградацией социальной сферы села, ограниченным по объему и структуре предложением рабочих мест, низкой инвестиционной привлекательностью агарной сферы, заметным увеличением сельских населенных пунктов, оставшихся без эффективных работодателей и др.

На основе результатов проведенных социологических исследований А.М. Сергиенко пришла к следующим выводам. Состав сельских бедных по характеру занятости и положению на рынке труда отличается более высокими долями наемных работников (82%) и безработных (12%) и соответственно меньшей долей самозанятых (6%). Отраслевой состав указывает на преимущественно сельскохозяйственную занятость: в сельском хозяйстве занято почти 70% бедных, в социальной сфере – около 15%, 6% - в торговле. Большинство бедных (56%) работают на прежних местах – в бывших колхозах и совхозах.

По мнению Н.А. Ивановой [40], в настоящее время основная часть домохозяйств имеет высокую степень экономической зависимости от государства. Если они становятся экономически самостоятельными, то одновременно принимают на себя экономическую ответственность за решения. Достаточно отметить, что в 2008 г. лишь 16,7% денежных доходов было получено населением самостоятельно, из них 10% – в виде доходов от предпринимательской деятельности и 6,7% – в виде доходов от собственности. В 2006 г. этот показатель составил 21,1% (соответственно 11,1% – доходы от предпринимательской деятельности и 10% – доходы от собственности). В сравнении с 2000 г. – 22,2%, из них 15,4% – доходы от предпринимательской деятельности и 6,8% – доходы от собственности. В 1992 г. всего 9,4% денежных доходов было получено домохозяйствами самостоятельно, в том числе 8,4% – в виде доходов от предпринимательской деятельности и 1% – в виде доходов от собственности. Статистические данные, представленные за период 1992–2008 гг., свидетельствуют о том, что лишь минимальная группа домохозяйств принимает на себя экономическую ответственность за свои решения. Игнорирование значительной частью домохозяйств этой ответственности возводит ее в ранг ключевых проблем в современной России.

Авторы Концепции развития сельских территорий ответственно заявляют, что бедность, разрушающая трудовой и генетический потенциал села, остается массовым явлением. Они приходят к выводу, что бедность, можно сказать, концентрируется на сельских территориях, на которые приходится 42 % всего малоимущего (по располагаемым ресурсам) населения России, тогда как на долю сельского населения приходится 27% общей численности населения страны.

Тем не менее, качественного перелома пока не произошло. Процесс сокращения показателей сельской социальной инфраструктуры приостановить не удается. Обеспеченность местами в детских садах в 2008 г. составила 487 мест на 1000 детей в возрасте от 1 года до 6 лет по сравнению с 2007 г. (494 места). Сеть общеобразовательных учреждений сократилась на 1,7 тыс. единиц (4,7%), в 2009 г. - на 2,1 тыс. единиц (6,1%). Сократилась мощность амбулаторно-поликлинических учреждений - на 9,4 тыс. посещений в смену, число станций скорой помощи - на 80

единиц. Из-за недостаточных объемов строительства и курса на концентрацию сети объектов образования, здравоохранения и культуры в условиях неразвитости дорожной сети, мобильных и дистанционных форм обслуживания снижается доступность для сельского населения образовательных, медицинских, культурных, торговых и бытовых услуг. Охват детей дошкольным воспитанием составляет 41% (по сравнению с 65% в городской местности), обеспеченность сельского населения больничными койками на 10 тыс. жителей - 37% и амбулаториями – 35% городского уровня.

Одна треть сельских населенных пунктов с численностью населения до 100 человек не охвачена ни стационарной, ни мобильной формой торгового обслуживания, бытовой сервис почти полностью разрушен. Остро стоит проблема обеспечения жителей сельских территорий питьевой водой, выбытие водопроводных сетей из-за плохого технического состояния опережает ввод. Телефонная плотность в сельских населенных пунктах в 2,4 раза меньше, чем в городах. Около одной трети сельских поселений еще не имеют подъездов по дорогам с твердым покрытием.

По данным Минздрава [67], в настоящее время показатель смертности в сельской местности превышает общероссийский на 13,4%. Показатель младенческой смертности на 19,7% выше, чем в среднем по стране. При этом уровень рождаемости в сельской местности превосходит среднероссийский показатель, составляющий сейчас 12,6 на 1000 чел. В селах этот показатель выше на 10,5%. И решить демографическую проблему села, например, только с помощью медиков, естественно, невозможно. Здесь требуется глобальная реформа социально-экономического положения в стране. Бедность сельских жителей — это и бедность с точки зрения уровня доходов, и бедность из-за недостаточного доступа к базовым социальным услугам, и бедность как следствие узости жизненных возможностей.

О. Куликов [67] приводит информацию о том, что по показателю естественной убыли сельское население обогнало городское в 1,3 раза. Вымирают целые деревни: из 150 тыс. сельских населенных пунктов 15 тыс. сегодня опустели - там не проживает сейчас ни одного человека. По статистическим данным, насчитывается 71 тыс. (или 47%) сельских территорий, где за последние

два-три года не родился ни один ребенок. Около 20 тысяч населенных пунктов имеют по 20-30 жителей, среди которых, как правило, одни старики.

Изучение структуры занятых в сельском хозяйстве по месту основной работы (рисунок 15) приводит к неоднозначным выводам.

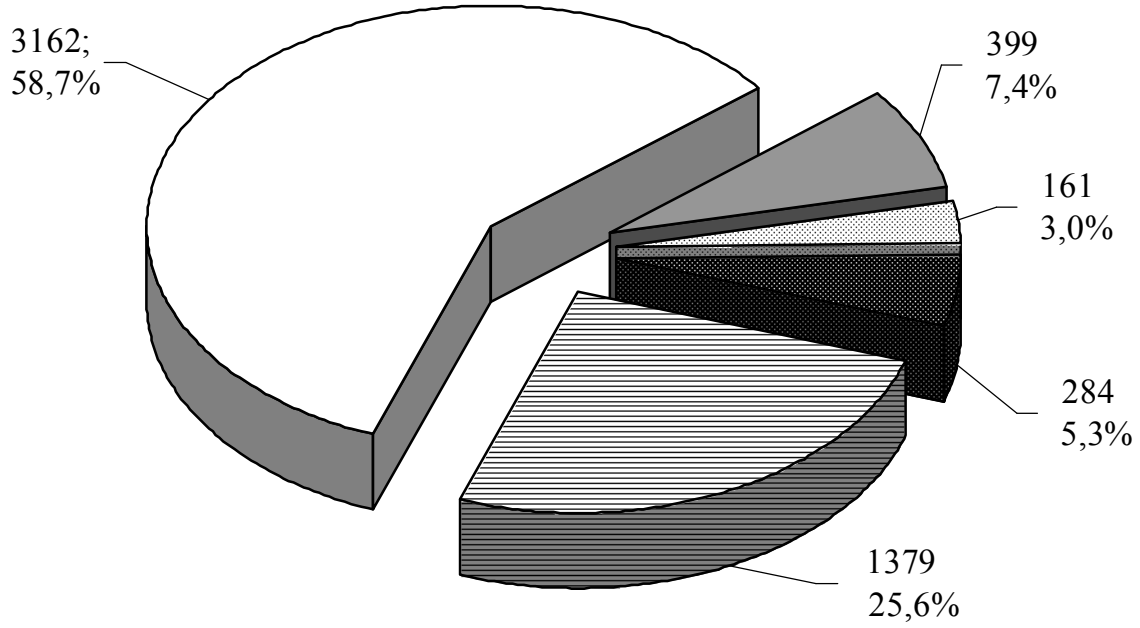

Рис. 15. Структура занятых в сельскохозяйственном производстве РФ по месту основной работы в 2009 г., тыс. чел. (по данным Госкомстата России)

С одной стороны, за пореформенный период значительно увеличилась доля работников, не занятых в общественном производстве. С другой стороны, лишь 10,4% из занятых в сельскохозяйственном производстве работают «на себя», представляя собой индивидуальных предпринимателей, фермеров и членов их семей. Более 25% тружеников сельского хозяйства имеют занятость исключительно в личных подсобных хозяйствах, что негативным образом сказывается на их социальной защищенности, ухудшает перспективы профессионального и личностного роста. Этот факт также свидетельствует, что четверть трудящихся РФ, имеющих основным местом приложения своего труда сельское хозяйство, в настоящий момент работают в самом низкотехнологичном, низкоинтенсивном и трудоемком секторе аграрного производства. Однако в целом, по сравнению

со средними по экономике показателями, сельское хозяйство является «трудоизбыточной» отраслью (рисунок 16).

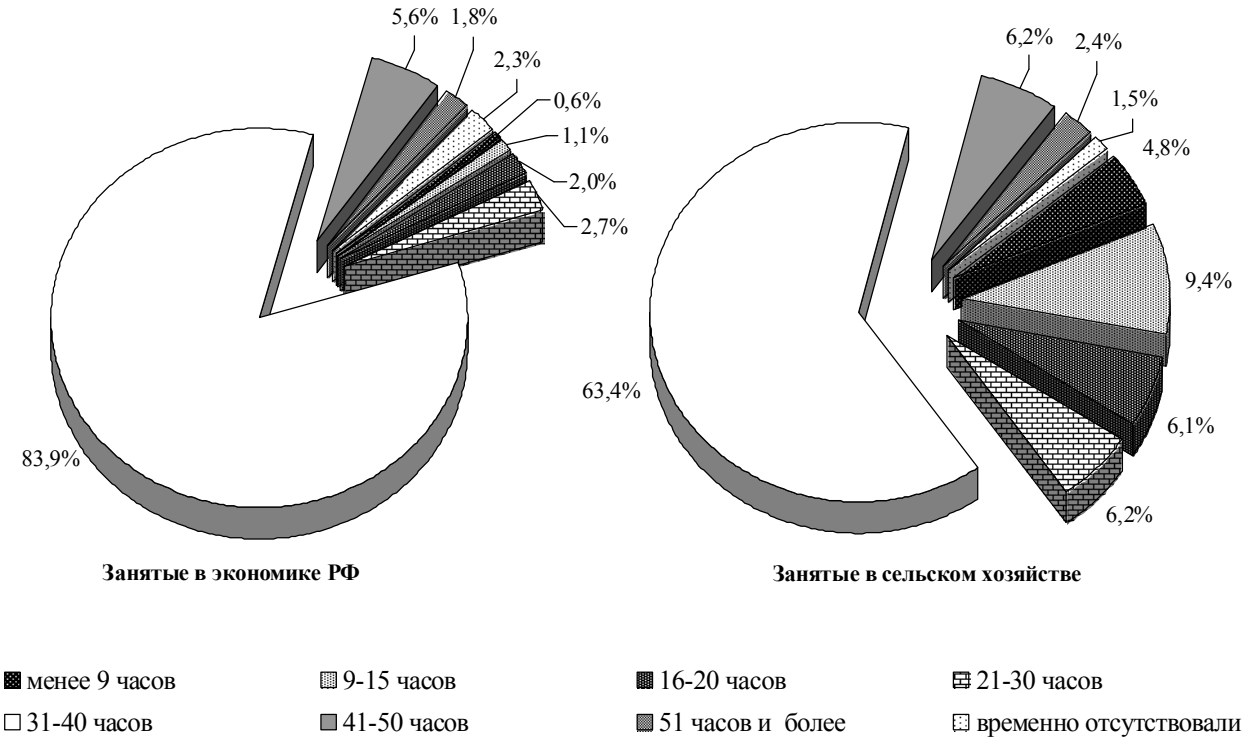

Рис. 16. Распределение занятых в экономике по фактической продолжительности рабочей недели в 2009 г. (по данным Госкомстата России)

В 2009 г. 28% занятых в сельском хозяйстве имели среднюю рабочую неделю короче 30 рабочих часов, в то время как по экономике РФ в среднем лишь 8,7% трудящихся относились к этой группе. Однако на этом же графике видно, что доля работников, работающих в среднем более 40 часов в неделю, в сельском хозяйстве несколько выше. Оба отмеченных факта объясняются специфическими особенностями аграрного производства: а) сезонность в растениеводстве, которая объективно обуславливает большую продолжительность рабочей недели в данной отрасли лишь у работников широкого профиля или обслуживающих профессий; б) непрерывность производства в животноводстве, которая обуславливает большую продолжительность рабочего дня и рабочей недели у доярок и работников по уходу за животными. «Трудоизбыточность» сельскохозяйственного производства приводит к тому, что молодежь, наиболее дискриминируемая в плане приема на работу, но при этом – наиболее мобильная социальная группа сельского насе-

ления, постепенно «вымывается» из аграрной сферы. На рисунке 17 отчетливо видно, что доля занятого в сельском хозяйстве населения младше 40 лет составляет всего 41%, в то время как в среднем по экономике – 49%.

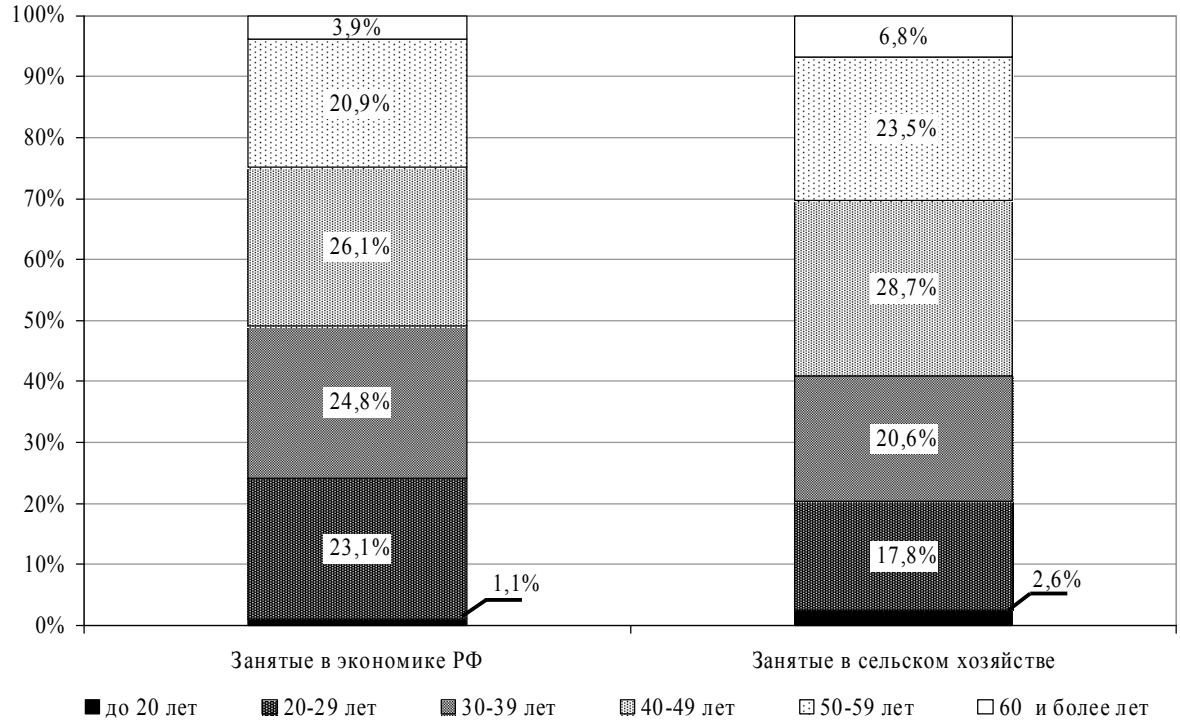

Рис. 17. Возрастная структура занятого населения в Российской Федерации в 2009 г. (по данным Госкомстата России)

Наблюдается увеличивающийся разрыв между возрастными группами по мере уменьшения среднего возраста: доля лиц старше 60 лет в сельскохозяйственном производстве выше, чем в среднем по экономике, на 2,9%, лиц 50-59 лет и 40-49 лет – выше соответственно на 2,6% и 2,6%, лиц 30-39 лет – ниже на 3,2%, лиц 20-29 лет – ниже на 5,3%. Не должно вводить в заблуждение относительно высокое количество занятых в возрасте до 20 лет, так как эта группа в основном сформирована из молодежи, занятой на сезонных сельскохозяйственных работах без отрыва от обучения в образовательных учреждениях. Низкий уровень доходов в сельской местности приводит к тому, что сельская молодежь имеет худшие стартовые условия для получения профессионального образования, а получив его, стремится трудоустроиться в городской местности. В 2009 г. удельный вес сельскохозяйственных работников, имевших высшее образование, был в 3,2 ниже, чем в среднем по экономике, а среднее профессиональ-

ное образование– ниже в 1,6 раза [146]. Процесс образовательной деградации сельского населения хорошо заметен на рисунке 18.

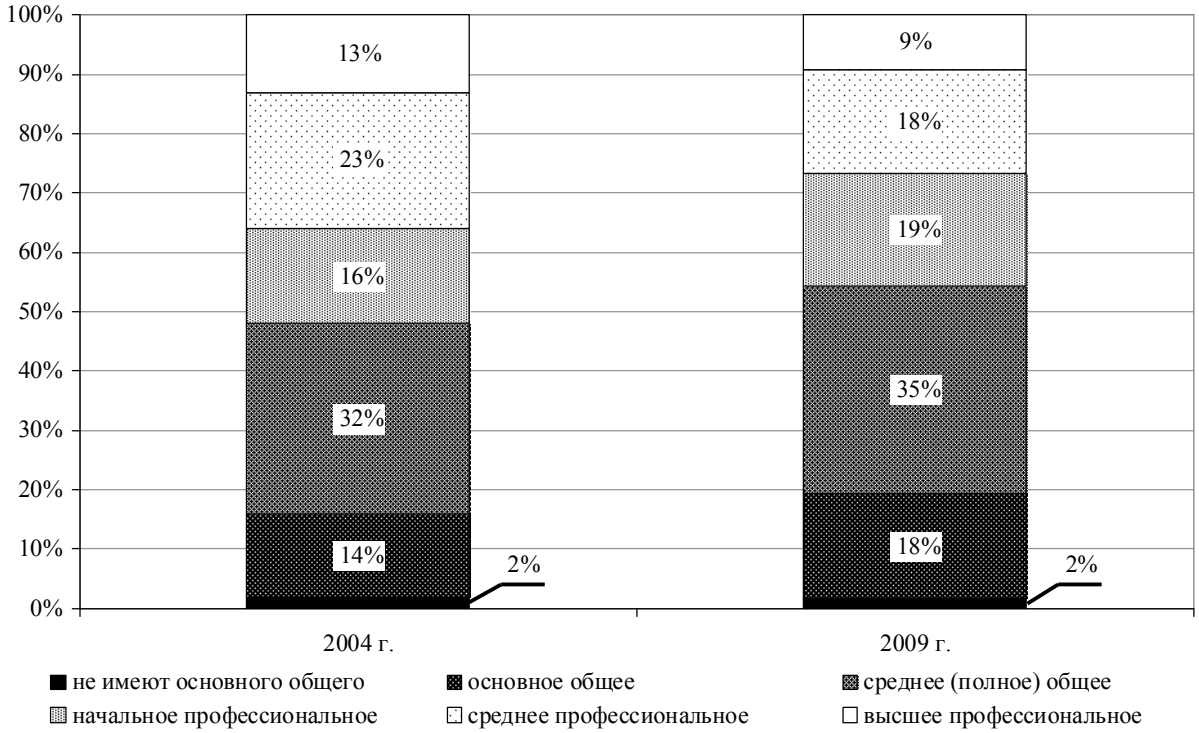

Рис. 18. Образовательная структура населения, занятого в сельскохозяйственном производстве, 2004 и 2009 гг. (по данным Госкомстата России)

Всего за 5 лет доля занятых в сельском хозяйстве, имеющих профессиональное образование, сократилась с 52 до 46%, при этом доля имеющих среднее и высшее профессиональное образование – с 36 до 27%. В ближайшей перспективе образовательная структура населения, занятого в сельском хозяйстве, не будет улучшаться, т.к выпуск специалистов и квалифицированных рабочих аграрного профиля в последние годы имеет тенденцию к сокращению (таблица 7).

Таблица 7. Выпуск специалистов и высококвалифицированных рабочих сельского и рыбного хозяйства в РФ, 2005-2009 гг. (тыс. человек)

Показатели	Годы				
	2005	2006	2007	2008	2009
Учреждениями высшего профессионального образования	35,9	37,8	37,3	37,1	36,3
Учреждениями среднего профессионального образования	26,2	25,6	26,8	24,7	21,8
Учреждениями начального профессионального образования	77,4	69	61,8	56,7	47,9

По данным Госкомстата России

Аграрная реформа, направленная на ускоренную реорганизацию колхозно-совхозной системы и снижение до минимума государственной поддержки сельского хозяйства, привела к тому, что во многих регионах и селах старая институциональная система и соответствующая ей материально-техническая база крупномасштабного хозяйствования в значительной мере была утрачена.

Сельское хозяйство стало объектом разрушающего воздействия разнонаправленных групповых интересов, ориентированных в основном не на созидательную и инновационную деятельность, а на элементарное выживание, на перераспределение и потребление ранее созданных ценностей и природных благ. Нарушение баланса интересов не позволило достичь конструктивного взаимодействия институтов различных типов и сформировать эффективную институциональную систему. Несбалансированная институциональная система усилила неопределенность, риски и беспорядок, обусловила дезинтеграцию территориальных сельских сообществ, т.е. привела к хаосу [10].

Потерю прежней стабильности и уверенности в будущем часть населения восприняла очень болезненно. Эти люди чувствуют себя оставленными на произвол судьбы, переживают настоящий шок. Это состояние нередко усиливается из-за повторяющихся неудачных попыток найти свое место в меняющемся мире. В большинстве своем это те селяне, которые привыкли к укладу властных отношений, администрированию и подчинению, имеющие узкую специализацию и не умеющие решать задачи комплексного характера, не владеющие навыками и способностями к самоорганизации и самоуправлению. Те, кто не смогли преодолеть состояние беспомощности, неуверенности, нервозности, растерянности, увеличивают долю деградирующих селян-люмпенов, потерявших здоровую мотивацию к хозяйственной деятельности, живущих лишь сегодняшним днем. Поэтому характерные для российского села явления: социальную пассивность, пьянство, воровство – можно рассматривать как внешние атрибуты глубинного системного кризиса сельского общества.

М.Ю. Мореханова и И.В. Нечаева [76], оценивая эволюцию типа экономического поведения крестьян, пришли к выводу, что традиционным для сельского населения на протяжении очень длительного периода являлся ценностно-рациональный тип эко-

номического поведения, при котором главное не накопление собственности и богатства, а жизнь по совести, собственным трудом, которая обеспечивает добрую славу среди односельчан. Именно поэтому перспектива повышения жизненных стандартов за счет радикального изменения образа жизни для крестьян малопривлекательна. Люди хотят жить так, как они привыкли. Такое поведение и установки и сегодня, почти через 20 лет после начала реформ, характерны не только для рядовых тружеников, но и для многих руководителей сельскохозяйственных предприятий, стремящихся минимизировать объем перемен, сохранить привычные системы производства и модели хозяйствования, пусть и основанные на устаревших, неэффективных принципах.

Сравнительный анализ социологических исследований, проводившихся в Институте аграрных проблем РАН в 1993-2009 гг., позволил выявить изменения, произошедшие в сознании крестьян и их отношении к новым экономическим реалиям.

Система критериев благополучия сельских жителей не претерпела существенных изменений. Первое место среди приоритетов хорошей жизни занимает хорошее здоровье членов семьи (более 70% опрошенных). Наличие сильной, прочной семьи как залог успешного развития определяют 50-60% респондентов. У сельского населения, оказавшегося в наиболее трудном положении не только по сравнению с прежним периодом времени, но и по сравнению с другими группами населения, очень важен такой показатель, как уверенность в завтрашнем дне (38%). Для селян немаловажное значение имеют такие показатели, как возможность заниматься любимым делом или быть хозяином в своем деле. В условиях кризиса социально-трудовой сферы села из года в год возрастает значимость наличия хорошего места работы, как одного из важнейших условий нормальной жизни.

Фактор образованности традиционно занимает в ценностях сельчан большой вес. Во всех исследованиях, начиная с 1993 г., удельный вес тех, кто хотел, чтобы его дети получили высшее образование, остается неизменно высоким. В 2009 г. 68% респондентов хотели бы, чтобы их дети получили высшее образование. За последние пять лет значительно выросло число тех, кто считает, что имеет реальную возможность обеспечить своим детям по-

лучение высшего образования (с 23,6 до 44,7%), в то время как до 2002 г., этот показатель постоянно уменьшался.

Традиционные ценности «честного труда в коллективе» и сегодня для большей части сельского населения более привлекательны, чем идеи независимого предпринимательства. Так, по данным опросов, на коллективные формы сельскохозяйственного производства по-прежнему ориентированы 80% работников сельского хозяйства. Главными ценностями при этом остаются помощь в трудную минуту, стабильность, гарантированный заработок и занятость.

Несмотря на то, что сегодня большинство сельских жителей гораздо лучше, чем в начале 90-х годов, знают о всех трудностях и рисках, связанных с предпринимательской деятельностью, за прошедшие годы относительно стабильным остается доля желающих вести фермерское хозяйство (19% - 1993 г., 20,0% - 2002 и 2009 гг.), а число желающих открыть собственное дело за время, прошедшее с предыдущего опроса в 2002 году, существенно выросло (21% - 1993 и 2002 гг., 37% - 2009 г.). Изменилась и доля участников опроса, которые хотели бы, чтобы их дети открыли собственное дело (21% - 2002г. и 31% - 2009 г.). Очевидно, что сегодня на селе сформировалась социальная база для развития малого и среднего бизнеса.

Однако существующие показатели потенциального желания иметь собственное дело не подтверждаются реальными намерениями индивидов. Исследования показывают, что между прожективными намерениями и практической реализацией деятельности предпринимательской направленности сохраняется значительная дистанция. Так, анализ мотивационного комплекса обращения к новым стратегиям жизнеобеспечения (фермерство, предпринимательство) свидетельствует о вынужденном характере обращения к ним. Около 34% сельских респондентов видят в такой деятельности единственный источник поддержания достойного уровня жизни. В случае потери работы только 3,8% сельчан постараются организовать фермерское хозяйство, а 2,2% открыть иное частное предприятие (2009 г.). Остальные в преобладающем большинстве предпочтут более традиционные виды занятости. Около 41% будут заняты в собственном ЛПХ, остальные предпримут попытки

найти работу в ближайшем городе или селе, либо переедут жить и работать в город.

Несомненно, что особенности процесса формирования и использования человеческого капитала определяются спецификой сферы его приложения. Так, особенности процесса формирования человеческого капитала в аграрной сфере складываются под влиянием следующих обстоятельств:

– ликвидация или резкое сокращение рабочих мест после банкротства или реорганизации крупных сельскохозяйственных производителей обусловили резкое падение доходов активной части сельского населения, привели к обнищанию значительной доли крестьян, а в ряде случаев даже к их люмпенизации;

– снижение доходов сельского населения привело к вымыванию из аграрной сферы наиболее активной и квалифицированной его части путем сезонной или постоянной трудовой миграции;

– наблюдается падение реальных доходов сельских семей из-за сокращения численности работающих и невысокого уровня их заработной платы, более низкого уровня пенсий сельских пенсионеров, падения доходов от ведения подсобного хозяйства в силу отсутствия поддержки от крупных сельскохозяйственных предприятий, старения населения и отсутствия мотивации у молодого поколения заниматься тяжелым физическим трудом;

– в структуре сельского населения наблюдается преобладание лиц пенсионного возраста при катастрофическом сокращении доли детей и молодежи;

– появившийся избыток трудовых ресурсов с низкой квалификацией и отсутствием трудовой мотивации отрицательно влияют на подрастающее поколение и криминогенную ситуацию в сельских поселениях;

– падение уровня потребления привело к резкому ухудшению здоровья всех групп сельского населения;

– продолжает снижаться и без того низкий уровень образования сельского населения по сравнению с другими группами населения, практически повсеместно отсутствует возможность получения начального профессионального образования;

– произошла переоценка моральных ценностей сельского населения, у большинства доминирует поведение, сочетающее прямое или скрытое иждивенчество, фатализм, деградацию личности.

2.2. Оценка человеческого потенциала Новоусманского района Воронежской области

Очевидно, что условия формирования человеческого капитала сельских территорий зависят от целого ряда факторов: природно-климатических условий, демографической ситуации, уровня экономического и социального развития регионов и муниципальных образований, сложившихся духовно-нравственных и религиозных традиций и т.д.

В этой связи представляется целесообразным проведение оценки таких условий на примере конкретного муниципального района. В качестве объекта такого исследования нами был выбран Новоусманский район Воронежской области.

В 2010 г. население Новоусманского муниципального района насчитывало 64,7 тыс. человек (в 1991 г. - 65,4 тыс. человек). Среди муниципальных районов Воронежской области данный район является третьим по численности населения (после Россошанского и Лискинского). Новоусманский район включает в себя 16 сельских поселений, объединяющих 54 населенных пунктов (таблица 8).

Таблица 8. Список сельских поселений и численность населения Новоусманского района по данным похозяйственного учета по состоянию на 1 января 2010 г.

Наименование территории	Тыс. чел.	В % от общей численности
Бабяковское сельское поселение	3 629	5,61
Воленское сельское поселение	6 859	10,60
Воронежское сельское поселение	1 659	2,56
Нижнекатуховское сельское поселение	627	0,97
Никольское сельское поселение	3 607	5,57
Орловское сельское поселение	4 525	6,99
Отрадненское сельское поселение	4 548	7,03
Рогачевское сельское поселение	2 085	3,22
Рождественско-Хавское сельское поселение	2 514	3,89
Тимирязевское сельское поселение	2 519	3,89
Трудовское сельское поселение	690	1,07
Усманское 1-е сельское поселение	11 597	17,92
Усманское 2-е сельское поселение	15 400	23,80
Хлебенское сельское поселение	861	1,33
Хреновское сельское поселение	1 647	2,55
Шуберское сельское поселение	1 933	2,99
Итого по району	64 700	100,00

Почти 60% населения района сосредоточено в пяти наиболее крупных сельских поселениях – Усманском 1-м и 2-м, Воленском, Отрадненском и Орловском. Административный центр района – с. Новая Усмань – насчитывает 20,5 тыс. жителей (2010 г.), однако имеет статус сельского населенного пункта, хотя и превосходит по численности населения ряд городов Воронежской области – Бобров, Богучар, Калач, Новохоперск, Поворино и Эртиль.

Демографическая динамика исследуемого района в целом соответствует основным демографическим трендам региона.

Население района уже достаточно давно не прирастает естественным путем (рисунок 19).

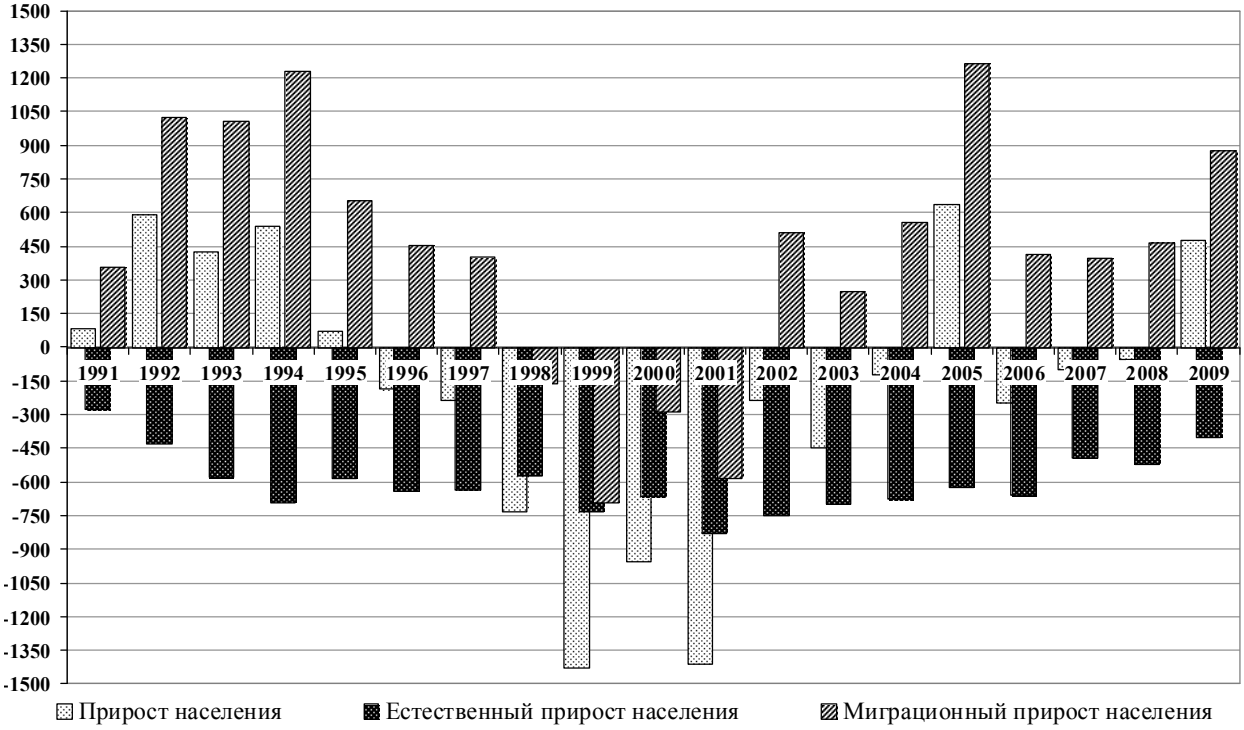

Рис. 19. Структура прироста населения в Новоусманском муниципальном районе Воронежской области в 1991-2009 гг., чел.

Пик естественной убыли населения пришелся на 1993-2006 гг., когда ее уровень составлял от 9 до 14 человек на 1000 человек населения ежегодно. В 2007-2009 гг. отмечается некоторое сокращение данного показателя и приближение его уровня к дореформенным значениям (6-7‰). Отрицательный естественный прирост населения муниципального района в отдельные годы компенсировался за счет положительного баланса миграции. На рисунке 19 хорошо заметны две миграционные «волны», которые в некоторые периоды – в 1991-1995 гг., 2005 г. и 2009 г. – даже

обеспечивали прирост населения района. Необходимо также отметить, что с 1998 по 2001 г. баланс миграции населения Новоусманского района был отрицательным.

Выгодное положение в непосредственной близости к Воронежской агломерации и развитая транспортная инфраструктура обуславливают уникальное положение Новоусманского района среди других муниципальных районов области. Основная форма миграции в районе – маятниковая, поэтому численность населения, покидающего район насовсем, сравнительно низка: например, в 2009 г. отношение выбывших мигрантов к прибывшим составило всего 46%, что является наиболее низким показателем среди муниципальных районов области. Из 32 муниципальных районов Воронежской области лишь 13 имели в 2009 г. положительный миграционный баланс, и 42% миграционного прироста населения в них пришлось на долю Новоусманского района. Несмотря на отрицательный естественный прирост населения, Новоусманский район входит в группу наиболее благополучных по этому показателю муниципальных районов Воронежской области: в 2009 г. численность родившихся здесь составила 63% от численности умерших, что ниже аналогичного показателя лишь в городских округах Воронежа и Борисоглебска (соответственно 77 и 63%), а также в Россошанском (79%), Богучарском (70%), Павловском (67%) и Каширском (64%) муниципальных районах. В 9 муниципальных районах области уровень данного показателя составляет 50-59,9%, в 12 муниципальных районах – 40-49,9%, в 5 муниципальных районах – ниже 40%. Благодаря положительному миграционному балансу и относительно низкой естественной убыли населения Новоусманский район является единственным среди муниципальных районов области, продемонстрировавшим в 2009 г. прирост населения – 475 человек, или 7,4‰.

Прогноз на ближайшие годы предполагает постепенное, но небольшое увеличение численности жителей Новоусманского муниципального района. Согласно этому прогнозу численность постоянного населения на начало 2012 г. будет составлять 65,4 тыс. чел., 2013 г. – 65,7 тыс. чел., 2014 г. – 66,1 тыс. чел. Увеличение числа жителей района будет происходить на фоне двух факторов: постепенного сокращения естественной убыли населе-

ния до 3,9‰ в год и сохранения ежегодного миграционного прироста на уровне 9,7-9,9‰.

Гендерная структура населения района в принципе соответствует общероссийской – в 2009 г. доля мужчин составляла 46%, доля женщин – 54%, таким образом, на 10 человек женского пола приходилось 8,5 чел. мужского. При этом в возрастных группах до 40 лет наблюдается небольшое преобладание мужчин, но в связи с более низкой средней продолжительностью жизни в старших возрастных группах их доля существенно сокращается (рисунок 20).

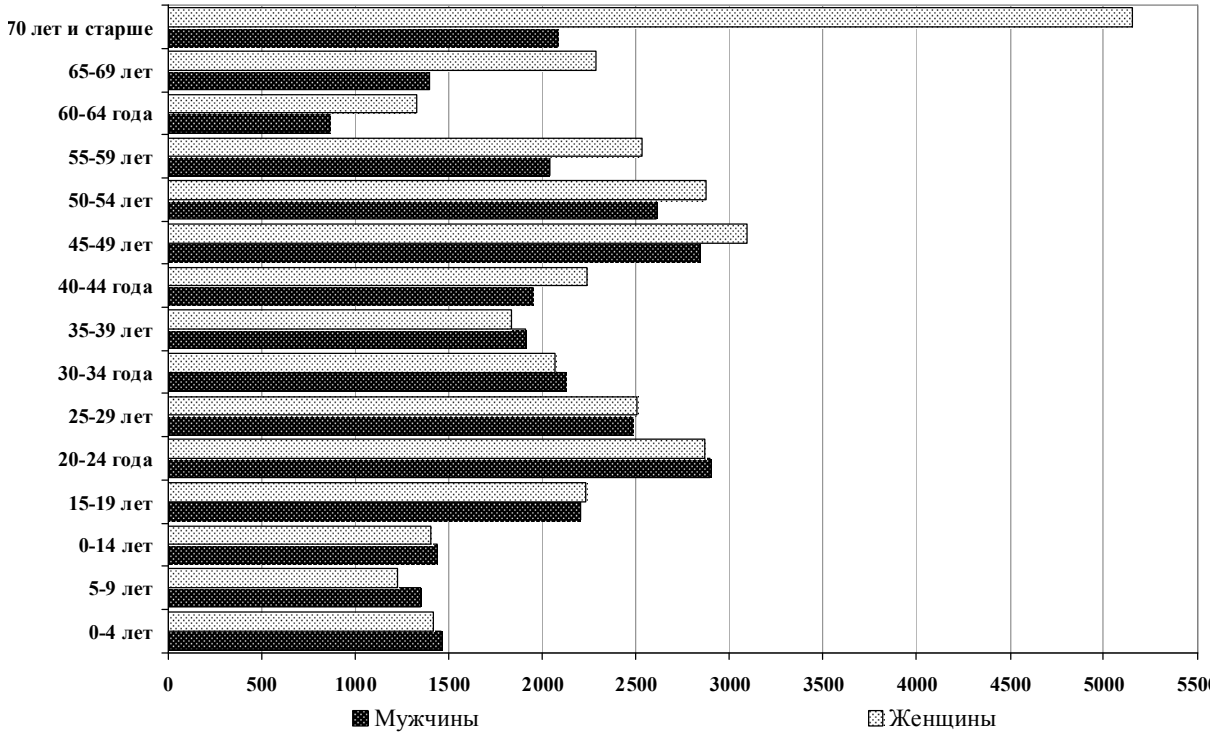

Рис. 20. Половозрастная структура населения Новоусманского муниципального района Воронежской области в 2010 г.

На рисунке 20 также отчетливо видны «провалы» и «пики» различных возрастных групп населения: это поколение, родившееся во время Великой Отечественной войны (60-69 лет), поколение послевоенного «бэби-бума» (45-59 лет), поколение, «вымытое» процессами урбанизации 1970-1990-х гг., (30-44 года), поколение «бэби-бума» 1980-х гг. (20-29 лет), поколение «демографической ямы» (0-19 лет).

Сравнение возрастной структуры населения Новоусманского района на 15-летнем промежутке (в 1995 и 2009 гг.) позволяет говорить о постепенном «старении» населения района (рисунок 21),

что имеет негативное значение для процесса воспроизводства трудовых ресурсов и человеческого капитала. Если в 1995 г. доля населения младше 40 лет в Новоусманском районе составляла 55,0%, в 2000 г. – 50,5%, то в 2009 г. – 48,5%. Однако в последние годы темп данной тенденции замедлился благодаря вхождению в детородный возраст многочисленного поколения 1980-х гг. рождения.

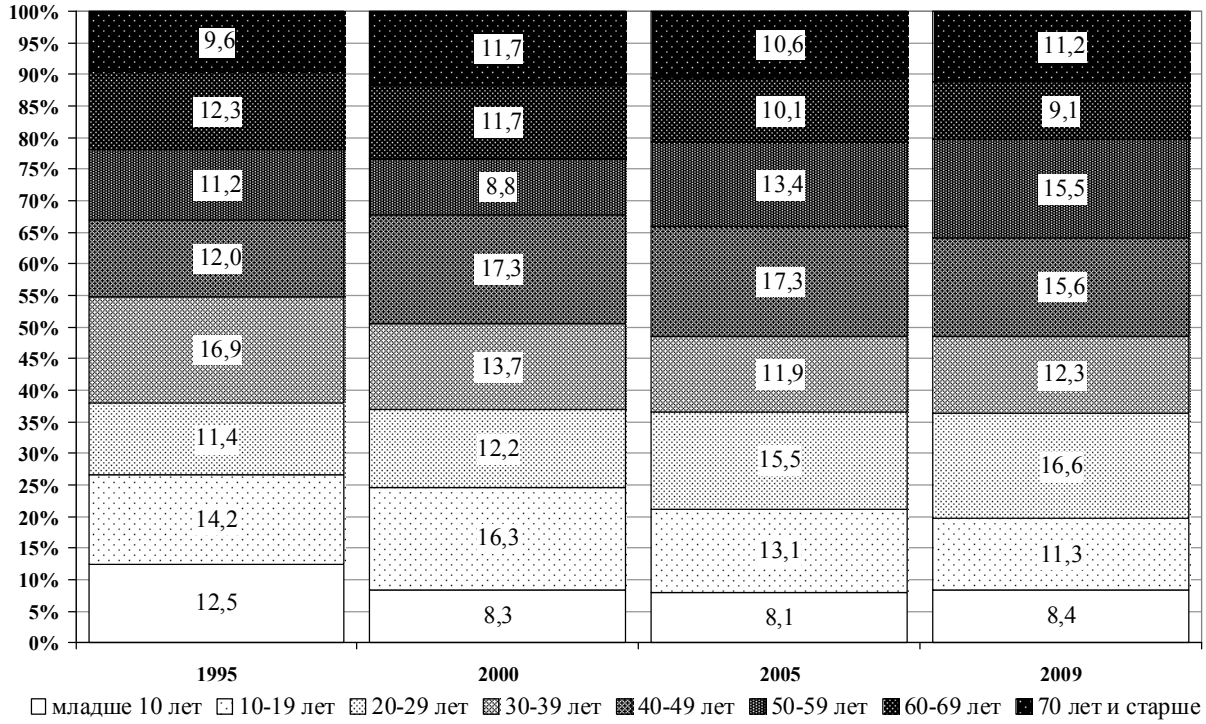

Рис. 21. Возрастная структура населения Новоусманского района Воронежской области в 1995-2009 гг., %

Четко наблюдается тенденция сокращения численности молодежи младше 20 лет. Если в 1995 г. доля этой группы населения составляла 26,7%, то в 2009 г. - 19,7%. Даже учитывая то, что в последние годы рождаемость в Новоусманском районе вернулась на уровень 1991 г. (10,5-10,6‰), ожидать естественного прироста населения и существенного омоложения возрастной структуры в течение ближайших 10-15 лет нельзя, так как из-за «демографической ямы» пореформенного периода доля фертильного населения будет устойчиво сокращаться.

«Старение» возрастной структуры населения района, наблюдаемое на протяжении последних лет, существенно влияло на численность трудоспособного населения (рисунок 22). До 1998 г. стабильный уровень его численности поддерживался большим количеством мигрантов, прибывавших в район.

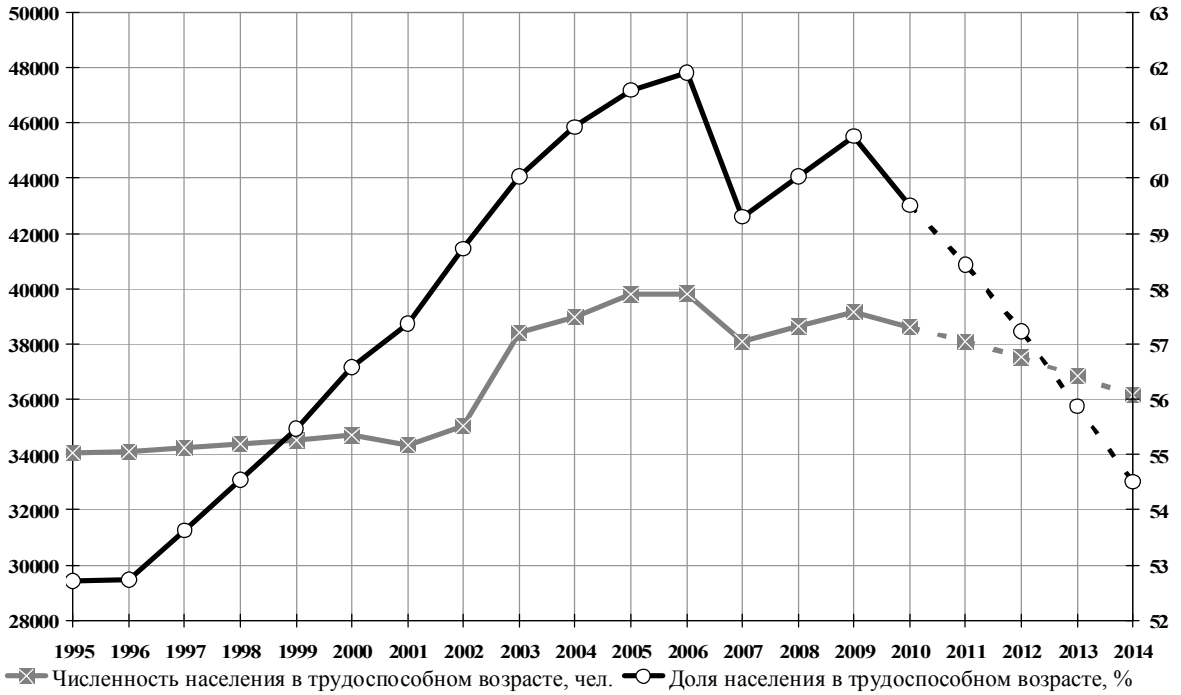

Рис. 22. Динамика населения в трудоспособном возрасте Новоусманского района Воронежской области (прогнозные значения выделены пунктирными линиями).

В конце 1990-х гг. в трудоспособный возраст стало входить поколение «бэби-бума» 1980-х гг. рождения, поэтому, когда первая волна миграции закончилась, численность трудоспособных удерживалась на предыдущем уровне.

С 2001 по 2005 г. трудоспособное население значительно выросло, так как началась вторая волна миграции и шестнадцатилетнего возраста достигли жители 1985-1989 гг. рождения. После 2006 г. приток трудоспособной молодежи значительно сократился, а средний возраст населения продолжал «стареть», поэтому выбытие населения из трудоспособного возраста по причине выхода на пенсию больше не компенсируется в полном объеме. Прогнозируется, что к 2014 г. численность трудоспособного населения Новоусманского муниципального района сократится до 36 тыс. человек, а его доля – до 54,5% от общего числа жителей. Эти показатели останутся выше, чем наблюдаемые в 1995 г., но необходимо учитывать, что в середине и конце 1990-х гг. трудоспособное население имело резерв пополнения в лице большого числа взрослеющей молодежи. Сейчас же такой резерв отсутствует, поэтому можно говорить о том, что и за пределами прогнозируемого горизонта абсолютные и относительные показатели численности трудоспособных в Новоусманском районе продолжат свое снижение.

Парадоксально, но наблюдаемые тенденции снижения численности трудоспособного населения, скорее всего, не окажут негативного влияния на процессы занятости в районе. При современном состоянии районной экономики Новоусманский район представляется скорее трудоизбыточным (таблица 9).

Таблица 9. Расчет численности трудовых ресурсов Новоусманского муниципального района в 2009-2013 гг., человек

Показатели	Факт		Прогноз		
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Среднегодовая численность населения в трудоспособном возрасте	39 174	38 591	38 091	37 509	36 825
Численность неработающих инвалидов 1 и 2 групп в трудоспособном возрасте (+,-)	-931	-940	-943	-945	-948
Численность неработающих пенсионеров в трудоспособном возрасте (+,-)	-279	-269	-260	-255	-250
Маятниковая миграция работников (+,-)	-12 083	-12 070	-12 054	-12 046	-12 040
Маятниковая миграция учащихся в трудоспособном возрасте (+,-)	-1 568	-1 503	-1 471	-1 450	-1 403
Численность трудоспособного населения в трудоспособном возрасте	24 313	23 809	23 363	22 813	22 184
Численность работающих граждан старше трудоспособного возраста	2 971	2 990	3 010	3 017	3 027
Численность занятых в экономике подростков	148	140	135	130	124
Число внешних трудовых мигрантов	102	106	109	113	126
Численность трудовых ресурсов	27 534	27 045	26 617	26 073	25 461

**По расчетам отдела труда и занятости администрации Новоусманского муниципального района*

Маятниковой трудовой миграцией (т.е. работой в областном центре и соседних муниципальных районах с ежедневным возвращением домой) в последние годы охвачен примерно 31% населения, находящегося в трудоспособном возрасте; при этом сокращение уровня данного показателя в ближайшие годы не прогнозируется. Достаточно велик процент маятниковой миграции учащихся – 4%, хотя в ближайшие годы, в связи с продолжающимся процессом «состаривания» возрастной структуры населения района, он несколько сократится. Таким образом, примерно 38% населения трудоспособного возраста (учитывая категории пенсионеров и инвалидов данной возрастной группы) заняты вне экономики Новоусманского муниципального района. По прогно-

зу в 2013 г. доля населения трудоспособного возраста, «выключенного» из трудовых ресурсов района, достигнет 40%.

Маятниковой трудовой миграцией (т.е. работой в областном центре и соседних муниципальных районах с ежедневным возвращением домой) в последние годы охвачен примерно 31% населения, находящегося в трудоспособном возрасте; при этом сокращение уровня данного показателя в ближайшие годы не прогнозируется. Достаточно велик процент маятниковой миграции учащихся – 4%, хотя в ближайшие годы, в связи с продолжающимся процессом «состаривания» возрастной структуры населения района, он несколько сократится. Таким образом, примерно 38% населения трудоспособного возраста (учитывая категории пенсионеров и инвалидов данной возрастной группы) заняты вне экономики Новоусманского муниципального района. По прогнозу в 2013 г. доля населения трудоспособного возраста, «выключенного» из трудовых ресурсов района, достигнет 40%.

По нашему мнению, процесс маятниковой миграции частично компенсируется и в то же время частично стимулируется за счет высокой доли занятых в экономике района жителей пенсионного возраста. В 2010 г. их удельный вес в составе трудовых ресурсов достиг 11%, предполагается, что к 2013 году уровень данного показателя возрастет до 12%. Сравнительно небольшой вклад в формирование трудовых ресурсов Новоусманского муниципального района в настоящее время вносят занятые трудовой деятельностью подростки (0,5%) и внешние мигранты (0,4%). Несмотря на столь высокий показатель маятниковой миграции, дефицита рабочей силы в районе не возникает (таблица 10). Уровни общей (5,5%) и зарегистрированной (1,8%) безработицы в 2010 г. в целом соответствуют среднеобластным показателям. Велик удельный вес лиц трудоспособного возраста, не занятых трудовой деятельностью и учебой, - 23,2% от общей численности трудовых ресурсов района. Всего же в экономике Новоусманского муниципального района занято лишь 68,4% имеющихся трудовых ресурсов, или 48,9% населения, находящегося в трудоспособном возрасте, что свидетельствует о постепенном «превращении» данного муниципального образования в один из «спальных районов» областного центра.

Таблица 10. Трудовые ресурсы Новоусманского муниципального района Воронежской области в 2008-2013 гг., человек

Показатели	Факт			Прогноз		
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Трудовые ресурсы	27 091	27 534	27 045	26 617	26 073	25 461
Занято в экономике - всего	18 545	18 457	18 504	18 565	18 659	18 821
на предприятиях и в организациях госсектора	1 877	1 879	1 883	1 885	1 888	1 890
на предприятиях и в организациях муниципальной собственности	3 001	3 019	3 019	3 020	3 020	3 020
в общественных объединениях и организациях	12	12	12	12	12	12
на предприятиях и организациях со смешанной формой собственности	2 821	2 834	2 836	2 840	2 842	2 844
в частном секторе - всего	10 834	11 164	11 213	11 278	11 388	11 548
из них: в КФХ (включая наемных работников)	434	440	442	446	463	489
в частных предприятиях	5 123	5 353	5 363	5 388	5 398	5 443
занятые индивидуальным трудом (в т.ч. по найму)	2 683	2 708	2 910	2 910	2 917	2 935
в домашнем хозяйстве, включая ЛПХ	3 301	3 401	3 605	3 602	3 607	3 617
Учащиеся (с отрывом от производства)	488	456	460	460	461	458
Лица в трудоспособном возрасте, не занятые трудовой деятельностью и учебой	6 272	6 628	6 267	5 863	5 281	4 620
Численность безработных, рассчитанная по методологии МОТ	1 786	1 993	1 814	1 729	1 672	1 562
в т.ч. численность незанятых граждан, зарегистрированных в службе занятости	558	638	566	540	522	488
Уровень общей безработицы, %	5,4	6,1	5,5	5,2	5,1	4,7
Уровень зарегистрированной безработицы, %	1,1	1,9	1,8	1,7	1,5	1,4

*По расчетам специалистов экономического отдела администрации Новоусманского муниципального района

Прогноз развития трудовых ресурсов до 2013 г. предполагает сокращение трудовых ресурсов примерно на 1,5 тыс. человек, однако численность занятых (за счет сокращения безработицы) прогнозируется примерно на уровне 2010 г.

Об избытке трудовых ресурсов и недостатке рабочих мест на территории Новоусманского муниципального района свидетельствует также высокий удельный вес в структуре занятости лиц, получающих основные доходы от ведения домашнего (в том числе личного подсобного) хозяйства – 19,5%. Согласно ряду научных работ по проблемам труда и занятости такой высокий уровень показателя может указывать на наличие в районе скрытой безработицы.

За последние 20 лет в Новоусманском районе также существенно изменилась структура занятости, что в принципе соответствует общероссийской тенденции трансформации занятости в сельской местности (таблица 11). Доля занятых в сельскохозяйственном производстве уменьшилась более чем на 15% и в 2010 г. составила всего 41%. При этом если в 1991 г. из 9 тыс. чел., занятых в сельском хозяйстве, работниками сельскохозяйственных предприятий были 8 тыс. чел., то в настоящее время (при 7,6 тыс. занятых в сельском хозяйстве) численность данной категории работников не превышает 1 тыс. чел.

Таблица 11. Численность и структура занятого сельского населения Новоусманского района Воронежской области по видам экономической деятельности в 1991 и 2010 гг.

Показатели	1991 г.		2010 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Занято в отраслях экономики, всего	16 241	100,0	18 504	100,0
в т.ч. сельское, лесное и рыбное хозяйство	9 159	56,4	10 436	41,0
промышленность	1 190	7,3	1 351	8,6
строительство	582	3,6	666	8,0
торговля, ремонт, гостиницы, рестораны	1 301	8,0	1 480	15,0
транспорт и связь	838	5,2	962	4,4
образование	1 266	7,8	1 443	8,8
здравоохранение и социальные услуги	726	4,5	834	5,2
другие виды деятельности	1 179	7,2	1 332	9,0

Существенно увеличилась доля занятых в сфере торговли, обслуживания, ремонта транспортных средств, гостиничных услуг – с 8 до 15%, почти в три раза увеличилась доля занятых в строительстве. Небольшой прирост продемонстрировал удельный вес занятых в таких отраслях, как промышленность, образование, здравоохранение и социальные услуги; незначительно сократилось число занятых на транспорте и связи. По нашему мнению, произошедшее перераспределение трудовых ресурсов между доминирующей отраслью – сельским хозяйством и прочими отраслями – обуславливается как сокращением масштаба сельскохозяйственного производства в районе, так и перетеканием рабочей силы в более «престижные», перспективные, а также новые сферы приложения труда. При этом большая часть трудовых ресурсов, оставшихся в сельском хозяйстве, перетекла из общественного сектора в частный и сектор ЛПХ. Тезис о «непрестижности» сельскохозяйственного труда в Новоусманском районе косвенно подтверждается показателем соотношения среднемесячной заработной платы работников сельского хозяйства к среднерайонной заработной плате. В 1991 г. уровень данного показателя составлял 95%, в 1994-2001 гг. варьировал в пределах 70-80%, сейчас не превышает 20%.

Сельское хозяйство в Новоусманском муниципальном районе в пореформенный период постепенно теряло позицию ведущей отрасли. Сельскохозяйственное производство на сегодняшний день еще охватывает более 40% процентов занятого в районе населения, однако потребляет лишь 28% районных трудовых ресурсов. Если же к трудовым ресурсам прибавить население, вовлеченное в процесс маятниковой миграции, то получится, что доля занятых в сельском хозяйстве в составе проживающего на территории района трудоспособного населения составляет не более 19%.

Однако данная статистика не совсем свойственна для поселений Новоусманского муниципального района, отдаленных от главных транспортных артерий, соединяющих населенные пункты района с областным центром - федеральной трассы М-4 и железной дороги. К числу таких поселений относится Тимирязевское сельское поселение, находящееся в юго-восточной части

Новоусманского района и граничащее с Панинским муниципальным районом.

Тимирязевское сельское поселение в настоящее время включает в себя девять населенных пунктов: д. Михайловка (748 чел.), п. Тимирязево (682 чел.), с. Горенские Выселки (570 чел.), п. Садовый (183 чел.), с Крыловка (146 чел.), с. Казанская Хава (121 чел.), с. Ушановка (67 чел.), п. Успенская Хава (1 чел.), д. Лутовиновка (1 чел). На протяжении пореформенного периода численность жителей поселения постепенно сокращалась, но в последние годы стабилизировалась и на 1.01.2010 г. составляла 2 519 человек – примерно 78% от уровня 1996 г. Наименее пострадали от депопуляции д. Михайловка, п. Тимирязево и п. Садовый, численность жителей других населенных пунктов сократилась на 40-50%.

Таблица 12. Численность жителей Тимирязевского сельского поселения Новоусманского муниципального района в 1996-2010гг., на 1 января, человек

Населенные пункты	1996 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Тимирязевское сельское поселение	3 234	2 973	2 597	2 519
в т.ч. деревня Михайловка	815	919	715	748
поселок Тимирязево	735	687	705	682
село Горенские Выселки	920	651	652	570
поселок Садовый	210	209	174	183
село Крыловка	220	190	162	146
село Казанская Хава	221	210	129	121
село Ушановка	103	99	60	67
деревня Лутовиновка	4	3	0	1
поселок Успенская Хава	6	5	0	1

Уровень естественной убыли жителей по Тимирязевскому сельскому поселению превышает среднерайонный показатель на 4-12‰. Удерживать на постоянном уровне численность населения территории позволяет лишь значительный приток мигрантов. В 2009 г. благодаря повысившейся рождаемости и рекордному уровню миграции прирост численности жителей Тимирязевского поселения составил 19,5‰. Ввиду более низкого уровня рождаемости и преимущественно миграционного характера восполнения численности жителей возрастная структура Тимирязевского поселения представляется более «старой», чем в среднем по району.

Таблица 13. Показатели прироста населения Тимирязевского сельского поселения в 2005-2009 гг., человек

Показатели	Годы				
	2005	2006	2007	2008	2009
Численность постоянного населения, всего	2 482	2 496	2 539	2 522	2 519
Число родившихся	13	14	14	16	28
Число умерших	47	37	57	66	52
Естественный прирост (убыль) населения(+,-)	-34	-24	-43	-50	-24
Естественный прирост (убыль), на 1000 чел.	-13,7	-9,6	-16,9	-19,8	-9,5
Число прибывших	60	68	90	72	109
Число выбывших	5	31	48	39	36
Миграционный прирост (убыль) населения (+,-)	55	37	52	33	73
Миграционный прирост (убыль), на 1000 чел.	22,2	14,8	20,5	13,1	29,0
Прирост населения	21	13	9	-17	49
Прирост населения, на 1000 чел.	8,5	5,2	3,5	-6,7	19,5

Доля населения младше 10 лет в 2009 г. здесь составила 6,0% (в районе – 8,4%), доля населения от 10 до 20 лет – 5,4% (в районе – 11,4%). Высока доля лиц пенсионного возраста – 33,1%, и, несмотря на то, что доля трудоспособного населения пока выше среднерайонной – 55-56%, учитывая малое количество детей и подростков, в среднесрочной перспективе данный показатель будет устойчиво снижаться.

Окраинное положение Тимирязевского сельского поселения и малый размер составляющих его населенных пунктов являются причиной процесса «вымывания» рабочей силы (таблица 14).

Высвобождающееся из сельскохозяйственной занятости население с трудом находит применение своим трудовым способностям и навыкам по месту жительства, поэтому в поселении достаточно развит процесс маятниковой миграции. В 2005 г. доля «маятниковых» мигрантов составляла 32,3% населения трудоспособного возраста, в 2006 г. – 29,8%, в 2007 г. – 34,6%, в 2008 г. – 29,4%, в 2009 г. – 38,7%. Как было отмечено ранее, основным видом деятельности в Тимирязевском сельском поселении является сельскохозяйственное производство, поэтому удельный вес занятых в данной отрасли гораздо выше среднерайонного показателя. Ежегодно он колеблется в пределах 75-78%.

Таблица 14. Численность трудовых ресурсов Тимирязевского сельского поселения в 2005-2009 гг., человек

Показатели	Годы				
	2005	2006	2007	2008	2009
Среднегодовая численность населения в трудоспособном возрасте	1 389	1 346	1 305	1 404	1 415
Численность неработающих инвалидов 1 и 2 групп в трудоспособном возрасте (+,-)	-33	-32	-31	-34	-34
Численность неработающих пенсионеров в трудоспособном возрасте (+,-)	-10	-10	10	-10	-10
Маятниковая миграция работников (+,-)	-448	-401	-451	-413	-547
Численность трудоспособного населения в трудоспособном возрасте	898	903	833	947	824
Численность работающих граждан старше трудоспособного возраста	24	30	81	25	155
Численность занятых в экономике подростков	10	7	5	8	7
Численность трудовых ресурсов	932	940	919	980	986

Другие сферы приложения труда на территории сельского поселения слаборазвиты, что обуславливает низкую долю занятости в прочих секторах экономики – промышленности (3,4%), торговле и услугах (3,6%), транспорте и связи (1,6%), здравоохранении (1,6%). Вторым по численности работников видом деятельности в Тимирязевском сельском поселении является образование (12,5%).

Таблица 15. Численность и структура занятого сельского населения Тимирязевского сельского в 2005-2009 гг., человек

Показатели	Годы				2009 г.	
	2005	2006	2007	2008	чел.	%
Занято в отраслях экономики, всего	765	791	745	740	729	100,0
в т.ч. сельское, лесное и рыбное хозяйство	586	601	580	570	553	75,9
промышленность	15	25	15	20	25	3,4
строительство	0	0	0	0	0	0,0
торговля, ремонт, гостиницы, рестораны	24	25	26	26	26	3,6
транспорт и связь	12	19	12	12	12	1,6
образование	97	102	90	90	91	12,5
здравоохранение и социальные услуги	21	9	12	12	12	1,6
другие виды деятельности	10	10	10	10	10	1,4
Лица в трудоспособном возрасте, не занятые трудовой деятельностью и учебой	167	149	174	240	257	
в т.ч. общая численность безработных	68	87	87	87	87	
из них зарегистрированы в службе занятости	16	16	12	17	54	
Уровень безработицы, %	7,3	9,3	9,5	8,9	8,8	
Уровень зарегистрированной безработицы, %	1,7	1,7	1,3	1,7	5,5	

Ввиду низкого уровня диверсификации сфер деятельности, а также менее удобного для осуществления маятниковой миграции, чем в других поселениях района, географического положения в Тимирязевском поселении высока доля лиц трудоспособного возраста, не занятых трудовой деятельностью или учебой. В последние годы она превысила 25% от численности трудовых ресурсов. Значительно выше, чем в среднем по району, удельный вес безработных. Уровень общей безработицы колеблется в пределах 7-9,5%, уровень зарегистрированной безработицы в 2009 г. составил 5,5%.

3. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

3.1. Концептуальные и методические подходы к формированию и использованию человеческого капитала аграрной сферы

Процесс формирования человеческого капитала в первую очередь представляет собой процесс инвестирования средств в развитие тех качеств и характеристик человека, которые в дальнейшем смогут дать возможность получить человеку, как объекту инвестиций, дополнительный экономический и социальный эффект. В этом случае оптимизация процесса формирования человеческого капитала может рассматриваться как определение оптимальных пропорций распределения инвестиций в развитие человека на основе оценки потенциала инвестиций в индивидуальный человеческий капитал.

На наш взгляд, проведение исследования пропорций инвестиций в человеческий капитал аграрной сферы целесообразно проводить на уровне сельских муниципальных районов и отдельных сельских поселений, что обеспечивает достаточный размер выборки и позволяет оперировать усредненными величинами, описывающими демографические процессы, занятость населения и уровень доходов, затраты на простое воспроизводство и т.д.

Поскольку основным источником инвестиций в человеческий капитал являются доходы от трудовой деятельности населения, то процедура оценки потенциала инвестиций в человеческий капитал должна начинаться с прогнозной оценки занятости сельского населения через прогноз количества рабочих мест в сельскохозяйственных организациях, крестьянских (фермерских) хозяйствах, в несельскохозяйственном бизнесе, в бюджетной сфере конкретных сельских поселений. Затем должны быть учтены возможности трудоустройства за счет сезонной и маятниковой трудовой миграции.

На следующем этапе, исходя из прогнозируемого уровня заработной платы, доходов от ведения частнопредпринимательской деятельности, доходов от личных подсобных хозяйств и доходов, получаемых в виде социальных выплат, определяются совокуп-

ные доходы населения, которые могут рассматриваться в расчете на среднего жителя, среднюю семью, среднее домохозяйство, на населенный пункт и т.д. После этого, исходя из возрастной структуры населения, дается прогнозная оценка затрат, необходимых для обеспечения ее прожиточного минимума.

Путем сопоставления совокупных доходов и затрат на обеспечение прожиточного минимума определяется воспроизводственный потенциал человеческого капитала. Если доходы превышают затраты на обеспечение прожиточного минимума, то у населения имеется возможность осуществлять накопления, использовать эти средства на удовлетворение каких-либо личных потребностей или инвестировать их в формирование человеческого капитала или в развитие бизнеса, или домашних хозяйств как источников будущих дополнительных доходов. Очевидно, что не все расходы, связанные с потреблением, могут считаться инвестициями в человеческий капитал. К их числу, например, не относятся затраты на алкоголь, табак, товары престижных брендов, ювелирные украшения и т.д.

Следующий этап связан с распределением инвестиций в индивидуальный человеческий капитал по их направлениям. С позиций семьи или индивидуума эти инвестиции связаны с расходами на образование, здравоохранение, улучшение условий проживания и ведение здорового образа жизни. Структура инвестиций при этом может определяться, исходя из уровня жизни семьи, уровня образования ее членов, состояния их здоровья, духовно-нравственного климата в семье, национальных и религиозных традиций.

Таким образом, задача оптимизации процесса формирования человеческого капитала по сути сводится к решению задачи оптимального распределения средств, инвестируемых в человеческий капитал, по направлениям инвестиций. Схема оценки потенциала инвестиций в человеческий капитал и распределения инвестиций приведена на рисунке 23.

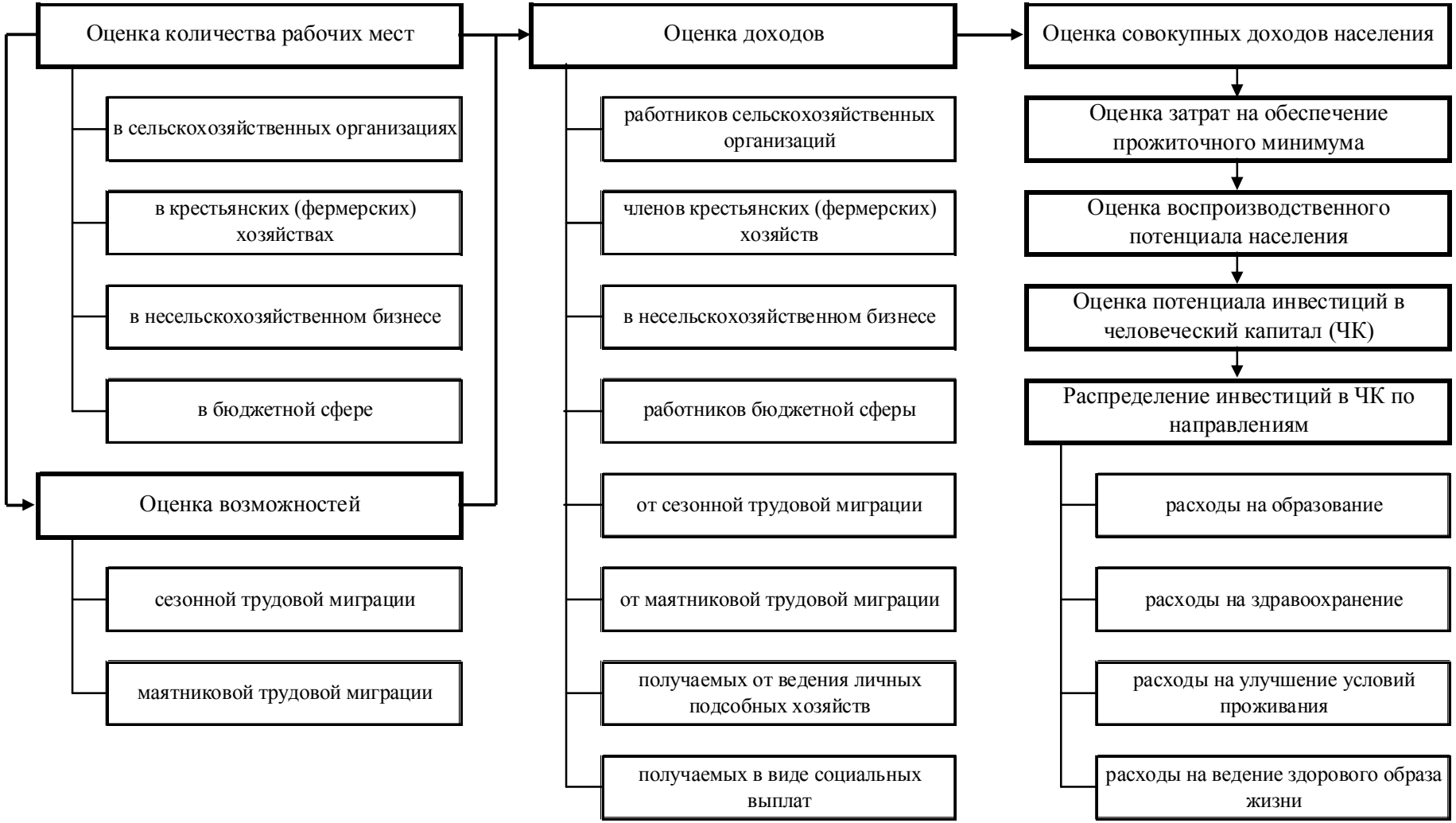

Рис. 23. Схема оценки потенциала инвестиций в человеческий капитал и распределения инвестиций по направлениям

Основным инструментом обоснования прогнозных параметров развития человеческого капитала является имитационная экономико-математическая модель, описывающая взаимосвязь демографических процессов, проходящих на конкретной сельской территории, с уровнем и структурой занятости населения, их доходами, структурой распределения доходов и объемов инвестиций в человеческий капитал. Переменными в разработанной модели являются численность населения по половозрастным группам, численность занятого населения по отраслям и видам занятости, размер доходов по различным группам населения, объемы распределения доходов по направлениям, объемы инвестиций в человеческий капитал по направлениям. Ограничения представляют собой совокупность линейных и нелинейных функций, описывающих динамическую взаимосвязь переменных, например соотношение между половозрастными группами, влияние уровня образования на уровень доходов, уровня дохода на уровни накопления и потребления и т.д.

Рис. 24. Структура модели формирования человеческого капитала сельских территорий

Разработанная экономико-математическая модель имеет блочную структуру и может быть представлена в виде совокупности взаимосвязанных блоков.

Первые два блока (блок демографических процессов мужской части населения, блок моделирования и блок демографических процессов женской части населения) практически идентичны по своей структуре, но имеют некоторые функциональные различия. Каждый из этих блоков состоит из 19 взаимосвязанных структурных элементов, позволяющих описать процессы изменения численности половозрастных групп, формирующихся с пятилетним интервалом. Например, численность населения в возрасте 0-4 года, 5-10 лет и т.д., вплоть до группы 90 лет и старше. В каждом из блоков также симулируется течение модельного времени, шаг которого соответствует одному календарному году, т.о. модельное время t=1 соответствует 2010 г., t=10 – соответствует 2020 г. и т.д. Численность половозрастных групп моделируется следующим образом:

1. Задание начальной численности населения на первом шаге времени:

$$P_{j1} = a_j,$$

где P_{j1} *- моделируемая численность населения, принадлежащего к j-ой подгруппе (т.е. подгруппе населения одного возраста в составе пятилетней половозрастной группы) в момент времени 1, чел.;*

a_j *- фактическая численность населения j-ой подгруппы на 1 января 2010 г., чел.*

2. Моделирование численности начальной подгруппы половозрастной группы на втором и последующих шагах модельного времени. Начальной подгруппой в данном случае названа подгруппа, «открывающая» пятилетнюю половозрастную группу, т.о. для группы 0-4 года это будет население в возрасте до 1 года, для группы 5-9 лет – в возрасте от 5 до 6 лет и т.д.:

$$P_{nt} = (V_t^{k-1} + \frac{M_t^k}{5}) \cdot (1 - \delta_{nt}) \ ,$$

где P_{nt} *- численность населения начальной подгруппы в момент времени t, чел.;*

V_t^{k-1} *- переход населения из предыдущей (k-1) в настоящую (k) пятилетнюю половозрастную группу, происходящий в момент времени t, чел. Для начальной*

подгруппы группы 0-4 года данная переменная приравнивается к количеству рожденных в настоящем году мальчиков (B_t^m*) или девочек(*B_t^f*);*

M_t^k *- миграционный прирост (убыль) k-й половозрастной группы в момент времени t, чел.;*

δ_{nt} *- возрастной коэффициент смертности населения начальной подгруппы в момент времени t.*

3. Моделирование численности второй-пятой подгрупп отдельной половозрастной группы на втором и последующих шагах модельного времени:

$$P_{rt} = (P_{(r-1)t} + \frac{M_t^k}{5}) \cdot (1 - \delta_{rt}),$$

где P_{rt} *- численность населения r-ой подгруппы в момент времени t, чел.;*

$P_{(r-1)t}$ *- численность населения элемента, предыдущего r-ой подгруппе в момент времени t, чел.;*

δ_{rt} *- возрастной коэффициент смертности населения r-ой подгруппы в момент времени t.*

4. Моделирование перехода населения из одной половозрастной группы в последующую на втором и последующих шагах модельного времени:

$$V_t^{k+1} = P_{5(t-1)},$$

где $P_{5(t-1)}$ *- численность населения последней (пятой) подгруппы k-ой пятилетней половозрастной группы, в момент времени t-1, чел.;*

V_t^{k+1} *- переход населения из настоящей (k) в последующую (k+1) пятилетнюю половозрастную группу, происходящий в момент времени t, чел.*

5. Подсчет текущей численности населения отдельной половозрастной группы:

$$H_{kt} = \sum_{j=1}^{5} P_{jt},$$

где H_{kt} *- численность населения k-ой пятилетней половозрастной группы в момент времени t, чел.;*

P_{jt} *- численность населения j-ой подгруппы в момент времени t, чел.*

Для моделирования демографических процессов и процессов занятости в блоках половозрастных групп 15-19 лет производится также определение значений переменных Y_{1t}^m и Y_{1t}^f (численность населения мужского и женского пола соответственно в возрасте 16-19

лет), FE_{1t} и FE_{2t} (соответственно численность женщин в возрасте 15-17 лет и 18-19 лет) в текущий момент времени *t*.

6. В блоках демографических процессов мужской и женской части населения группируются переменные численности половозрастных групп H_{kt}^{m} и H_{kt}^{f} и подсчитывается общая численность населения (H_t):

$$H_t = \sum_{k=1}^{19} \left(H_{kt}^{m} + H_{kt}^{f} \right).$$

Осуществляется инициализация переменных численности мужского и женского населения трудоспособного возраста:

$W_{1t}^{m} = Y_{1t}^{m}$, $W_{2t}^{m} = H_{5t}^{m}$,..., $W_{9t}^{m} = H_{12t}^{m}$ и $W_{1t}^{f} = Y_{1t}^{f}$, $W_{2t}^{f} = H_{5t}^{f}$,..., $W_{8t}^{f} = H_{11t}^{f}$,

где W_{1t}^{m} - численность возрастной группы 16-19 лет в составе мужского населения трудоспособного возраста;

W_{2t}^{m} - численность возрастной группы 20-24 года в составе мужского населения трудоспособного возраста;

W_{9t}^{m} - численность возрастной группы 55-59 лет в составе мужского населения трудоспособного возраста в текущий момент времени t и т.д. Отметим, что для женской части населения трудоспособного возраста предусмотрено всего 8 таких групп, так как срок наступления пенсионного возраста для женщин составляет 55 лет.

7. В блоке демографических процессов населения женского пола также инициализируются переменные, характеризующие группы женского населения детородного возраста в текущий момент времени *t*:

$C_{1t} = FE_{1t}$, $C_{2t} = FE_{2t}$, $C_{3t} = H_{5}^{f}$,..., $C_{8t} = H_{10t}^{f}$,

где C_{1t} - численность женщин детородного возраста возрастной группы 15-17 лет в момент времени t, чел.;

C_{2t} - численность женщин детородного возраста возрастной группы 18-19 лет в момент времени t, чел.;

C_{3t} - численность женщин детородного возраста возрастной группы 20-24 года в момент времени t, чел.;

C_{8t} - численность женщин детородного возраста возрастной группы 44-49 лет в момент времени t, чел. Женщины 50 лет и старше в данной модели не принадлежат к детородному возрасту.

8. В данных блоках моделируются коэффициенты смертности населения по отдельным половозрастным группам:

$\delta_{rt}^{m} = d_{r}^{m} \cdot \mu_{t}^{d}$, $\delta_{rt}^{f} = d_{r}^{f} \cdot \mu_{t}^{d}$,

где δ_{rt}^{m} и δ_{rt}^{f} - *текущие возрастные коэффициенты смертности мужчин и женщин r-ой возрастной подгруппы в момент времени t;*

d_r^m и d_r^f - *базовые (фактически наблюдаемые) возрастные коэффициенты смертности мужчин и женщин r-ой возрастной подгруппы;*

μ_t^d - *мультипликатор смертности населения в момент времени t.*

9. Также в данных блоках между половозрастными группами распределяется миграционный прирост (убыль) населения:

$$M_t^k = p_k M_t,$$

где M_t - *абсолютный миграционный прирост (убыль) населения в момент времени t, чел.;*

p_k - *доля населения k-ой половозрастной группы в абсолютном миграционном приросте (убыли).*

Третьим блоком данной модели является блок воспроизводства населения, в котором:

10. Моделируется уровень рождаемости для женщин различного детородного возраста:

$$\beta_{it} = b_i \cdot \mu_t^b,$$

где β_{it} - *уровень рождаемости для женщин i-ой группы детородного возраста в момент времени t;*

b_i - *базовый уровень рождаемости для женщин i-ой группы детородного возраста;*

μ_t^b - *мультипликатор рождаемости населения в момент времени t.*

11. Определяется численность детей, рожденных в каждый момент времени *t*:

$$B_t = \sum_{i=1}^{8} \beta_{it} \cdot C_{it}.$$

12. Определяется численность новорожденных мальчиков и девочек в каждый момент времени *t*:

$$B_t^m = B_t \cdot g_m, \quad B_t^f = B_t \cdot g_f,$$

где g_m и g_f - *удельный вес среди новорожденных мальчиков и девочек.*

13. Моделируется миграционный прирост (убыль) населения:

$$M_t = \mu_t^u (BI - BE),$$

где BI - *базовое годовое количество прибывающих мигрантов, чел.*

BE- *базовое годовое количество выбывающих мигрантов, чел.*

μ_t^u - *мультипликатор миграции населения в момент времени t. В случае если BI≤BE, используется мультипликатор* $(-\mu_t^u)$.

В четвертом блоке данной модели осуществляется моделирование трудовых ресурсов и занятости изучаемой административно-территориальной единицы.

14. Определяется численность населения трудоспособного возраста в текущий момент времени *t*:

$$W_t = \sum_{n=1}^{9} W_{nt}^m + \sum_{n=1}^{8} W_{nt}^f ;$$

численность пенсионеров:

$$PE_t = \sum_{k=13}^{19} H_{kt}^m + \sum_{k=12}^{19} H_{kt}^f ;$$

а также численность детей:

$$CH_t = H_t - W_t - PE_t .$$

15. Определяется численность учащихся трудоспособного возраста в текущий момент времени *t*:

$$S_t = \left(W_1^m + W_1^f\right) \cdot s_1 + \left(W_2^m + W_2^f\right) \cdot s_2 ,$$

где s_1 и s_2 - *удельный вес учащихся в структуре возрастных групп населения соответственно 16-19 и 20-24 лет.*

16. Определяется численность неработающих инвалидов трудоспособного возраста в текущий момент времени *t*:

$$VI_t = y \cdot W_t ,$$

где y – среднестатистический удельный вес неработающих инвалидов в составе населения трудоспособного возраста.

17. В каждый момент времени t определяется численность неработающих пенсионеров трудоспособного возраста, вышедших на пенсию по старости до достижения пенсионного возраста, по выслуге лет и т.д.:

$$VU_t = u \cdot (H_{12t}^m + H_{11t}^f) ,$$

где и – фактическое отношение численности неработающих пенсионеров трудоспособного возраста к численности населения предпенсионного возраста (мужчины 55-59 лет, женщины 50-54 лет);

H_{12t}^m и H_{11t}^f - *численность соответственно мужчин возраста 55-59 лет и женщин возраста 50-54 лет, в момент времени t.*

18. В каждый момент времени *t* определяется численность работающих пенсионеров старше трудоспособного возраста:

$$VE_t = e \cdot (\sum_{k=13}^{14} H_{kt}^{m} + \sum_{k=12}^{14} H_{kt}^{f}),$$

где e – фактическое отношение численности работающих пенсионеров старше трудоспособного возраста к совокупной численности мужчин возрастом от 60 до 69 лет и женщин возрастом от 55 до 69 лет;

k = 12, 13, 14 – номера возрастных групп населения (55-59 лет, 60-64 года, 65-69 лет).

19. В каждый момент времени *t* определяется численность работающих подростков:

$$TE_t = q \cdot (\sum_{k=3}^{4} H_{kt}^{m} - W_{1t}^{m} - W_{1t}^{f}),$$

где q – фактический удельный вес работающих подростков в возрасте 10-15 лет.

k = 3 и 4– номера возрастных групп населения (10-14 лет, 15-19 лет);

W_{1t}^{m} *и* W_{1t}^{f} *- численность мужского и женского трудоспособного населения в возрасте 16-19 лет.*

20. Определяется количество рабочих, прибывающих в рассматриваемую административно-территориальную единицу в рамках маятниковой миграции:

$$MP_t = \mu_t^{p} \cdot MP_0,$$

где MP_0 *- базовая маятниковая миграция, направленная внутрь административной территориальной единицы, чел.*

μ_t^{p} *- мультипликатор внутринаправленной маятниковой миграции населения в момент времени t.*

21. Определяется численность трудовых ресурсов в каждый момент времени *t*:

$$WR_t = W_t - S_t - VI_t - VU_t + VE_t + TE_t + MP_t.$$

22. Определяется численность безработных (Ut):

$$U_t = \mu_t^{y} \cdot c_u \cdot WR_t,$$

где c_u *- оценка доли безработных в составе трудовых ресурсов;*

μ_t^{y} *- мультипликатор безработицы в момент времени t.*

23. Определяется численность населения, находящегося в отпуске по беременности и родам и в отпуске по уходу за ребенком:

$$ML_t = \frac{B_t}{l_m},$$

где l_m *- отношение оценочной средней суммы дней отпусков по уходу за ребенком, беременности и родам к количеству дней в году.*

24. Определяется численность населения, обучающегося в отрыве от производства:

$$SW_t = c_L \cdot WR_t,$$

где c_L *- фактическое отношение численности лиц, обучающихся в отрыве от производства, к численности трудовых ресурсов.*

25. Определяется численность занятого населения в каждый момент времени *t*:

$$E_t = WR_t - U_t - ML_t - SW_t.$$

Исходя из соображений удобства моделирования, численность населения, подверженного маятниковой трудовой миграции, направленной за пределы административно-территориальной единицы, не исключается из численности занятого населения. Внешненаправленная маятниковая трудовая миграция в дальнейшем рассматривается как отдельная «отрасль», что позволяет более качественно описывать перераспределение трудовых ресурсов между отраслями экономики моделируемой территории.

В пятом структурном блоке моделируются процессы распределения и перераспределения занятого населения сельской территории.

26. Определяется численность населения, занятого в домашнем и личном подсобном хозяйстве:

$$HH_t = \mu_t^h \cdot c_h \cdot WR_t,$$

где c_h *- фактическое отношение численности лиц, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, к численности трудовых ресурсов;*

μ_t^h *- мультипликатор занятости в домашнем хозяйстве, и ЛПХ в момент времени t.*

27. Определяется общая численность населения, занятого различными видами деятельности (за исключением самозанятости), в каждый момент времени *t*:

$$EE_t = E_t - HH_t.$$

28. В момент времени *t=1* происходит инициализация коэффициентов доли занятых различными видами деятельности:

$\lambda_{vt} = z_v$,

где z_v *- фактическая доля занятых в v-ом виде экономической деятельности.*

29. Рассчитывается текущая численность занятых различными видами экономической деятельности:

$X_{vt} = \lambda_{vt} \cdot EE_t$.

30. Рассчитывается текущая средняя заработная плата по видам деятельности:

$R_{vt} = \mu_t^R \cdot R_{v(t-1)} \cdot f_i^{ind}(t,v)$,

где R_{v0} *- средняя заработная плата по v-му виду экономической деятельности;*

μ_t^R *- мультипликатор доходов в момент времени t;*

$f_i^{\cdot ind}(t,v)$ *- коэффициент индексации заработной платы в v-м виде деятельности в момент времени t, рассчитываемый функционально.*

31. Рассчитывается текущая средняя заработная плата по экономике административно-территориального образования:

$$\overline{R_t} = \frac{\sum_{v=1}^{15} R_{vt} \cdot X_{vt}}{EE_t}.$$

32. Рассчитываются текущие коэффициенты привлекательности видов экономической деятельности:

$$\rho_{vt} = \frac{R_{vt}}{\overline{R_t}} \cdot r_v,$$

где r_v *- коэффициент «престижности» занятости в v-ом виде экономической деятельности, задается константой.*

33. Рассчитываются промежуточные численности занятых по видам экономической деятельности. Это условные величины, позволяющие создать базис для перераспределения трудовых ресурсов:

если $f^{\min}\left(\frac{X_{vt}}{X_v^{\min}}\right) \geq 0{,}99$, *то* $X'_{vt} = X_{vt} \cdot f^{\min}\left(\frac{X_{vt}}{X_v^{\min}}\right)$, иначе

$$X'_{vt} = X_{vt} \cdot f^{\min}\left(\frac{X_{vt}}{X_v^{\min}}\right) \cdot f^{wag}(\rho_{vt}),$$

где X_v^{min} *- минимально возможная численность занятых по v-му виду экономической деятельности, может быть задана константой или функционально от численности населения, чел.;*

$f^{min}\left(\frac{X_{vt}}{X_v^{min}}\right)$ *- функция, уменьшающая численность занятых по v-му виду деятельности.*

При большинстве соотношений $\frac{X_{vt}}{X_v^{min}}$ принимает значение 0,95, но после прохождения определенного порога соотношения численности занятых по отрасли к минимальному своему значению начинает постепенно возрастать до значения 1. Чем больше значение данной функции, тем меньше скорректированная величина X'_{vt} будет отличаться от X_{vt}, таким образом, данная функция не дает перейти нижний порог численности занятых в различных видах экономической деятельности.

$f^{wag}(\rho_{vt})$ - функция, корректирующая численность занятых по *v*-му виду экономической деятельности в зависимости от коэффициента «привлекательности». При значении $\rho_{vt} \geq 1{,}2$ принимает значение $\frac{1}{0{,}95}$, что позволяет полностью компенсировать воздействие предыдущей функции. При $\rho_{vt} < 1{,}2$ значение функции будет постепенно снижаться до 0. Таким образом, чем больше значение данной функции, тем меньше трудовых ресурсов, занятых в конкретной отрасли, будет доступно для перетекания в другие сферы деятельности.

Данные функции, используемые совместно, обеспечивают процесс плавного перераспределения трудовых ресурсов, не позволяя работникам моментально переходить из относительно худших видов деятельности в относительно лучшие.

34. Рассчитывается потенциал перераспределяемых трудовых ресурсов:

$$D_t = EE_t - \sum_{v=1}^{15} X'_{vt} .$$

35. Рассчитываются коэффициенты перераспределения трудовых ресурсов η_{vt} по видам экономической деятельности:

$$\eta_{vt} = f^{red}\left(\rho_{vt}, X_{vt}, X'_{vt,} D_t, \left\{X_1^{max}, ..., X_{15}^{max}\right\}, \left\{\rho_{1t}, ..., \rho_{15t}\right\}\right)$$

при условии, что $\sum_{v=1}^{15}\eta_{vt}=1$,

где X_v^{max} *- максимально возможная численность занятых по v-му виду экономической деятельности, может быть задана константой или функционально от численности населения, чел.;*

$f^{red}\left(\rho_{vt},X_{vt},X'_{vt},D_t,\left\{X_1^{max},...,X_{15}^{max}\right\},\left\{\rho_{1t},...,\rho_{15t}\right\}\right)$ *- итеративная алгоритмическая функция, ранжирующая виды экономической деятельности по привлекательности перетекания в них трудовых ресурсов с учетом верхней границы численности занятых в каждой конкретной отрасли.*

36. Рассчитываются перспективные коэффициенты распределения трудовых ресурсов на следующий год:

$$\lambda'_{vt}=\frac{X'_{vt}+\eta_{vt}\cdot D_t}{EE_t}.$$

37. В момент времени t=2 и в последующие моменты с шагом 1 происходит реинициализация коэффициентов доли занятых в различных видах экономической деятельности: $\lambda_{vt+1}=\lambda'_{vt}$ с последующим повторением расчетов, описанных в пп. 29-35.

В шестом структурном блоке модели описывается формирование и распределение доходов населения, а также инвестирование в человеческий капитал рассматриваемой административно-территориальной единицы:

38. Рассчитывается суммарный доход населения (I_t^{ws}), формирующийся за счет оплаты труда и социальных выплат, руб.:

$$I_t^{ws}=\overline{R}_t\cdot(EE_t+SW_t)+\overline{R}_0^h\cdot HH_t\cdot\prod_{i=1}^{t}f_i^h(t)+\overline{R}_0^u\cdot U_t\cdot\prod_{i=1}^{t}f_i^u(t)+0{,}593\overline{R}_t\cdot ML_t+$$

$$+\overline{R}_0^s\cdot S_t\cdot\prod_{i=1}^{t}f_i^s(t)+\overline{R}_0^{vi}\cdot VI_t\cdot\prod_{i=1}^{t}f_i^{vi}(t)+\overline{R}_0^p\cdot(PE_t+VU_t)\cdot\prod_{i=1}^{t}f_i^p(t),$$

где $\overline{R}_0^h$, $\overline{R}_0^u$, $\overline{R}_0^s$, $\overline{R}_0^{vi}$, $\overline{R}_0^p$ *- соответствующие оценки размеров среднемесячных денежных доходов лиц, занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, безработных, учащихся трудоспособного возраста, среднемесячные размеры пенсии по инвалидности и пенсии по старости, руб.*

$f_i^h(t),f_i^u(t),f_i^s(t),f_i^{vi}(t),f_i^p(t)$ *- соответственно коэффициенты индексации* $\overline{R}_0^h$, $\overline{R}_0^u$, $\overline{R}_0^s$, $\overline{R}_0^{vi}$, $\overline{R}_0^p$ *в момент времени t.*

39. Рассчитывается суммарный доход населения:

$$I_t=I_t^{ws}\cdot(1+\tau_p+\tau_b+\tau_r),$$

где τ_p, τ_b, τ_r *- соответственно оценочные коэффициенты пропорциональности доходов от собственности, предпринимательской деятельности и прочих*

доходов к суммарному доходу населения, формирующегося за счет оплаты труда и социальных выплат.

40. Рассчитывается среднедушевой доход населения в каждый момент времени *t*:

$$\bar{I}_t = \frac{I_t}{H_t}.$$

41. Рассчитывается средняя стоимость потребительской корзины в каждый момент времени *t*:

$$\overline{\Omega}_t = \frac{\left(\Omega_0^{w} \cdot W_t + \Omega_0^{p} \cdot PE_t + \Omega_0^{c} \cdot CH_t\right) \cdot \prod_{i=1}^{t} f_i^{CPI}(t)}{H_t},$$

где Ω_0^{w}, Ω_0^{p}, Ω_0^{c} *- фактические значения величины прожиточного минимума в 2010 г. соответственно для трудоспособного населения, пенсионеров и детей;*

$f^{CPI}(t)$ *- временная функция, задающая ежегодный индекс потребительских цен.*

42. Рассчитывается объем инвестиций в человеческий капитал в каждый момент модельного времени *t*:

$$\Theta_t = (\bar{I}_t - \overline{\Omega}_t) \cdot (1 - \omega_a - \omega_c),$$

где ω_c и ω_c *- коэффициенты, описывающие пропорции распределения доходов на накопление и потребление, не связанное с процессом наращивания человеческого капитала.*

Также задаются параметры ϑ_a, ϑ_c, представляющие собой нормативные значения ω_c и ω_c.

43. Инициализируются переменные, характеризующие инвестиции в человеческий капитал по направлениям:

$$Z_t^1 = \Theta_t \cdot \gamma_1,\ Z_t^2 = \Theta_t \cdot \gamma_2,\ Z_t^3 = \Theta_t \cdot \gamma_3,\ Z_t^4 = \Theta_t \cdot \gamma_4,$$

где Z_t^1, Z_t^2, Z_t^3, Z_t^4 *- расходы на улучшение условий проживания, расходы на здравоохранение, расходы на ведение здорового образа жизни и расходы на образование.*

γ_1, γ_2 γ_3, γ_4 *- коэффициенты, представляющие собой текущие оценки долей соответствующих расходов в структуре инвестиций в человеческий капитал, при условии, что* $\gamma_1 + \gamma_2 + \gamma_3 + \gamma_4 = 1$.

Также задаются параметры ψ_1, ψ_2 ψ_3, ψ_4 , представляющие собой нормативные значения γ_c, γ_h γ_s, γ_e .

44. В каждый из моментов времени *t* переменные Z_t^n сравниваются с аналогичными переменными, рассчитанными с использованием начальных значений среднедушевого дохода и стоимо-

сти потребительской корзины, нормативных значений коэффициентов, а также компаундирования на величины ежегодных индексов потребительских цен:

$$\varphi_t^n = \frac{Z_t^n}{(\bar{I}_1 - \overline{\Omega}_1)\cdot(1-\vartheta_a-\vartheta_c)\cdot\psi_n\cdot\prod_{i=1}^{t} f_i^{CPI}(t,n)}.$$

45. Рассчитывается уровень реального среднедушевого дохода - отношение текущего среднегодового дохода к величине начального среднегодового дохода, наращенной на величины ежегодных индексов потребительских цен:

$$\xi_t = \frac{\bar{I}_t}{\bar{I}_1\cdot\prod_{i=1}^{t} f_i^{CPI}(t)}.$$

46. На основе значений коэффициентов φ_t^n и ξ_t рассчитываются все используемые в модели мультипликаторы:

$\mu_t^d = f^{d2}\left(\varphi_t^2\right)\cdot f^{d3}\left(\varphi_t^3\right)$,

где $f^{d2}\left(\varphi_t^2\right)$ *- функция зависимости уровня смертности от уровня расходов на здравоохранение с областью значений R{0,7 ; 1,8};*

$\mathrm{f}^{\mathrm{d3}}\left(\varphi_{\mathrm{t}}^3\right)$ *- функция зависимости уровня смертности от уровня расходов на ведение здорового образа жизни с областью значений R{0,9 ; 1,3};*

$\mu_{\mathrm{t}}^{\mathrm{d}} = \mathrm{f}^{\mathrm{b2}}\left(\varphi_{\mathrm{t}}^2\right)\cdot\mathrm{f}^{\mathrm{b3}}\left(\varphi_{\mathrm{t}}^3\right)\cdot\mathrm{f}^{\mathrm{b}}\left(\xi_{\mathrm{t}}\right)$,

где $f^{b2}\left(\varphi_t^2\right)$ *- функция зависимости уровня рождаемости от уровня расходов на здравоохранение с областью значений R{0,25 ; 1,60};*

$\mathrm{f}^{\mathrm{b3}}\left(\varphi_{\mathrm{t}}^3\right)$ *- функция зависимости уровня рождаемости от уровня расходов на ведение здорового образа жизни с областью значений R{0,65 ; 1,30};*

$\mathrm{f}^{\mathrm{b}}\left(\xi_{\mathrm{t}}\right)$ *- функция зависимости уровня рождаемости от уровня реального среднедушевого дохода с областью значений R{0,25 ; 1,60};*

$\mu_t^u = f^u\left(\xi_t\right)$,

где $f^u\left(\xi_t\right)$ *- функция зависимости миграционного баланса населения от уровня реального среднедушевого дохода с областью значений R{-1; 0,6};*

$\mu_{\mathrm{t}}^{\mathrm{u}} = \mathrm{f}^{\mathrm{u}}\left(\xi_{\mathrm{t}}\right)$,

где $f^u\left(\xi_t\right)$ *- функция зависимости миграционного прироста (убыли) населения от уровня реального среднедушевого дохода с областью значений R{-1; 0,6};*

$\mu_t^v = f^v\left(\xi_t\right)$,

где $f^{v}\left(\xi_t\right)$ *- функция зависимости внутринаправленной маятниковой миграции населения от уровня среднедушевого дохода с областью значений R{0; 2};*

$$\mu_t^R = f^{R1}\left(\varphi_t^1\right) \cdot f^{R2}\left(\varphi_t^2\right) \cdot f^{R3}\left(\varphi_t^3\right) \cdot f^{R4}\left(\varphi_t^4\right),$$

где $f^{R1}\left(\varphi_t^1\right)$ *- функция зависимости уровня доходов от уровня расходов на улучшение условий проживания с областью значений R{0,9 ; 1,1};*

$f^{R2}\left(\varphi_t^2\right)$ *- функция зависимости уровня рождаемости от уровня расходов на здравоохранение жизни с областью значений R{0,96 ; 1,04};*

$f^{R3}\left(\varphi_t^3\right)$ *- функция зависимости уровня рождаемости от уровня расходов на ведение здорового образа жизни с областью значений R{0,99 ; 1,01};*

$f^{R4}\left(\varphi_t^4\right)$ *- функция зависимости уровня рождаемости от уровня расходов на образование с областью значений R{0,9 ; 1,1}.*

При преобразовании данной экономико-математической модели в оптимизационную в качестве критерия оптимальности используется функция, описывающая накопленную сумму реальных доходов сельского населения. Данный показатель является интегрированным и отражает во взаимосвязи колебания численности сельского населения с учетом изменений его структуры и объемов получаемых населением доходов из всех источников.

3.2. Прогноз формирования человеческого потенциала сельских территорий

Модель формирования человеческого потенциала сельских территорий была апробирована на примере Новоусманского и Нижнедевицкого муниципальных районов Воронежской области. Выбор районов был продиктован социально-демографической неоднородностью сельских поселений Воронежской области. Новоусманский район непосредственно граничит с Воронежской агломерацией, по его территории проходят транспортные артерии области, в экономике района достаточно высокий удельный вес занимают обрабатывающее производство и сфера услуг. Нижнедевицкий муниципальный район принадлежит к так называемым «депрессивным» территориям Воронежской области, находится вдали от важных транспортных путей и узлов, основу районной экономики составляет сельское хозяйство, в районе нет значимых несельскохозяйственных производств.

В качестве горизонта прогнозирования был принят временной отрезок длиной 30 лет (с 2011 по 2040 г.). Все исходные параметры, необходимые для разработки экономико-математической модели, были рассчитаны на основе официальных статистических данных по Воронежской области, Новоусманскому и Нижнедевицкому районам. Банк исходной информации был представлен данными о численности населения по половозрастным группам, половозрастных коэффициентах смертности, коэффициентах рождаемости в различных возрастных группах женщин, структуре трудовых ресурсов, отраслевой структуре занятости, средней заработной плате по видам экономической деятельности, размерах социальных выплат, пенсий, уровне прожиточного минимума и данных о структуре доходов населения.

В качестве рабочих гипотез о структуре использования доходов населением и распределения инвестиций в человеческий капитал нами были использованы экспертные оценки специалистов отдела экономики администрации Новоусманского района. Рост доходов отдельных групп населения и работников, занятых различными видами экономической деятельности, был запланирован на уровне 5-8%, ежегодный индекс роста потребительских цен - 8%.

Сложившиеся в изучаемых районах половозрастная структура, уровни рождаемости и смертности обусловили постепенное снижение численности населения на всей протяженности горизонта

прогнозирования. Однако численность населения Новоусманского района за 30 лет сократилась на 11,4%, в то время как население Нижнедевицкого района уменьшилось на 54,1% (таблица 16).

Таблица 16. Прогноз численности и возрастной структуры населения в Новоусманском и Нижнедевицком районах Воронежской области

Показатели	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.	2035 г.	2040 г.
Новоусманский муниципальный район							
Численность населения на начало года, чел.	64 481	64 158	63 399	62 046	60 351	58 697	57 162
в т.ч.: младше трудоспособного возраста	10 020	11 295	12 153	12 083	10 221	9 131	8 749
трудоспособного возраста	39 751	38 117	35 622	34 072	34 301	34 089	32 833
старше трудоспособного возраста	14 710	14 747	15 623	15 891	15 829	15 478	15 580
Доля в составе населения лиц, %:							
младше трудоспособного возраста	15,5	17,6	19,2	19,5	16,9	15,6	15,3
трудоспособного возраста	61,6	59,4	56,2	54,9	56,8	58,1	57,4
старше трудоспособного возраста	22,8	23,0	24,6	25,6	26,2	26,4	27,3
Коэффициент демографической нагрузки	0,622	0,683	0,780	0,821	0,759	0,722	0,741
Нижнедевицкий муниципальный район							
Численность населения на начало года, чел.	21 371	18 402	15 951	13 920	12 262	10 928	9 814
в т.ч.: младше трудоспособного возраста	2 937	2 566	2 387	2 160	1 797	1 510	1 281
трудоспособного возраста	11 328	9 593	8 114	6 991	6 239	5 709	5 283
старше трудоспособного возраста	7 106	6 243	5 450	4 769	4 227	3 708	3 249
Доля в составе населения лиц, %:							
младше трудоспособного возраста	13,7	13,9	15,0	15,5	14,7	13,8	13,1
трудоспособного возраста	53,0	52,1	50,9	50,2	50,9	52,2	53,8
старше трудоспособного возраста	33,2	33,9	34,2	34,3	34,5	33,9	33,1
Коэффициент демографической нагрузки	0,887	0,918	0,966	0,991	0,965	0,914	0,858

Сокращение численности жителей Нижнедевицкого района будет происходить равномерно, так как к началу рассматриваемого периода процесс «старения» среднего возраста населения был уже практически исчерпан (возрастная структура населения в 2010 и 2040 гг. практически не отличается). В Новоусманском районе население продолжает «стареть», к 2040 г. доля населения трудоспособного возраста сократится на 4,2%, а доля пенсионеров возрастет на 4,5% (рисунок 24); также существенно увеличится средний возраст трудоспособных – с 36,4 до 38,1 года. Когда в 2025-2030 гг. критический возрастной порог будет пройден, население Новоусманского района начнет сокращаться более быстрыми темпами, так как старшим возрастным группам присущи высокие уровни смертности и низкие уровни рождаемости.

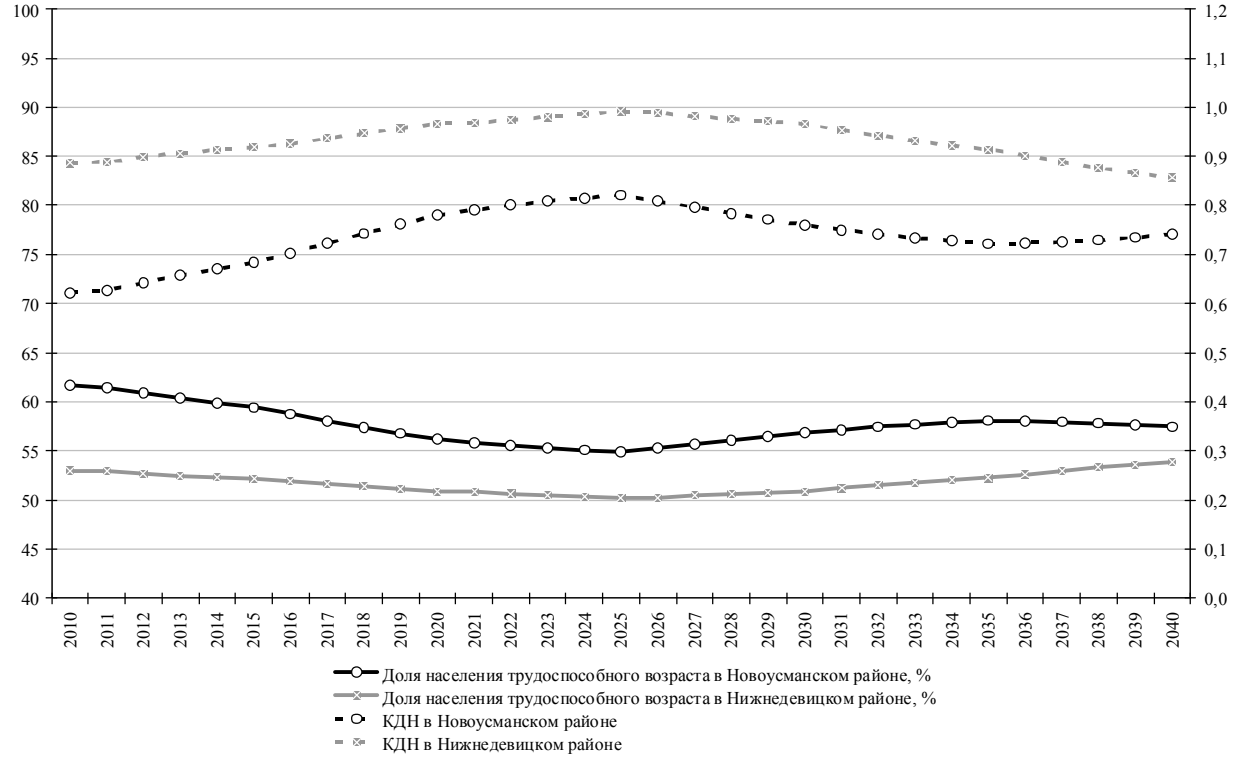

Рис. 25. Прогнозируемая динамика доли населения трудоспособного возраста и коэффициента демографической нагрузки

Демографическая нагрузка на трудоспособное население исследуемых районов достигнет своих пиков в 2020-30-х гг., что обусловлено ростом численности детей и подростков на первой половине горизонта планирования (таблица 16, рисунок 24). К концу рассматриваемого периода дети, рожденные поколением последнего советского «бэби-бума», постепенно перейдут в разряд трудоспособного населения, и коэффициент демографиче-

ской нагрузки снизится, однако в Новоусманском районе он так и не достигнет исходных значений. Следует отметить, что несмотря на существенное ухудшение возрастная структура населения Новоусманского района по-прежнему будет являться более благоприятной ввиду большего удельного веса возрастных групп детей и подростков в составе населения.

Изменения естественного прироста населения изучаемых районов имеют негативную тенденцию (рисунок 26).

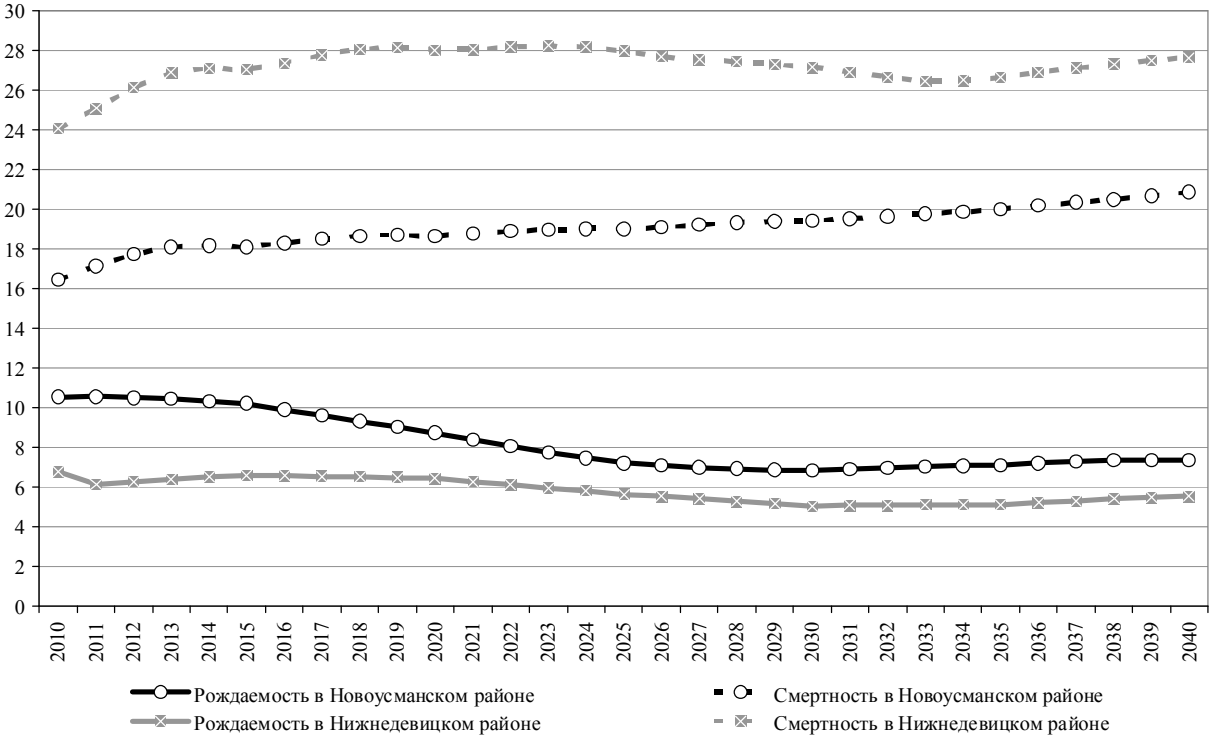

Рис. 26. Прогнозируемая динамика рождаемости и смертности, ‰

В соответствии с прогнозными расчетами уровень рождаемости в Новоусманском районе за 30 лет сократится с 10,53 до 7,32‰ при росте уровня смертности с 16,45 до 20,86‰. В Нижнедевицком районе рождаемость снизится с 6,74 до 5,56‰, а смертность повысится с 24,06 до 27,64‰. Наблюдаемая динамика обусловлена прежде всего ухудшением возрастного состава населения, а также постепенным снижением уровней реального среднедушевого дохода населения и среднедушевого уровня инвестиций в человеческий капитал. Естественную убыль населения в Новоусманском районе позволяет частично компенсировать положительное миграционное сальдо, составляющее 250-450 человек ежегодно, в Нижнедевицком районе миграционное сальдо является отрицательным (150-200 человек в год в начале рассмат-

риваемого периода со снижением до 80-100 человек к его середине), что в значительной мере усугубляет демографическую ситуацию.

Негативные демографические тенденции существенно сказались на количественных и качественных характеристиках трудовых ресурсов изучаемых муниципальных районов. Численность населения трудоспособного возраста в Новоусманском районе за 30 лет сократится на 17,4%, в Нижнедевицком районе – на 53,4% (таблица 17).

Старение трудоспособного населения Новоусманского района будет идти более быстрыми темпами: в 2040 г. средний возраст трудоспособных составит 39,3 против 36,4 года в 2010 г.. В Нижнедевицком районе уровень данного показателя в 2040 г. составит 38,9 против 37,4 года в 2010 г.

Таблица 17. Прогноз трудовых ресурсов Новоусманского и Нижнедевицкого районов, чел.

Год	Новоусманский муниципальный район					Нижнедевицкий муниципальный район				
	Население трудоспособного возраста	Трудовые ресурсы (включая охваченные маятниковой миграцией)	в том числе			Население трудоспособного возраста	Трудовые ресурсы (включая охваченные маятниковой миграцией)	в том числе		
			занятые	не занятые трудовой деятельностью	из них			занятые	не занятые трудовой деятельностью	из них
					безработные					безработные
2010	39751	39503	30786	8717	1872	11328	11543	9194	2348	578
2015	38117	38323	31371	6952	1796	9593	9982	8204	1778	489
2020	35622	37146	31641	5506	1680	8114	8667	7289	1378	414
2025	34072	35846	31147	4700	1608	6991	7491	6360	1131	357
2030	34301	35379	30699	4680	1621	6239	6621	5577	1044	320
2035	34089	34570	30262	4308	1612	5709	5984	4982	1002	295
2040	32833	33514	29969	3545	1556	5283	5470	4555	915	276

Существенно сократится удельный вес «младших групп» трудоспособного населения: например, доля трудоспособного населения младше 40 лет в Новоусманском районе снизится с 55,8 до 50,7%, младше 30 лет – с 35,9 до 29,9%, младше 20 лет – с 8,9 до 7,1%; в Нижнедевицком районе доля трудоспособных младше

40 лет сократится с 52,7 до 45,0%, младше 30 лет – с 31,4 до 26,7%, младше 20 лет – с 8,9 до 6,7% (рисунки 27 и 28).

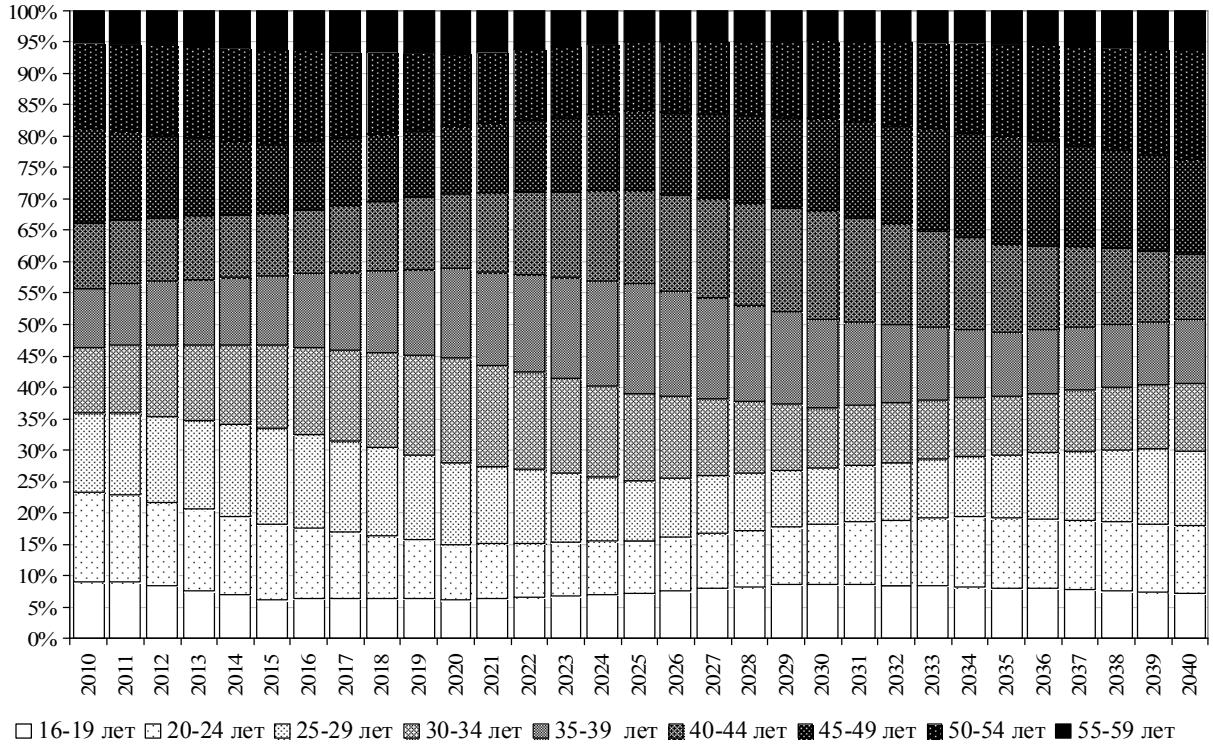

Рис. 27. Прогнозируемая динамика возрастной структуры населения трудоспособного возраста Новоусманского района, %

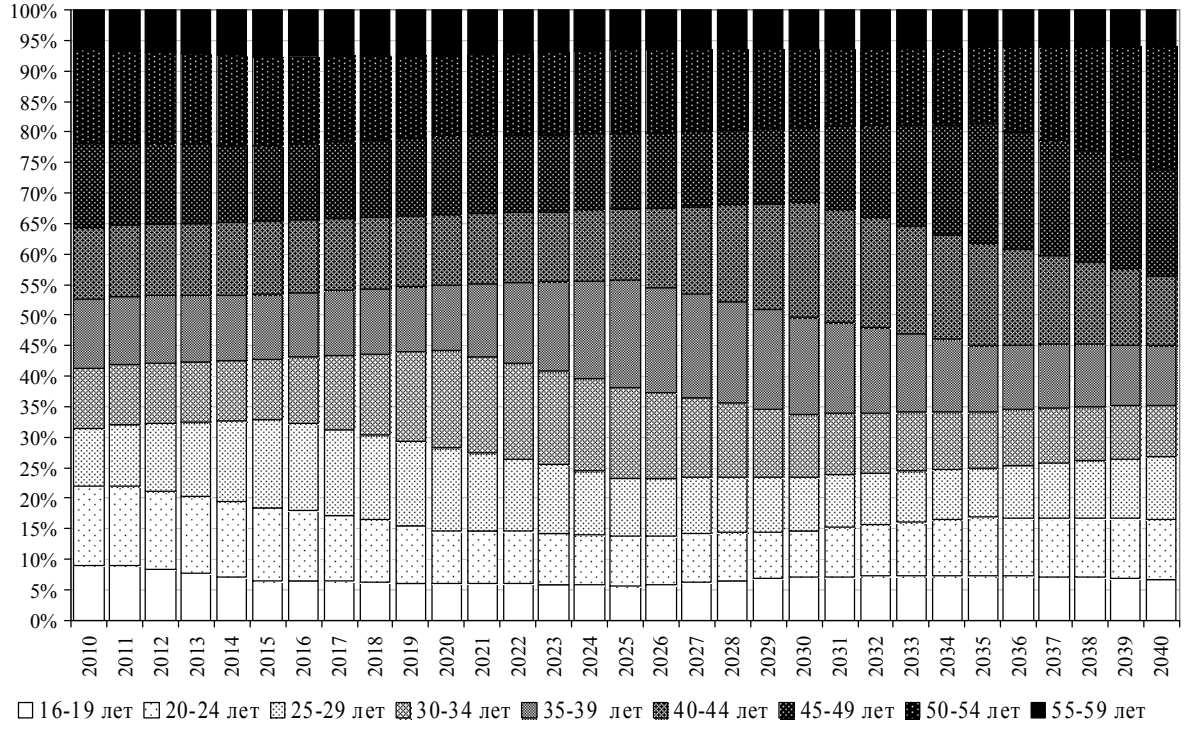

Рис. 28. Прогнозируемая динамика возрастной структуры населения трудоспособного возраста Нижнедевицкого района, %

На графиках возрастной структуры трудоспособного населения изучаемых районов хорошо заметна «волна», отражающая прохождение по возрастным группам поколения «бэби-бума», рожденного в 1980-е гг., а также «волна», начинающаяся в 2020-е гг., которая, в свою очередь, отражает вступление в трудоспособный возраст детей, рожденных поколением «бэби-бума».

Таблица 18. Прогноз отраслевой структуры занятого населения в Новоусманском и Нижнедевицком районах Воронежской области, чел.

Сфера занятости	Годы						
	2010	2015	2020	2025	2030	2035	2040
Новоусманский муниципальный район							
Всего занято, в т.ч.:	30786	31038	30905	29897	28986	28128	27530
Подсобные и домашние хозяйства	3645	3311	2909	2394	1932	1510	1205
Сельскохозяйственные предприятия	3556	3682	3353	2769	2200	1665	1209
Крестьянские (фермерские) хозяйства	445	563	729	682	676	770	644
Обрабатывающие производства	698	769	768	754	713	720	755
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	676	663	685	656	747	650	777
Строительство	1696	1810	1804	1794	1796	1797	1792
Торговля, ремонт	2654	1689	1541	1581	1463	1590	1500
Гостиницы и рестораны	182	201	200	199	199	199	199
Транспорт и связь	817	905	902	897	898	899	896
Финансовая деятельность	309	322	321	319	319	320	319
Государственное управление	1265	1267	1264	1259	1260	1262	1257
Образование	1672	1822	1808	1787	1746	1460	1464
Здравоохранение и социальные услуги	947	936	929	917	912	901	884
Прочие занятые	117	123	120	116	113	110	107
Занятые вне территории района	12108	12975	13572	13773	14013	14276	14523
Нижнедевицкий муниципальный район							
Всего занято, в т.ч.:	9194	8204	7289	6360	5577	4982	4555
Подсобные и домашние хозяйства	1784	1427	1122	851	634	467	354
Сельскохозяйственные предприятия	3118	2229	1440	765	700	648	609
Крестьянские (фермерские) хозяйства	152	253	360	333	263	187	121
Обрабатывающие производства	248	343	335	326	226	139	72
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	190	203	202	221	176	170	167
Строительство	381	423	423	421	411	396	387
Торговля, ремонт	748	719	721	712	650	603	570
Гостиницы и рестораны	38	44	44	44	44	44	44
Транспорт и связь	225	246	246	245	243	238	235
Финансовая деятельность	82	87	87	86	86	86	86
Государственное управление	345	345	344	343	341	336	336
Образование	457	409	403	374	308	293	283
Здравоохранение и социальные услуги	259	242	231	223	218	210	205
Прочие занятые	42	48	47	46	39	35	36
Занятые вне территории района	1127	1186	1285	1369	1237	1131	1051

Несмотря на существенное сокращение численности трудоспособного населения и трудовых ресурсов в обоих районах, численность занятых будет снижаться более низкими темпами.

В Новоусманском районе численность занятого в экономике населения практически не изменится, т.к. сокращение трудовых ресурсов будет скомпенсировано снижением численности лиц, не занятых трудовой деятельностью – безработных, матерей, находящихся в декретном отпуске (т.к. снизится рождаемость), учащихся (т.к. постепенно сокращается численность молодежи); также, ввиду сокращения конкуренции на рынке труда, будет постепенно увеличиваться численность занятых в экономике работающих пенсионеров.

Сделанный на основе разработанных нами моделей прогноз предполагает постепенное изменение структуры занятости в обоих рассматриваемых нами районах (таблица 17,18). Все меньше населения будет занято в личном подсобном и домашнем хозяйстве, произойдет существенное сокращение численности занятых в общественном секторе сельскохозяйственного производства. В Новоусманском районе сельское хозяйство вообще потеряет статус «занятостеобразующей» отрасли – если в 2010 г. сельскохозяйственное производство являлось основным источником доходов 25% занятого населения, то к 2040 г. данная отрасль охватит лишь 11% занятых даже при условии того, что будет возрастать (с 1,4 до 2,3%) численность занятых в крестьянских (фермерских) хозяйствах. Доля занятых практически во всех остальных видах экономической деятельности изменится несущественно, что обусловлено более высоким уровнем оплаты труда, нежели среднерайонный, а также лучшими условиями труда. Несколько сократятся абсолютные показатели численности занятых в ряде отраслей, что обусловлено не только снижением общей численности занятых, но и сокращением населения (влияет на численность занятых в здравоохранении), а также численности детей и подростков (влияет на численность занятых в образовании). Существенно увеличат свою долю в охвате занятого населения виды деятельности, «ориентированные» на потребности областного центра. Процессами внешненаправленной маятниковой трудовой миграции в 2040 г. будут ох-

вачены 52,8% занятых в Новоусманском районе (39,3% в 2010 г.), в строительстве будет задействовано 6,5% занятых (5,5% в 2010 г.).

Занятость населения Нижнедевицкого района к 2040 г. в значительной степени потеряет моноотраслевой характер: в сельскохозяйственном производстве будет задействовано всего 23,8% занятых (против 55% в 2010 г.). Удаленность района от областного центра и основных транспортных артерий области не позволит существенно увеличиться маятниковой миграции, однако сравнительно более высокий доход, характерный для этой формы занятости, «защитит» ее от перетекания трудовых ресурсов в другие виды экономической деятельности. Благодаря ускоренному «вымыванию» трудовых ресурсов из сельского хозяйства практически все прочие виды экономической деятельности сохранят или немного увеличат свой удельный вес в структуре совокупной занятости населения района несмотря на уменьшение численности занятых в них трудовых ресурсов.

Имитируемые в процессе моделирования демографические тенденции и тенденции занятости взаимозависимы с величинами, характеризующими формирование и использование доходов населения. Постепенное «ухудшение» структуры населения приводит к сокращению среднедушевых доходов, сокращение доходов – к сокращению инвестиций в человеческий капитал, что, в свою очередь, негативно влияет на социальные и демографические процессы. На рисунке 29 приведена динамика величины реального (дисконтированного на ежегодные индексы потребительских цен) дохода населения изучаемых нами районов.

Реальный годовой совокупный доход населения Новоусманского района за 30 лет снизится с 9189 до 7275,5 млн. руб. (на 20,8%), а населения Нижнедевицкого района – с 2594,2 до 1175,4 млн. руб. (на 54,7%).

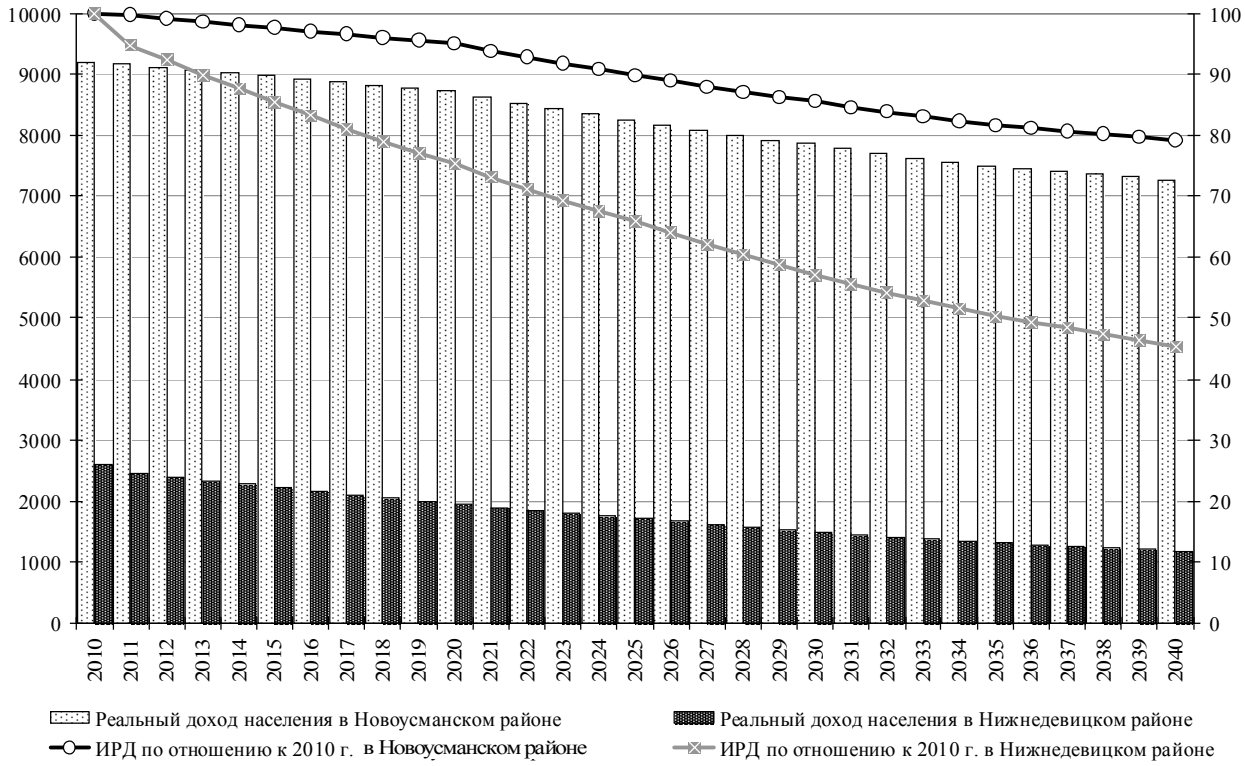

Рис. 29. Прогнозируемая динамика совокупного реального дохода населения (млн. руб.) и индекса реального дохода (%)

Темпы сокращения реального дохода населения Нижнедевицкого района изначально существенно выше, что обусловлено более «старой» структурой населения и трудовых ресурсов, а также более низкими среднедушевыми инвестициями в человеческий капитал (таблицы 19 и 20), однако в начале 2020-х гг. темпы сокращения доходов населения Новоусманского района ускорятся ввиду накопившихся «ухудшений» демографической и социальной ситуации.

Среднедушевой доход в Новоусманском районе изначально выше, что делает данное административно-территориальное образование более привлекательным для миграции, а также позволяет обеспечить более высокий уровень инвестиций в человеческий капитал. Помимо этого, структура населения Новоусманского района в целом моложе, поэтому уровень доли дохода, направляемой на накопление, ниже (населению старше трудоспособного возраста присущ более высокий уровень накопления, т.к. оно заинтересовано в увеличении инвестиций в человеческий капитал лишь косвенно).

Таблица 19. Прогноз структуры использования реального дохода населением Новоусманского и Нижнедевицкого районов, руб. на 1 человека

Год	Новоусманский муниципальный район					Нижнедевицкий муниципальный район				
	Реальный среднедушевой доход	Направления использования				Реальный среднедушевой доход	Направления использования			
		Обеспечение прожиточного минимума	Потребление, не направленное на развитие человеческого капитала	Накопление	Инвестиции в человеческий капитал		Обеспечение прожиточного минимума	Потребление, не направленное на развитие человеческого капитала	Накопление	Инвестиции в человеческий капитал
2010	11876	6269	841	841	3924	10116	6095	683	777	2560
2015	11658	6256	810	819	3773	10052	6083	675	778	2517
2020	11485	6219	790	827	3649	10207	6074	703	806	2624
2025	11087	6201	733	793	3360	10249	6071	710	814	2655
2030	10865	6203	699	772	3191	10079	6073	681	789	2536
2035	10645	6207	666	743	3028	9967	6090	659	759	2459
2040	10607	6194	662	752	2999	9981	6111	658	745	2467

Таблица 20. Прогноз объема инвестиций в человеческий капитал, руб. в мес. на 1 чел.

Год	Новоусманский муниципальный район					Нижнедевицкий муниципальный район				
	Инвестиции в человеческий капитал	Направления использования				Инвестиции в человеческий капитал	Направления использования			
		в улучшение условий проживания	в здравоохранение	в здоровый образ жизни	в образование		в улучшение условий проживания	в здравоохранение	в здоровый образ жизни	в образование
2010	3924	1570	1175	199	980	2560	1229	791	54	486
2015	3773	1509	1166	195	903	2517	1208	807	50	451
2020	3649	1459	1162	174	853	2624	1260	860	51	453
2025	3360	1344	1070	150	797	2655	1274	871	51	458
2030	3191	1276	1037	139	739	2536	1217	837	48	433
2035	3028	1211	995	132	691	2459	1180	801	50	427
2040	2999	1200	1013	125	661	2467	1184	808	56	418

Постепенное старение населения Новоусманского района приведет к тому, что в доходах населения начнет уменьшаться «зарплатная» составляющая. Также негативное воздействие на реальные доходы населения оказывает более высокий темп роста индекса потребительских цен, нежели темп роста зарплат. Уменьшение реального среднедушевого дохода в совокупности с ростом доли накоплений приводит к постепенному уменьшению объемов инвестиций в человеческий капитал. В Нижнедевицком районе наблюдается тенденция иного характера – к середине горизонта планирования уровень среднедушевых инвестиций в человеческий капитал немного повышается (т.к. в районе гораздо ниже доля детей и подростков), но затем постепенно снижается ввиду опережающего роста инфляции и сравнительно низкого уровня значений «драйверов» роста доходов – инвестиций в улучшение жилищных условий, инвестиций в образование, в здравоохранение и инвестиций на ведение здорового образа жизни.

Поскольку инвестиции в человеческий капитал являются источником будущих доходов населения и в значительной степени влияют на демографическую ситуацию и соотношение уровней накопления и потребления, нами была проведена оценка возможных последствий варианта развития, предполагающего отсутствие таких инвестиций. Основные параметры двух вариантов развития (с инвестициями в человеческий капитал – базовый, без инвестиций – нулевой) приведены в таблицах 21 и 22.

Таблица 21. Параметры, характеризующие возможные последствия реализации вариантов развития человеческого потенциала Новоусманского района

Год	Численность населения, чел.		Рождаемость, ‰		Численность населения в трудоспособном возрасте, чел.		Реальный совокупный доход населения, млн. руб.	
	базовый	нулевой	базовый	нулевой	базовый	нулевой	базовый	нулевой
2010	64 481	64 481	10,5	10,5	39 751	39 751	9 189,0	9 189,0
2015	64 158	62 471	10,2	7,0	38 117	37 542	8 975,3	7 401,7
2020	63 399	60 124	8,7	6,2	35 622	34 625	8 737,4	7 145,2
2025	62 046	57 725	7,2	5,4	34 072	32 897	8 254,6	6 752,5
2030	60 351	55 378	6,8	5,2	34 301	32 451	7 868,2	6 418,9
2035	58 697	53 182	7,1	5,1	34 089	31 328	7 497,8	6 073,9
2040	57 162	51 056	7,3	5,0	32 833	29 431	7 275,5	5 770,9
2040 к 2010	0,89	0,79	0,70	0,47	0,83	0,74	0,79	0,63

Таблица 22. Параметры, характеризующие возможные последствия реализации вариантов развития человеческого потенциала Нижнедевицкого района

Год	Численность населения, чел.		Рождаемость, ‰		Численность населения в трудоспособном возрасте, чел.		Реальный совокупный доход населения, млн. руб.	
	базовый	нулевой	базовый	нулевой	базовый	нулевой	базовый	нулевой
2010	21 371	21 371	6,7	6,7	11 328	11 328	2 594,2	2 687,9
2015	18 402	18 241	6,6	4,9	9 593	9 567	2 219,7	2 023,3
2020	15 951	15 616	6,4	4,8	8 114	8 070	1 953,7	1 755,4
2025	13 920	13 451	5,6	4,2	6 991	6 939	1 712,1	1 520,3
2030	12 262	11 697	5,0	3,8	6 239	6 093	1 483,1	1 314,0
2035	10 928	10 282	5,1	3,6	5 709	5 418	1 307,0	1 143,9
2040	9 814	9 078	5,5	3,6	5 283	4 872	1 175,4	1 002,4
2040 к 2010	0,46	0,42	0,82	0,54	0,47	0,43	0,45	0,37

Более выгодные стартовые условия Новоусманского района и специфика занятости его населения обеспечат более низкие темпы сокращения численности сельского населения по сравнению с Нижнедевицким районом. Если к 2040 г. без инвестиций в человеческий капитал рождаемость в Новоусманском районе может снизиться до 5,0‰, то в Нижнедевицком районе этот показатель может опуститься до уровня 3,6‰. Без инвестиций в человеческий капитал численность трудоспособного населения в Нижнедевицком районе к 2040 г. по сравнению с 2010 г. снизится более чем в 2,3 раза, а реальные доходы населения - в 2,7 раза.

При моделируемом сценарии развития человеческого потенциала исследуемых муниципальных районов все инвестиции в человеческий капитал планируются за счет доходов самого населения. Очевидно, что при активном участии государственных органов власти, муниципальных образований, администраций сельских поселений и хозяйствующих субъектов, ведущих деятельность на сельских территориях, объем инвестиций в человеческий капитал может быть существенно увеличен. Так, за счет средств федерального и местных бюджетов государство в рамках целевых программ может финансировать или софинансировать строительство жилья на селе, развитие коммунальной и транспортной инфраструктуры, сети медицинских и образовательных учреждений и т.д. Работодатели могут инвестировать средства в подготовку, переподготовку и повышение квалификации своих

работников, частично или полностью оплачивать их лечение и медицинское обслуживание.

Инвестиции в человеческий капитал - это один из важнейших источников обеспечения устойчивого развития сельских территорий, и лишь при консолидации усилий всех заинтересованных в этом сторон, от уровня отдельного сельского жителя до уровня государства, можно не только остановить процессы деградации сельских территорий, но и обеспечить их развитие на качественно новом уровне.

3.3. Мероприятия по повышению эффективности использования человеческого капитала сельских территорий

Важной проблемой развития сельских территорий является отсутствие целостного представления будущей модели села. Волей природы и экономики село навечно связано с сельским хозяйством. Но эта связь постепенно ослабевает. Конечно, большинство сел имеют однозначную аграрную ориентацию, но уже немало из них имеют совсем другую природу занятости и ориентации: пригородные села тяготеют к городам, в зонах отдыха к рекреации и т.д.

Жестко, но справедливо оценивает качество имеющихся государственных и региональных программ развития сельских территорий О.С. Анисимов [5], считающий, что в большинстве своем они довольно далеки от реальных проблемных ситуаций, не отражают подлинное положение села, остаются на позициях интереса «города» и позициях «рыночного взгляда» на необходимость развития сельских территорий. Это предопределяет безумие преобразовательного отношения ко всему, в том числе к селу, по критериям финансовой эффективности. Тем самым село заранее предопределено к самоорганизующемуся финалу, и все внутренние источники воспроизводства и совершенствования села не только не подвергаются сущностному раскрытию, изучению и учету, а вытесняются как незначимые, второстепенные, «вынужденные к учету» факторы. Потребительское отношение касается не дееспособного, а умирающего села с фрагментами уродливых форм «процветания». Стратегия развития села чаще всего декоративно ритуальна, вне критериев стратегического анализа и проектирования, вне прочности стратегического типа. Сам подход к проблемным сюжетам, к

анализу динамики объекта (села), к прогнозу, к выбору возможного состояния макросистемы и т.п. принципиально «структурен», а не «системен». Структурный подход обрекает управление на ситуационное реагирование, что и осуществляется разобщенной группой управленческих институтов, тогда как управление возможно лишь в рамках системного подхода. А стратегическое управление возможно лишь при наличии «метасистемного» подхода, включающего оперирование идеальными объектами высшего уровня абстрактности, философско-методологическое обеспечение хода мысли, применение арбитражных мыслительных (языков, логических) средств и методов. Стратегическое мышление, без чего нельзя говорить о перспективе отрасли и сферы бытия, не существует, сводя все усилия к ситуационному реагированию, достратегическим формам анализа и решениям.

З.И. Калугина и О.П. Фадеева [43] отмечают, что среднесрочные тренды развития деревни во многом уже предопределены проводимой аграрной политикой, попыткой правительства поправить положение дел с помощью реализации национальных проектов. Однако бессистемность, некомплексность принимаемых мер и отсутствие стройной концепции развития отечественного АПК не внушают особого оптимизма, хотя само включение развития АПК в качестве приоритетного направления развития России – факт знаменательный. Кардинальное изменение положения дел в аграрном секторе страны потребует неординарных и нетрадиционных подходов к сельскому развитию.

Стратегическая цель сельского развития в рамках новой парадигмы должна заключаться в обеспечении качественного прорыва в повышении уровня и качества жизни сельского населения и устойчивого развития сельских территорий на основе полифункциональности аграрного сектора, многопрофильности сельской экономики, многоукладности аграрного производства, сохранения неурбанистического образа жизни населения.

Осознав губительность практически бесконтрольного рыночного преобразования аграрной сферы общества с позиций только финансовой эффективности, государство начало пытаться остановить процессы деградации села. Свидетельством этому являются Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2012 года» (2002 г.), Приоритетный Национальный про-

ект «Развитие АПК» (2005 г.), Федеральный закон РФ «О развитии сельского хозяйства» (2006 г.), Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы (2007 г.), Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (2010 г.). Но, к сожалению, эти программные документы не охватывают весь комплекс глубинных проблем, связанных с выводом аграрной сферы на траекторию устойчивого развития. Определенная фрагментарность в оценке возможностей развития сельских территорий и преобладание структурного подхода над системным обусловлены, в первую очередь, отсутствием комплексной стратегии их развития, обеспечивающей оптимальное формирование и использование человеческого капитала.

Неоптимальными представляются и существующие схемы государственного финансирования сельского хозяйства. Так, Н. Барышников [11] отмечает, что анализ направлений государственного финансирования сельского хозяйства показывает, что подавляющая часть бюджетных средств идет на создание и развитие в аграрной сфере той части рыночной инфраструктуры, которая связана с финансовыми институтами. Формирование и развитие указанных механизмов государственного финансирования происходит в условиях убыточности большинства сельскохозяйственных предприятий и их закредитованности. Поэтому сложившимися инструментами государственной поддержки (субсидирование процентной ставки, лизинг) могут пользоваться только прибыльные хозяйства. Они отличаются более высокими уровнем затрат и выходом продукции на единицу площади посевов, эффективностью производства и лучшими по плодородию землями сельскохозяйственного назначения. На эти хозяйства приходится основная часть средств бюджетной поддержки, а убыточные хозяйства их практически лишены. А это, в конечном счете, приводит к падению доходов населения на значительной части сельских территорий и падению воспроизводственного потенциала человеческого капитала.

Определенные надежды в обеспечении предотвращения деградации сельских территорий были связаны с развитием местного самоуправления, но и они, в большинстве случаев, не обеспечили

существенного экономического и социального эффекта. Критически оценивая последствия прошедшей муниципальной реформы, проводимой в рамках реализации закона о местном самоуправлении, И.В. Стародубровская и Н.И. Миронова [121] пришли к выводу о том, что введение унифицированной категории «поселение» на всей территории страны лишь формально (географически) уравняло все территории между собой. На самом деле ситуация складывалась абсолютно по-разному на растущих территориях (где развитие ассоциируется с ростом численности населения, объемов производства продукции и предоставления услуг) и сжимающихся (депрессивных территориях, где происходят свертывание экономической деятельности, отток активной части населения, сжатие коммунальной и социальной инфраструктур и т.д.).

На растущих территориях, в первую очередь расположенных вокруг крупных городов, появление поселенческого уровня местного самоуправления в ряде случаев действительно дало положительный эффект: в большей мере стали учитываться местные потребности и приоритеты, складывались отношения партнерства между местной властью и бизнесом, активизировалась роль местного сообщества (хотя масштабы позитивных сдвигов во многом зависели от субъективного фактора - людей, пришедших к власти в органах местного самоуправления).

На сжимающихся территориях последствия во многих случаях были в большей мере негативными, если не сказать катастрофическими: отток населения привел к уменьшению числа населенных пунктов, сокращению их численности, произошло ухудшение транспортной доступности и т.п. В результате поселения могли формироваться либо с малой численностью населения, что усиливало экономические потери от недостатка масштаба, либо на основе объединения территориально разбросанных населенных пунктов, что увеличивало транспортные расходы и усложняло управление. Кроме того, свертывание экономической деятельности привело к уменьшению доходов бюджета, а деградация человеческого капитала – к серьезным трудностям в обеспечении приемлемого уровня муниципального управления и привлечении профессиональных кадров необходимой квалификации. При этом остродефицитные бюджетные ресурсы отвлекаются на финанси-

рование аппарата управления, по сути не способного решать стоящие перед ним управленческие задачи.

С точки зрения И.В. Стародубровской и Н.И. Мироновой , муниципальная реформа оказала негативное влияние на систему финансирования муниципальных образований, поскольку не удалось значимо повысить роль местных налогов в их финансировании. Механизм финансирования оказался сформирован так, что усилия, предпринимаемые для обеспечения экономического развития, оказывают лишь косвенное влияние на размер доходной части бюджетов муниципальных образований. В сельской местности во многих случаях важна поддержка не столько масштабных проектов, представляющих интерес для регионального уровня, сколько местных, локальных инициатив, способных дать эффект на уровне отдельного поселения, но сложившаяся схема распределения доходов между уровнями власти не создает для этого достаточные стимулы.

Возникшая система перераспределения финансовых ресурсов предполагает, что для дотационных муниципальных образований практически все налоговые и неналоговые доходы, полученные в результате усилий по экономическому развитию территории, в следующем бюджетном цикле перераспределяются в рамках выравнивающих механизмов. А такая практика не обеспечивает реализации принципов экономической справедливости и целесообразности. С одной стороны, механизм финансирования муниципальных образований универсален для всех территорий, что является положительным в финансовом обеспечении основ местного самоуправления, обеспечивая равный подход ко всем муниципальным образованиям. Но, с другой стороны, при этом не учитываются объективные различия между растущими, сжимающимися и деградирующими территориями. Так и не удалось повысить самостоятельность органов местного самоуправления сельских территорий в социальной сфере. Инвестиционные проекты, связанные со строительством либо реконструкцией объектов социальной инфраструктуры, по-прежнему в основном принимаются на региональном уровне. Процесс трансформации социальной инфраструктуры поселений также регулируется «сверху», главным образом с целью механической экономии бюджетных средств, зачастую без учета интересов сельского населения,

что в условиях глубокой дотационности сельских территорий и вызывает углубление противоречий между местными сообществами и региональными властями, рост социальной напряженности в связи с потерей доступности населения к базовым социальным услугам.

Для обеспечения комплексного подхода решения проблем сельского развития государство должно выработать долгосрочную политику развития сельских территорий, основными компонентами которой должны стать политика повышения занятости сельского населения, политика социального развития сельских населенных пунктов и политика кадрового обеспечения сельских территорий. Основные направления реализации политики развития сельских территорий представлены на рисунке 30.

Очевидно, что формирование человеческого капитала является процессом, определяющимся динамикой и структурой инвестиций в развитие человека.

В этой связи у всех инвесторов возникает объективное желание вложить в человека минимально необходимый объем средств, который должен обеспечить в дальнейшем его использование в качестве рабочей силы и источника ее воспроизводства. Поскольку бизнес-структуры готовы предоставить работу только незначительной части сельского населения, то возникает объективная необходимость существенного усиления государственного влияния на процессы развития сельских территорий.

В этой связи государство должно четко определиться с численностью населения конкретных сельских территорий, которое соответствует целям его развития. Если политика государства направлена на быстрое сокращение сельского населения, то это сокращение должно происходить в рамках обоснованной миграционной и социальной политики, а не через деградацию и вымирание сельского населения. Если же для определенных сельских территорий приоритетным является стабилизация численности населения, то государство должно осознать, что обеспечение существующих жизненных стандартов на селе будет обходиться существенно дороже, чем в городе, и гарантировать государственное участие в финансировании развития социальной инфраструктуры сельских населенных пунктов.

Рис. 30. Основные направления реализации государственной политики развития сельских территорий

При этом приоритетными объектами социальной инфраструктуры с позиций государственного софинансирования должны считаться объекты медицинского обслуживания, дошкольного воспитания и среднего образования, почтовой и электронной связи, объекты, связанные с проведением досуга. Также государству необходимо взять на себя значительную часть затрат, связанных с газификацией сельских населенных пунктов, организацией централизованного водоснабжения, развитием системы устойчивого транспортного сообщения, обеспечением сельского населения продуктами питания и товарами повседневного спроса, обеспечением общественной безопасности и снижением уровня криминализации села.

Помимо развития социальной инфраструктуры важнейшим направлением государственного воздействия на формирование человеческого капитала является повышение уровня занятости сельского населения, повышение мотивации к труду и обеспечение минимального жизненного уровня селян.

С точки зрения повышения уровня занятости сельского населения государство должно обеспечить рост инвестиционный привлекательности аграрного бизнеса через использование системы льгот и преференций, стимулирующих создание новых рабочих мест и рост доходов населения, задействованного в сельскохозяйственном производстве. Заявления о необходимости создания новых рабочих мест в аграрном секторе в рамках повышения социальной ответственности бизнеса носят декларативный характер. Наоборот, развитие крупнотоварного производства, ориентированного на применение современных агротехнологий, использование высокопроизводительной техники и автоматизацию рабочих процессов, не предполагает использование большого количества рабочей силы и ведет к росту сельской безработицы, поскольку адаптированный к рынку крупный агрохолдинг - это уже не бывший колхоз или совхоз, выполняющий многофункциональную роль на селе и интегрирующий в единое целое социально-экономическую жизнь его жителей, а фирма классического типа с рациональным рыночным поведением. Социальная нагрузка на бизнес и развитие социального партнерства – это рациональный вектор решения многих проблем села, но создание излишних, с точки зрения бизнеса, рабочих мест – путь в тупик.

В условиях ограниченного числа рабочих мест в аграрных формированиях, использующих современные ресурсосберегающие технологии, должна быть сформирована система государственной поддержки малого бизнеса на сельских территориях (как аграрного, так и неаграрного) в рамках диверсификации сельской экономики и самозанятости населения в домашних хозяйствах. В качестве одной из мер поддержки развития малого бизнеса может рассматриваться его полное освобождение от уплаты федеральных и региональных налогов и взносов во внебюджетные фонды. С другой стороны, государство должно существенно повлиять на повышение социальной ответственности крупного агробизнеса, осуществляющего предпринимательскую деятельность на сельских территориях, в рамках развития трехстороннего социального партнерства.

Одним из самых эффективных источников развития сельских территорий и повышения занятости сельского населения является диверсификация сельской экономики. Опыт развитых стран показывает, что в настоящее время доля фермеров, имеющих в своих хозяйствах несельскохозяйственные структуры, неуклонно растет. Например, в Англии доля таких хозяйств приближается к 50%. В США большинство мелких ферм принадлежит сельским жителям, основным источником доходов которых является внефермерская деятельность. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г., в России осуществляли сельскохозяйственную деятельность только 69% сельскохозяйственных предприятий, около 50% крестьянских (фермерских) хозяйств и 67% индивидуальных предпринимателей. Основными направлениями диверсификации сельской экономики в условиях современной России являются развитие перерабатывающих и промышленных производств, строительства, оказание различного рода услуг (транспортные услуги, услуги по ремонту бытовой техники, уход за престарелыми, услуги по обслуживанию объектов жилищно-коммунального хозяйства и т.д.), расширение сети оптовой и розничной торговли, развитие сельского туризма и др.

В целях стимулирования процесса диверсификации сельской экономики, по мнению Д. Торопова [128], целесообразно осуществление мер государственной поддержки по следующим направлениям:

– предоставление субсидируемых кредитов на развитие несельскохозяйственных видов бизнеса как для сельскохозяйственных товаропроизводителей, так и для всех заинтересованных субъектов среднего и малого предпринимательства на селе;

– создание гарантийных фондов для финансового обеспечения возвратности кредитных ресурсов, полученных хозяйствующими субъектами на развитие альтернативных видов деятельности;

– развитие рыночной инфраструктуры, обеспечивающей продвижение на рынок продукции сельских предпринимателей под местными торговыми марками;

– расширение сети информационно-консультационных служб для предоставления правовых, экономических и технологических консультаций субъектам сельского предпринимательства.

Одним из главных условий повышения мотивации к труду является повышение его доходности. Резкое сокращение спроса на низкоквалифицированный труд на селе, казалось бы, создало предпосылки роста среднего уровня его оплаты, но низкая эффективность самого аграрного бизнеса ограничила темпы этого роста. Возникает ситуация, при которой рост средней заработной платы практически не влияет на рост фонда оплаты труда, тогда как рост безработицы непосредственно обуславливает падение объемов инвестиций в формирование человеческого капитала. В условиях, когда происходит углубление противоречий между качеством имеющихся на селе трудовых ресурсов и потребностью современного агробизнеса в квалифицированном труде, государство должно взять на себя затраты по развитию системы профессионального сельскохозяйственного образования – от сельских общеобразовательных школ и учреждений начального профессионального образования до высшей школы и структур, обеспечивающих повышение квалификации и переподготовку кадров. Ключевым звеном этой системы должно стать ресурсное обеспечение образовательных учреждений, позволяющее обучаемым осваивать новейшие виды сельскохозяйственной техники и перспективные аграрные технологии, получать базовые знания и практические навыки, связанные с ведением малого агробизнеса.

Но подготовка квалифицированных кадров по востребованным специальностям – это лишь одна сторона проблемы кадрово-

го обеспечения сельских территорий, гораздо более сложной проблемой представляется решение задачи закрепления кадров на селе, решить которую можно лишь при условии реализации целого комплекса мер, связанных с материальной и моральной поддержкой молодых специалистов, с возможностью обеспечения населения доступным и комфортным жильем, с повышением доходности и престижности труда в сельской местности, с обеспечением доступа ко всему спектру социальных услуг, а также с выраженной патернационалистской политикой государства в отношении сельского населения.

Идеологи российских реформ принципиально отвергли государственный патернализм как одну из сторон социального порядка, считая, что политика всеобщего государственного патернализма в современных условиях экономически невозможна и политически нецелесообразна. Мы разделяем позицию С.Г. Кара-Мурзы [51], считающего, что, строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество – государство и возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без отеческой заботы государства. Государственный патернализм – это и есть основание социального государства, каковым называет себя Российская Федерация.

Особенно важен государственный патернализм в отношении традиционно отсталых сельских территорий. В условиях крайне низкой эффективности сельскохозяйственного производства по сравнению с другими сферами предпринимательской деятельности и слабой веры в перспективы существенного роста благосостояния сельского населения низкий приток квалифицированных кадров на село сдерживается страхом потери работы в случае банкротства предприятий-работодателей, а следовательно, и нежеланием инвестировать собственные средства в строительство нового жилья или повышение комфортности проживания. Государство должно реально продемонстрировать, что сельское насе-

ление является объектом его особой «отеческой» заботы, предусмотрев формирование специального фонда социальных гарантий сельским труженикам в случае массового сокращения рабочих мест.

Реализация указанных направлений государственной политики развития сельских территорий позволит создать объективные предпосылки роста доходов сельского населения и формирования благоприятной среды его проживания, что в значительной мере окажет влияние на процессы инвестирования средств в формирование человеческого капитала на уровне отдельных домохозяйств (семей) и индивидуумов.

Список литературы

1. Акишина М.Л. Экономическое поведение сельского населения в условиях сокращения занятости / М.Л. Акишина, А.А. Фанненштиль, Н.И. Глотова, В.А. Бородин, В.А. Климова. - Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. – 136 с.
2. Аксенова Е.А. Безработица среди сельской молодежи на рынке труда в условиях модернизации аграрной экономики / Е.А. Аксенова, М.А. Бочаров // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. - 2009. - № 3. - С. 32-33.
3. Андреев Ю.Н. Человеческий капитал в инновационной экономике. / Ю.Н. Андреев. – Режим доступа: [URL: http: www.miiris.ru/library/doc/andreev.doc].
4. Андрущак Е.Н. Научно-практическая инновационная модель социального партнёрства власти, бизнеса и общества по развитию человеческого капитала территорий Российской Федерации / Е.Н. Андрущак, И.К. Степанищев. – Одинцово: НИИКМИ ООН РАН, 2008. – 85 с.
5. Анисимов О.С. Устойчивое развитие сельских территорий / О.С. Анисимов. – Центр АКМЭ. - Режим доступа: [URL: http:// acmegroup.ru/node/498].
6. Арутюнян Ф.Г. Показатели оценки производительности труда в сельском хозяйстве / Ф.Г. Арутюнян // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. - 2007. - №10. - С. 23-28.
7. База статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ. – Режим доступа: [http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/database/cbsd/].
8. Бакалавр экономики: Хрестоматия в 3 томах. Т. 2. / Под общ. ред. В.И. Видяпина. – М.: Информационно-издательская фирма "Триада", 1999. - 1056 с.
9. Балханов А. Рынок труда сельских территорий / А. Балханов // АПК: экономика, управление. - 2010. - №9. - С. 60-63.
10. Барлыбаев А.А. Развитие сельских территорий в постсоветский период: институциональный аспект / А.А. Барлыбаев, Ф.Ф. Айдарбаков, И.М. Рахматуллин // Проблемы прогнозирования. – 2010. - №5. – С. 99-111. - Режим доступа: [URL: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2009/5/08].
11. Барышников Н. О дифференцированном подходе к государственной поддержке / Н. Барышников // Экономический портал. – Режим доступа: [URL: http: // institutiones.com / agroindustrial / 226-2008-06-17-11-54-39. html].
12. Беседина В.Н. Производительность труда и эффективность использования трудовых ресурсов в сельскохозяйственных предприятиях / В.Н. Беседина // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2002. - №6. - С.49-52.

13. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. – 4-е изд. / М. Блауг – М.: «Дело Лтд», 1994. – 720 с.

14. Богдановский В. Проблемы занятости в сельскохозяйственных организациях / В. Богдановский // АПК: экономика, управление. – 2010. - №1. - С. 27-34.

15. Богдановский В. Труд и занятость в сельском хозяйстве // В. Богдановский // Вопросы экономики. - 2005. - № 6. - С. 72-83.

16. Бондаренко И.А. Домохозяйственная система в структуре экономических порядков / И.А. Бондаренко // Проблемы современной экономики. - № 4 (28). – 2008. - Режим доступа: [URL: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2231].

17. Бондаренко Л. Проблемы развития сельских территорий / Л. Бондаренко // АПК: экономика, управление. - 2009. - №12. - С. 25-31.

18. Бочкаева И.В. Взаимодействие социального и человеческого капитала организации / И.В. Бочкаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 6 (221). Экономика. – Вып. 31. – С. 142–147.

19. Буздалов И. Крупные и мелкие хозяйства агробизнеса: преимущества и устойчивость развития / И. Буздалов // АПК: экономика, управление. - 2006. - № 11. - С. 2-8.

20. Бурдюк Н. Социально-экономические факторы устойчивого функционирования сельского хозяйства / Н. Бурдюк // АПК: экономика, управление. - 2003.- №6. - С.70-77.

21. Бурикова И.С. Формирование человеческого капитала как основа деятельности власти в эпоху глобализации / И.С. Бурикова. – М.: Центр социальных проектов «Белый дом». – Режим доступа: [URL: http:// www.cspdom.ru/public-analit/ppsychology/forming-hr-main-aim-of-power].

22. Бурякова И.А. Рынок труда: проблемы занятости сельского населения на местном уровне / И.А. Бурякова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2007. - №4. - С. 56-58.

23. Васильев И.В. Классификация человеческого капитала и инвестиций в него / И.В. Васильев. – Калининград: БИЭФ, 2010. – Режим доступа: [URL: http: // bief.ru/wp-content/ uploads/ 2010/09/ 42.pdf].

24. Веретенникова Н.В. Эволюция российского образования и формирование человеческого капитала в АПК / Н.В. Веретенникова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. - №309. - Режим доступа: [URL: http: // sun.tsu.ru/ mminfo/ 000063105/ 309/ image/ 309-131.pdf].

25. Власова Е.А. Анализ показателей движения трудовых ресурсов в российской экономике / Е.А. Власова // Вопросы статистики. - 2010. - № 5. - С. 44-50 .

26. Воспроизводство в аграрной экономике: вопросы теории, государственного регулирования и эффективности производства: под ред. И.Г. Ушачева, Н.А. Борхунова. - М. : ВНИИЭСХ, 2009. - 320 с.

27. Гильтман М.А. К вопросу о методологии теории человеческого капитала / М.А. Гильтман // Проблемы современной экономики. - № 2 (30). – 2009. - Режим доступа: [URL: http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2607].

28. Гимпельсон В. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. - 2006. - №1. - С. 122-143.

29. Горин А. Рынок труда агропромышленного комплекса и лесного хозяйства / А. Горин // Нормирование и оплата труда в сельском хозяйстве. - 2010. - №1. - С. 49-53 .

30. Градировский С. Человеческое развитие - вызов России / С. Градировский // Человеческий капитал России и стран Центральной Азии: состояние и прогнозы. – М.: Мыслящая Россия, 2009. – С. 15-46.

31. Гриценко Г. Стратегия развития сельских территорий на основе диверсификации сельхозпроизводства / Г. Гриценко // АПК: экономика, управление. - 2006. - №4. - С. 21-24.

32. Добрынин А.И. Производительные силы человека: структура и формы проявления / А.И.Добрынин, С.А. Дятлов, В.А. Коннов и С.А. Курганский. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1993.– С.4.

33. Добрынин А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренова. – М.: Наука, 1999. – 312 с.

34. Долгушкин Н.К. Социальное развитие села как условие реализации человеческого потенциала / Н.К. Долгушкин // Уровень жизни населения регионов России. - 2007. - №2. - С.11-21.

35. Дорофеев А. Рынок труда и воспроизводства рабочей силы в сельской местности / А. Дорофеев // АПК: экономика, управление. – 2010. - №1. - С. 74-78.

36. Дугин П. Социально-экономические закономерности воспроизводственных процессов в сельском хозяйстве / П. Дугин // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2007. - №4. - С. 3-12.

37. Дятлов С.А. Основы теории человеческого капитала / С.А. Дятлов. - СПб.: СПбУЭФ, 1994. – 234 с.

38. Ефимов В.А. Потребности общества и проблемы воспроизводства трудового потенциала АПК и сельских территорий / В.А. Ефимов, И.В. Солонько // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2008. - №9. - С. 63-66.

39. Желясков А.Л. Оценка социально-экономического потенциала сельских территорий при формировании системы поселений / А.Л. Желясков // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2007. - №6. - С. 50-51.

40. Иванова Н.А. Формирование домохозяйства рыночного типа в трансформационной экономике / Н.А. Иванова // Вестник ОГУ. – 2010. - №8 (114). – С. 25-29.

41. Ионова Ю.Г. Анализ проблем и перспектив рынка труда в России / Ю.Г. Ионова // Экономический анализ: теория и практика. - 2011. - №13. - С. 30-35.

42. Итоговый документ Всероссийского форума сельских поселений 29-30 января 2010г. - Орел. - Режим доступа: [URL: http://www. vsmsinfo.ru/ selskyforum.html].

43. Калугина З.И. Новая парадигма сельского развития / З.И. Калугина, О.П. Фадеева. - Мир России. - 2009. - №2. - С. 34-49.

44. Калугина З.И. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки / З.И. Калугина, О.П. Фадеева. - Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009. - 339 с.

45. Камянчук А.В. Сельское сообщество XXI века: Устойчивость развития / А.В. Камянчук, В.Н. Басков. – Ирбит: Издательский дом «Печатный вал», 2008. – 71 с.

46. Кантор Е. Л. Экономика предприятия: учебное пособие / Е.Л. Кантор, Г.А. Маховикова, В.Е. Кантор.- М. ; СПб.: Питер, 2009. - 219 с.

47. Капелюшников Р. Российская модель рынка труда: ценовое измерение / Р. Капелюшников // Нормирование и оплата труда в сельском хозяйстве. - 2008. - №7. - С. 20-33.

48. Капелюшников Р. Российская модель рынка труда: что впереди? / Р. Капелюшников // Вопросы экономики. - 2003. - №4.

49. Капелюшников Р.И. Теория человеческого капитала. - Режим доступа: [URL: http://libertarium.ru/10624].

50. Капелюшников Р.И. Трансформация человеческого капитала в Российском обществе / Р.И. Капелюшников, А. Л.Лукьянова. – М.: ЦеТИ ГУ ВШЭ, 2009. – 189 с.

51. Кара-Мурза С.Г. Государственный патернационализм - цивилизационное измерение // С.Г. Кара-Мурза // Научный эксперт (научный электронный журнал). – 2009. -№12. - Режим доступа: [URL: http:// rusrand.ru/pub/exprert/].

52. Кеникстул В. Управление малым и средним агробизнесом / В. Кеникстул // АПК: экономика, управление. - 2007. - №2. - С. 11-14.

53. Кирьянов А.В. Виды инвестиций в человеческий капитал и их эффективность / А.В. Кирьянов // Корпоративный менеджмент. – Режим доступа: [URL: http:// www.cfin.ru/ bandurin/ article/ sbrn07/08.shtml].

54. Киселев С. Отношение собственности в аграрном секторе: прошлое, настоящее и будущее / С. Киселев // Экономист. - 1996. - №6.

55. Климов С.М. Ваш человеческий и социальный капитал / С. М. Климов // ЦДО Элитариум. - Режим доступа: [URL: http: // www. elitarium. ru/ 2006/ 05/ 11/ vash_ chelovecheskijj_ i_socialnyjj_ kapital.html].

56. Козина А.М. Рынок рабочей силы на селе / А.М. Козина // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2008.- №7. - С. 81-82.

57. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р). - КонсультантПлюс. - Режим доступа: [URL: http:// www.consultant.ru/ law/ hotdocs/ 11437.html].

58. Корицкий А.В. Введение в теорию человеческого капитала: учебное пособие / А.В. Корицкий – Новосибирск: СибУПК, 2000. – 112 с.

59. Корицкий А.В. Человеческий капитал как фактор экономического развития регионов России / А.В. Корицкий. - Новосибирск: СУПК, 2010. - 368 с.

60. Корнюшин В.И. Управление трудовыми ресурсами / В.И. Корнюшин. – М.: Центр ДОТ МИЭМП, 2010. - Режим доступа: [URL: http://www.e-college.ru/xbooks/ xbook136/ book/ index/ index.html?go=part-004*page.htm].

61. Короткова Е.А. Сущность системы социального партнерства в РФ / Е.А. Короткова. – Воронеж: ЦИРЭ. – Режим доступа: [URL: http://www.lerc.ru/?part=bulletin&art= 6&page=34].

62. Коротнев В.Д. Проблемы сельского рынка труда / В.Д. Коротнев // Достижения науки и техники АПК. - 2007. - №1. - С. 38-40.

63. Корчагин Ю. Экономика Воронежской области и ЦЧР в 2009-2010 годах / Ю. Корчагин. - Воронеж: ЦИРЭ. – Режим доступа: [URL: http://www.lerc.ru/?part=articles&art= 2&page=62].

64. Кошелев Б. Производительность аграрного труда и рынок / Б. Кошелев, Ю. Мирошников // АПК: экономика, управление. - 2010. - № 8. - С. 27-34.

65. Критский М.М. Человеческий капитал / М.М. Критский – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. – 178 с.

66. Крощенко М.М. Теоретико-методологические основы исследования трудового потенциала / М.М. Крощенко, М.А. Шестаков. - Режим доступа: [URL: .http:// niitruda.ru/ analytics/ materials/ 6v.doc].

67. Куликов О. Деревенских жителей впору заносить в Красную книгу / О. Куликов // Особая буква. - Режим доступа: [URL: http://www. specletter.com/ obcshestvo/ 2011-03-01/ print/ derevenskih- zhitelei- vporu-zanosit-v- krasnuju-knigu.html].

68. Лобачева И.П. Особенности анализа балльной оценки качества трудовых ресурсов в сельскохозяйственном производстве / И.П. Лобачева // Экономический анализ: теория и практика. - 2009. - № 21. - С. 29-34.

69. Маврина Н.А. Сущность человеческого капитала и особенности инвестиций в него / Н.А. Маврина. – Челябинск: ЧелГУ. - Режим доступа: [URL: http:// www.lib.csu.ru/ vch/ 130/ 002.pdf].

70. Макконнелл К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю. - Т.2. – М.: Республика, 1992. - 400 с.

71. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / Ф. Мантино. - FAO, 2010 (издание на русском языке). - Режим доступа: [URL: http:// www.eastagri.org/ publications/ pub_ docs/ Mantino. pdf].

72. Маркс К. Капитал. – Т.1., кн.1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – 2-е изд. - Т.23. – 784с.

73. Маркс К. Капитал. – Т.3, кн.1. Процесс капиталистического производства, взятый целиком / Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. –2-е изд. – Т.25, ч.2. – 684с.

74. Маркс К. Экономические рукописи / Маркс К., Энгельс Ф. - Соч.– 2-е изд. – Т.48. - С. 557.

75. Методы обоснования программ устойчивого развития сельских территорий / Под ред. В.И. Фролова. - СПб.: СПбГАСУ, 2011. - 464 с.

76. Мореханова М.Ю. Динамика ценностных факторов экономического поведения крестьянства / М.Ю. Мореханова, И.В. Нечаева // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2009. - № 2. - Режим доступа: [URL: http:// http:// www. iagpran.ru/ journal. php?id=43].

77. Москалев М.В. Особенности регионального подхода к формированию трудового потенциала в аграрной сфере / М.В. Москалев, В.Я.Стрельцов // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. - 2001. - №1. - С.21-24.

78. Непарко М. Новые направления развития сельских территорий / М. Непарко // АПК: экономика, управление. - 2007.- №7. - С. 19-21.

79. Нефедова Т. Сельская Россия на перепутье: географические очерки / Т. Нефедова. - М.: Новое издательство, 2003. – 408 с.

80. Нефедова Т.Г. Кризис и занятость в сельской местности / Т.Г. Нефедова // Уровень жизни населения регионов России. - 2010. - №8. - С.79-87.

81. Низова Л.М. Трудовые ресурсы и трудовой потенциал как фактор демографического развития общества / Л.М. Низова. - Режим доступа: [URL: http:// labourmarket. ru/ conf3/ reports/ nizova. doc].

82. Никитенкова О. Совершенствование системы управления трудовыми ресурсами АПК / О. Никитенкова // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2007. - № 3. - С. 22-24.

83. Новиков В.Г. К вопросу о содержании некоторых социально-трудовых категорий / В.Г. Новиков // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. - 2010. - № 2. - С. 31-33.

84. Новиков В.Г. Сельская молодежь – основной ресурс кадрового обеспечения агросферы российской экономики / В.Г. Новиков, Е.Е. Можаев // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. - 2009.- №11.

85. Новиков В.Г. Трудовой потенциал сельских территорий России: динамика и эволюция воспроизводственных тенденций // Социально-гуманитарные знания. - 2011. - №1. - С.151-161.

86. Новиков В.Г. Факторы, воздействующие на формирование и развитие индивидуального потенциала работника аграрной сферы экономики / В.Г.Новиков, Е.Е. Можаев, И.В. Васильев // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. - 2009. - №5. - С. 31-37.

87. Носкова М.В. Теоретические основы изучения кадрового потенциала сельского хозяйства / М.В. Носкова // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2007. - №5. - С. 67-71.

88. Нурмухаметов И.М. Исследование проблемы воспроизводства сельского трудового потенциала России / И.М. Нурмухаметов // Финансы и кредит. - 2011. - № 9. - С. 68-74.

89. О Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: Сборник материалов парламентских слушаний. – М.: Сайт совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. - Режим доступа: [URL: http://council.gov.ru/ journalsf/ cat3/ journal26/ 2009/ number 334. html].

90. Панков Б. Методы регулирования сельского рынка труда / Б. Панков // АПК: экономика, управление. - 2010 .— № 11. - С. 82-86.

91. Панков Б. П. Региональные проблемы занятости и рынка труда на селе / Б.П. Панков, Е.А. Цырендоржиева. - М.: Спутник, 2006. - 148 с.

92. Панков Б. Эволюция занятости и трудовых отношений на селе / Б. Панков// Экономика сельского. хозяйства России. - 2005. - №11. - С. 40.

93. Панков Б.П. Рынок труда на селе и его регулирование (Вопросы теории и практики) / Б.П. Панков. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: АгриПресс, 2007. – 267 с.

94. Пациорковский В.В. Дифференциация сельского населения: причины расслоения и его последствия для развития сельских территорий / В.В. Пациорковский // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2005. - №11. - С. 50-52.

95. Пациорковский В.В. Российское село: факторы демографического развития / В.В. Пациорковский, В.В. Пациорковская // Россия и современный мир. - 2010. - №3. - С.59-71.

96. Пациорковский В.В. Сельская Россия: проблемы и перспективы / В.В. Пациорковский // Социологические исследования. - 2007. - №1. - С.90-99.

97. Петриков А.В. Современная аграрная политика России: от крайнего либерализма к структурному регулированию // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - 2007. - №1. - С. 10-13.

98. Петти В. Экономические и статистические работы / В. Петти. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 324 с.

99. Подберезкин А.И. Человеческий капитал и его роль в модернизации России / А.И. Подберезкин // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. - № 5. - Режим доступа: [URL: http:// www. vestnik. mgimo.ru/ fileserver/ 14/14_ poberezkin.pdf].

100. Попов А.Д. Баланс трудовых ресурсов как источник информации о положении в социально-трудовой сфере российской экономики / А.Д. Попов // Вопросы статистики. - 2010. - №8. - С. 51-54 .

101. Попов А.Д. Неполная занятость и движение работников организаций в 2009 году / А.Д. Попов // Вопросы статистики. - 2010. - №5. - С. 50-54.

102. Прока Н.Н. Мониторинг кадрового потенциала аграрной сферы региона / Н.Н. Прока, А.А. Грудкин // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. - 2009. - №5. - С. 28-31.

103. Пути повышения закрепляемости кадров в сельском хозяйстве регионов Российской Федерации / Н.И. Кузнецов [и др.]. - М.: Росинформагротех, 2010. - 202 с.

104. Пястолов С. Особенности предложения труда российских домохозяйств / С. Пястолов // Вопросы экономики. - 2005. - №8. - С. 124-138.

105. Радько С.Г. Оценка трудового потенциала предприятия с учетом рисков его управления / С.Г. Радько // Управление риском. - 2003. - №2. - С. 30-41.

106. Рожнов В.М. Трудовые ресурсы сельского хозяйства / В.М. Рожнов // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. – 2007. - №11. - С. 30-35.

107. Рощина Я. Типология сельскохозяйственного производства российских домохозяйств / Я. Рощина, А. Сухова // Экономическая социология (электронный журнал). - 2010. - Т. 11. - № 2. - С. 21-53.

108. Савченко В.В. Модели воспроизводства человеческого капитала в современном российском обществе / В.В. Савченко // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2010. – № 1 (22).

109. Савченко П.В. Двойственная природа человека: человек как субъект экономики и общества / П.В. Савченко, М.Н. Федорова // Проблемы современной экономики. - № 2 (30). – 2009. - Режим доступа: [URL: http:// www.m-economy.ru/ art.php?nArtId = 2606].

110. Самодурова М.Ф. Особенности использования трудового потенциала в аграрном секторе / М.Ф. Самодурова // ИнВестРегион. - 2009. - №3. - С.53-56.

111. Сапрыкина Н. Институциональные особенности формирования аграрного рынка труда // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2000. - №6.

112. Сельская экономика: учебник / Под ред. проф. С.В. Киселева. – М.:ИНФРА-М, 2008. – 572 с. – (Учебники экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).

113. Сергиенко А.М. Положение и поведение сельских бедных на рынке труда / А.М. Сергиенко // Регион: экономика и социология. - 2005.- №4. - С. 105-119.

114. Скрынник Е. Устойчивое развитие сельских территорий – важнейшая цель государственной агропродовольственной политики Российской Федерации // АПК: экономика, управление. – 2009. - №11.

115. Смагин Б.И. Производственный потенциал сельского хозяйства / Б.И. Смагин. - Мичуринск: Изд-во Мичуринского ГАУ, 2002. – 310 с.

116. Смирнов В.Т. Классификация и виды человеческого капитала в инновационной экономике / В.Т. Смирнов, И.В. Скоблякова // Библиотека креативной экономики. – 2006. – Режим доступа: [URL: http:// creativeconomy.ru/library/prd165.php].

117. Смирнов В.Т. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование / В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчин, И.В. Скоблякова. - М.: Машиностроение-1, Орел: ОрелГТУ, 2005. - 513 с.

118. Смирнова Т.Л. Демографическая ситуация как фактор развития рынка рабочей силы / Т.Л. Смирнова // Проблемы современной экономики. - № 3 (31). – 2009. - Режим доступа: [URL: http://www.m-economy.ru/ art.php?nArtId=2695].

119. Соловьева Т. Н. Основные направления наращивания кадрового потенциала сельскохозяйственных предприятий // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. - 2009. - №3. - С. 30-31 .

120. Состав располагаемых ресурсов домашних хозяйств различных социально-экономических категорий. – Режим доступа: [http://www.gks.ru/ free_doc/2009/b09_44/07-01.htm].

121. Стародубровская И.В. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России / И. В. Стародубровская, Н. И. Миронова. – М.: Ин-т Гайдара, 2010. – 116 с.

122. Статкомитет СНГ. Рынок труда в странах Содружества // Общество и экономика. - 2010. - №9. - С. 138-156.

123. Стратегия социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года (научные основы). - М.: РАСХН, 2011. - Режим доступа: [URL: http://www. vniiesh.ru/news/9509.html].

124. Стрельцов В. Прогнозирование оценки формирования трудовой сферы в аграрном секторе экономики / В Стрельцов // АПК: экономика, управление. - 2007. - №11. - С. 29-31.

125. Стрельцов В.Я. О формировании рынка труда в современных условиях / В.Я. Стрельцов // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. - 2009. - № 9. - С. 17-22.

126. Строганов Р. Некоторые особенности «накопления человеческого капитала» в современной России / Р. Строганов // Smart education. – Режим доступа: [http://www.smart-edu.com/index.php/stati-intellektualnyy-kapital/nekotorye-osobennosti-nakopleniya-chelovecheskogo-kapitala-v-sovremennoy- rossii.html].

127. Тихонова Т.Альтернативная занятость в сельской местности России / Т. Тихонова, О. Шик. – М.: ИЭПП, 2008. – 224 с.

128. Торопов Д. Комплексный подход к решению задач социально-экономического развития сельских территорий / Д. Торопов - Режим доступа: [URL: http:// institutiones.com/ agro-industrial/ 896-kompleksnyj-podhod-resheniya-zadach-socialno-eko-nomicheskogo-razvitiya-selskih-territorij.html].

129. Торопов Д. Стратегия развития сельских территорий / Д. Торопов // Экономист. - 2007. - № 10. - С. 77-81.

130. Третьякова Л. Предпринимательская деятельность на сельских территориях / Л. Третьякова // Экономика сельского хозяйства России. - 2008. -№5. - С. 61-63.

131. Третьякова Л.А. Причины системного кризиса социально-экономического развития сельских территорий / Л.А. Третьякова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2010. - №14. - С.2-7.

132. Третьякова Л.А. Стратегические направления обеспечения альтернативной сферы занятости на сельских территориях / Л.А. Третьякова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2011. - № 14. - С. 35-41.

133. Труд и занятость в России.: статистический сборник. - М.: Росстат, 2009. - 623 с.

134. Улезько А.В. Стратегия формирования и тактика использования ресурсного потенциала сельскохозяйственных предприятий / А.В. Улезько. – Воронеж: ГП «ИПФ «Воронеж», 2004. – 224 с.

135. Фиценс Ж. Человеческий капитал: как измерить и увеличить его стоимость // Технологии корпоративного управления. – Режим доступа: [URL: http:// www.iteam.ru/ publications/ human/ section_44/ article_3000/].

136. Худобина Г. Социально-экономические факторы формирования трудовых ресурсов в Белгородской области / Г. Худобина // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2000. - №6.

137. Цыренова А.А. Развитие человеческого капитала в условиях трансформации институциональной среды / А.А. Цыренова. – Улан-Удэ: ВГСТУ, 2006. – 88 с.

138. Чайка В. Диверсификация сельских территориальных систем / В. Чайка // Экономика сельского хозяйства России. - 2008. - №5. - С. 64-67.

139. Человеческий капитал современного российского села / Под ред. А.А. Хагурова. – Краснодар: КубГАУ. - Режим доступа: [URL: http:// kubsau.ru/chairs/ sociology/ public/ 29_20101129_140501.doc].

140. Чернявский И. Развитие сельских территорий и жизнедеятельности населения // Экономист. - 2005. - №6. - С. 7-13.

141. Черняк В. Содействие устойчивому развитию сельского хозяйства и развитию сельских регионов: доклад на 18-й Генеральной Ассамблее ПАЧЭС 5 декабря 2001 г.. – София. - Режим доступа: [URL: http:// www.pabsec.org/ pabsec/ aksisnet/ file/ rus/ 18GAECReportRus.doc].

142. Шарипов С.А. Социально-экономические и кадровые проблемы развития сельских территорий / С. А. Шарипов // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций - 2009. - №3. - С. 26-29 .

143. Шуваев А. Занятость на селе в новых условиях хозяйствования / А.Шуваев // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2001. - №2. - С.15-21.

144. Шуваева А. В. Стратегия регулирования занятости на селе // Аграрная наука. - 2006. -№3. - С. 12-13 .

145. Экономика труда: учебник / Под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. – М.: «Экзамен», 2004. – 268 с.

146. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований): статистический сборник. - М.: Росстат, 2010. – 171 с.

147. Элефтерова М.П. Трудовая миграция в России: ее влияние на спрос и предложение рабочей силы на рынке труда / М.П. Элефтерова // Вопросы статистики. - 2010. - №2. - С. 49-55.

148. Bicanic R. Turning Points in Economic Development. Paris: The Hague; Mouton, 1972.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Половозрастная структура населения Новоусманского муниципального района Воронежской области на 01.01.2010 г.

Возрастная группа	Население		в том числе			
	человек	%	мужчины		женщины	
			человек	%	человек	%
Всех возрастных групп	64701	100,00	29631	45,80	35070	54,20
Младше 1 года	681	1,05	349	51,25	332	48,75
1-4 лет	2200	3,40	1112	50,55	1088	49,45
5-9 лет	2580	3,99	1350	52,33	1230	47,67
10-14 лет	2840	4,39	1435	50,53	1405	49,47
15-19 лет	4440	6,86	2205	49,66	2235	50,34
20-24 лет	5765	8,91	2895	50,22	2870	49,78
25-29 лет	4990	7,71	2480	49,70	2510	50,30
30-34 лет	4195	6,48	2125	50,66	2070	49,34
35-39 лет	3750	5,80	1915	51,07	1835	48,93
40-44 лет	4180	6,46	1945	46,53	2235	53,47
45-49 лет	5935	9,17	2845	47,94	3090	52,06
50-54 лет	5485	8,48	2610	47,58	2875	52,42
55-59 лет	4565	7,06	2035	44,58	2530	55,42
60-64 лет	2190	3,38	865	39,50	1325	60,50
65-69 лет	3680	5,69	1395	37,91	2285	62,09
70-74 лет	3045	4,71	995	32,68	2050	67,32
75-79 лет	2205	3,41	610	27,66	1595	72,34
80-84 лет	1375	2,13	330	24,00	1045	76,00
85 лет и старше	600	0,93	135	22,50	465	77,50

Половозрастная структура населения Нижнедевицкого муниципального района Воронежской области на 01.01.2010 г.

Возрастная группа	Население		в том числе			
	человек	%	мужчины		женщины	
			человек	%	человек	%
Всех возрастных групп	21444	100,00	9850	45,93	11594	54,07
Младше 1 года	117	0,55	59	50,43	58	49,57
1-4 лет	472	2,20	236	50,00	236	50,00
5-9 лет	695	3,24	385	55,40	310	44,60
10-14 лет	840	3,92	410	48,81	430	51,19
15-19 лет	1265	5,90	650	51,38	615	48,62
20-24 лет	1490	6,95	795	53,36	695	46,64
25-29 лет	1065	4,97	575	53,99	490	46,01
30-34 лет	1135	5,29	600	52,86	535	47,14
35-39 лет	1285	5,99	660	51,36	625	48,64
40-44 лет	1325	6,18	685	51,70	640	48,30
45-49 лет	1585	7,39	830	52,37	755	47,63
50-54 лет	1730	8,07	880	50,87	850	49,13
55-59 лет	1630	7,60	740	45,40	890	54,60
60-64 лет	1225	5,71	570	46,53	655	53,47
65-69 лет	1135	5,29	455	40,09	680	59,91
70-74 лет	1875	8,74	630	33,60	1245	66,40
75-79 лет	1365	6,37	395	28,94	970	71,06
80-84 лет	845	3,94	210	24,85	635	75,15
85 лет и старше	365	1,70	85	23,29	280	76,71

Приложение 2

Смертность по половозрастным группам населения
Новоусманского муниципального района Воронежской области, ‰

Возрастная группа	Население всего	в том числе	
		мужчины	женщины
В среднем по населению	16,40	18,70	14,46
Младше 1 года	4,29	4,83	3,72
1-4 лет	0,71	0,81	0,61
5-9 лет	0,41	0,50	0,32
10-14 лет	0,41	0,50	0,32
15-19 лет	1,17	1,63	0,72
20-24 лет	2,17	3,36	0,97
25-29 лет	3,67	5,75	1,61
30-34 лет	4,83	7,39	2,21
35-39 лет	5,83	8,78	2,75
40-44 лет	6,96	10,91	3,52
45-49 лет	9,53	14,75	4,72
50-54 лет	13,58	20,77	7,05
55-59 лет	19,29	29,82	10,82
60-64 лет	25,89	42,64	14,95
65-69 лет	34,09	54,33	21,74
70-74 лет	45,93	70,95	33,78
75-79 лет	68,88	99,17	57,30
80-84 лет	103,80	131,46	95,07
85 лет и старше	186,16	183,66	186,89

Смертность по половозрастным группам населения
Нижнедевицкого муниципального района Воронежской области, ‰

Возрастная группа	Население всего	в том числе	
		мужчины	женщины
В среднем по населению	23,98	25,71	22,51
Младше 1 года	4,26	4,82	3,70
1-4 лет	0,71	0,81	0,61
5-9 лет	0,42	0,50	0,32
10-14 лет	0,41	0,50	0,32
15-19 лет	1,18	1,62	0,72
20-24 лет	2,24	3,35	0,96
25-29 лет	3,83	5,73	1,61
30-34 лет	4,93	7,37	2,20
35-39 лет	5,83	8,76	2,74
40-44 лет	7,32	10,88	3,51
45-49 лет	9,95	14,71	4,71
50-54 лет	13,99	20,71	7,03
55-59 лет	19,14	29,19	10,79
60-64 лет	27,75	42,51	14,90
65-69 лет	34,77	54,36	21,67
70-74 лет	46,12	70,73	33,67
75-79 лет	69,20	98,87	57,12
80-84 лет	103,80	131,06	94,78
85 лет и старше	185,57	183,10	186,32

Приложение 3

Рождаемость в Новоусманском и Нижнедевицком муниципальных районах Воронежской области в 2010 г., ‰

Показатели	Новоусманский район	Нижнедевицкий район
Рождаемость по району – всего	10,530	6,743
в т.ч. во возрастным группам женщин		
15-17 лет	15,934	14,181
18-19 лет	57,289	50,987
20-24 лет	90,723	20,743
25-29 лет	84,184	74,923
30-34 лет	47,065	41,888
35-39 лет	16,947	15,083
40-44 лет	3,684	3,279
45-49 лет	0,092	0,082

Структура занятого населения по видам экономической деятельности в Новоусманском и Нижнедевицком районах Воронежской области в 2010 г.

Сфера занятости	Новоусманский район		Нижнедевицкий район	
	человек	%	человек	%
Всего занято по видам экономической деятельности:	30786	100,00	9194	100,00
Личные подсобные и домашние хозяйства	3645	11,84	1784	19,40
Сельскохозяйственные предприятия	3556	11,55	3118	33,91
Крестьянские (фермерские) хозяйства	445	1,45	152	1,65
Обрабатывающие производства	698	2,27	248	2,70
Пр-во и распределение электроэнергии, газа и воды	676	2,20	190	2,07
Строительство	1696	5,51	381	4,14
Торговля, ремонт	2654	8,62	748	8,14
Гостиницы и рестораны	182	0,59	38	0,41
Транспорт и связь	817	2,65	225	2,45
Финансовая деятельность, операции с недвижимостью	309	1,00	82	0,89
Гос управление, обеспечение безопасности	1265	4,11	345	3,75
Образование	1672	5,43	457	4,97
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	947	3,08	259	2,82
Прочие занятые	117	0,38	42	0,46
Занятые вне территории муниципального района	12108	39,33	1127	12,26

Приложение 4

Демографический прогноз по Новоусманскому муниципальному району Воронежской области на 2011-2040 гг., человек

Год	Численность населения	Численность детей и подростков	Численность населения трудоспособного возраста	Численность населения старше трудоспособного возраста	Родилось, человек	Рождаемость, ‰	Смертность, ‰
2010	64481	10020	39751	14710	679	10,53	16,45
2011	64339	10031	39546	14761	678	10,55	17,13
2012	64352	10376	39178	14798	674	10,48	17,73
2013	64313	10700	38817	14796	672	10,44	18,09
2014	64244	11008	38463	14773	663	10,32	18,17
2015	64158	11295	38117	14747	655	10,20	18,08
2016	64069	11477	37636	14956	633	9,89	18,29
2017	63944	11684	37115	15145	613	9,59	18,50
2018	63786	11866	36605	15315	593	9,30	18,65
2019	63601	12022	36107	15472	573	9,01	18,69
2020	63399	12153	35622	15623	553	8,72	18,64
2021	63186	12217	35272	15696	529	8,37	18,75
2022	62939	12220	34961	15758	506	8,04	18,88
2023	62663	12198	34656	15808	484	7,73	18,97
2024	62363	12152	34360	15851	464	7,45	19,00
2025	62046	12083	34072	15891	446	7,18	18,99
2026	61718	11709	34121	15889	437	7,08	19,09
2027	61384	11333	34169	15881	428	6,97	19,21
2028	61042	10957	34217	15868	422	6,91	19,31
2029	60697	10587	34261	15849	415	6,84	19,38
2030	60351	10221	34301	15829	412	6,83	19,43
2031	60013	9967	34294	15751	413	6,88	19,51
2032	59678	9724	34276	15678	414	6,94	19,63
2033	59348	9505	34235	15608	415	7,00	19,75
2034	59020	9307	34173	15541	416	7,05	19,87
2035	58697	9131	34089	15478	417	7,10	19,97
2036	58379	9007	33876	15495	420	7,19	20,19
2037	58067	8907	33647	15513	421	7,26	20,34
2038	57760	8831	33396	15532	423	7,32	20,49
2039	57460	8780	33125	15556	423	7,36	20,66
2040	57162	8749	32833	15580	420	7,34	20,86

Приложение 5

Прогноз возрастной структуры трудоспособного населения по Новоусманскому муниципальному району Воронежской области на 2011-2040 гг., человек

Год	Трудоспособные всех возрастов	16-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	30-34 лет	35-39 лет	40-44 лет	45-49 лет	50-54 лет	55-59 лет
2010	39751	3540	5745	4973	4181	3737	4166	5915	5466	2028
2011	39546	3552	5490	5132	4340	3825	4073	5533	5506	2094
2012	39178	3259	5254	5308	4517	3930	3999	5178	5566	2168
2013	38817	2965	5018	5483	4692	4034	3926	4831	5628	2239
2014	38463	2667	4785	5659	4867	4138	3854	4493	5692	2309
2015	38117	2366	4553	5835	5041	4240	3783	4162	5758	2378
2016	37636	2380	4266	5598	5211	4411	3884	4086	5411	2389
2017	37115	2340	3978	5362	5382	4582	3984	4012	5073	2402
2018	36605	2300	3687	5129	5553	4752	4084	3939	4745	2417
2019	36107	2260	3394	4898	5724	4921	4183	3868	4426	2432
2020	35622	2221	3099	4670	5895	5090	4282	3799	4116	2449
2021	35272	2233	3064	4386	5662	5257	4449	3897	4043	2282
2022	34961	2279	3027	4101	5431	5423	4614	3993	3970	2122
2023	34656	2324	2990	3814	5203	5589	4779	4089	3899	1970
2024	34360	2369	2953	3525	4976	5755	4943	4183	3830	1826
2025	34072	2414	2916	3233	4753	5921	5106	4278	3763	1689
2026	34121	2552	2964	3198	4473	5693	5267	4438	3855	1681
2027	34169	2689	3012	3161	4193	5467	5428	4598	3947	1674
2028	34217	2824	3060	3124	3912	5245	5589	4757	4038	1668
2029	34261	2952	3108	3088	3629	5026	5750	4915	4129	1663
2030	34301	2948	3283	3053	3345	4809	5912	5073	4219	1659
2031	34294	2934	3423	3102	3311	4537	5692	5229	4374	1691
2032	34276	2910	3561	3151	3276	4265	5475	5386	4528	1723
2033	34235	2871	3693	3200	3242	3993	5261	5542	4681	1754
2034	34173	2814	3818	3249	3208	3719	5050	5698	4832	1784
2035	34089	2746	3806	3424	3175	3444	4843	5855	4982	1814
2036	33876	2667	3786	3563	3225	3412	4579	5643	5133	1868
2037	33647	2589	3744	3702	3275	3380	4318	5437	5283	1921
2038	33396	2508	3687	3833	3325	3348	4055	5234	5434	1972
2039	33125	2425	3614	3959	3376	3318	3793	5035	5584	2023
2040	32833	2340	3530	3950	3550	3288	3530	4840	5733	2073

Приложение 6

Прогноз структуры занятости трудовых ресурсов по видам экономической деятельности
по Новоусманскому муниципальному району Воронежской области на 2011-2040 гг., человек

Год	Трудовые ресурсы	Личные подсобные и домашние хозяйства	Сельскохозяйственные предприятия	Крестьянские (фермерские хозяйства)	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Торговля, ремонт	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Финансовая деятельность, операции с недвижимостью	Государственное управление, обеспечение безопасности	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	Прочие занятые	Занятые вне территории муниципального района
2010	39503	3645	3556	445	698	676	1696	2654	182	817	309	1265	1672	947	117	12108
2011	39337	3556	3545	450	757	666	1823	2368	200	935	320	1261	1599	932	124	12183
2012	39066	3492	3565	479	839	733	1808	2138	200	904	321	1268	1630	940	124	12335
2013	38806	3428	3640	507	771	663	1808	1986	200	904	321	1266	1718	936	123	12567
2014	38559	3369	3648	535	771	739	1810	1810	201	905	322	1267	1752	938	123	12744
2015	38323	3311	3682	563	769	663	1810	1689	201	905	322	1267	1822	936	123	12975
2016	38109	3229	3635	587	832	724	1803	1535	200	902	321	1262	1831	932	122	13089
2017	37858	3147	3619	613	758	660	1803	1489	200	902	321	1264	1881	933	121	13257
2018	37613	3066	3514	686	780	687	1803	1544	200	902	321	1263	1792	931	121	13329
2019	37374	2986	3477	666	756	662	1804	1489	200	902	321	1264	1841	931	120	13498
2020	37146	2909	3353	729	768	685	1804	1541	200	902	321	1264	1808	929	120	13572
2021	36852	2802	3269	686	834	658	1794	1466	199	897	319	1256	1831	922	119	13645
2022	36591	2697	3141	686	741	703	1794	1531	199	897	319	1261	1813	924	118	13670
2023	36335	2594	3041	684	794	657	1794	1453	199	897	319	1258	1827	921	118	13734
2024	36087	2493	2904	683	736	699	1794	1516	199	897	319	1260	1804	919	117	13752

Продолжение приложения 6

Год	Трудовые ресурсы	Личные подсобные и домашние хозяйства	Сельскохозяйственные предприятия	Крестьянские (фермерские хозяйства)	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Торговля, ремонт	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Финансовая деятельность, операции с недвижимостью	Государственное управление, обеспечение безопасности	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	Прочие занятые	Занятые вне территории муниципального района
2025	35846	2394	2769	682	754	656	1794	1581	199	897	319	1259	1787	917	116	13773
2026	35747	2297	2650	681	785	723	1794	1462	199	897	319	1259	1790	917	116	13813
2027	35653	2202	2536	679	726	654	1794	1553	199	897	319	1259	1802	914	115	13862
2028	35562	2109	2412	678	754	724	1794	1448	199	897	319	1259	1805	914	114	13895
2029	35471	2017	2302	677	787	653	1794	1547	199	897	319	1259	1714	911	113	13943
2030	35379	1932	2200	676	713	747	1796	1463	199	898	319	1260	1746	912	113	14013
2031	35233	1843	2111	672	765	651	1793	1588	199	897	319	1258	1599	907	112	14084
2032	35082	1755	1985	670	776	736	1793	1466	199	897	319	1259	1625	907	111	14109
2033	34917	1670	1913	667	695	650	1793	1616	199	897	319	1259	1524	904	111	14207
2034	34740	1586	1786	665	711	744	1793	1479	199	897	319	1259	1562	902	110	14229
2035	34570	1510	1665	770	720	650	1797	1590	199	899	320	1262	1460	901	110	14276
2036	34389	1436	1568	656	742	769	1798	1488	199	899	320	1260	1528	898	109	14347
2037	34196	1362	1466	773	749	647	1797	1613	199	898	320	1261	1412	895	109	14402
2038	33985	1288	1379	650	760	776	1797	1499	199	898	319	1260	1490	892	108	14466
2039	33758	1215	1287	765	755	645	1797	1628	199	898	319	1260	1385	889	108	14507
2040	33514	1205	1209	644	755	777	1792	1500	199	896	319	1257	1464	884	107	14523

Приложение 7

Прогноз доходов населения и инвестиций в человеческий капитал Новоусманского муниципального района Воронежской области на 2011-2040 гг.

Год	Реальные годовые доходы, млн. руб.	Реальный среднемесячный среднедушевой доход, руб.	Среднедушевые инвестиции в человеческий капитал, руб.	В том числе затраты:			
				на улучшение жилищных условий	на здравоохранение	на ведение здорового образа жизни	на образование
2010	9189	11876	3924	1570	1175	199	980
2011	9167	11873	3923	1569	1183	198	972
2012	9114	11802	3873	1549	1176	196	952
2013	9065	11746	3833	1533	1170	195	935
2014	9017	11696	3799	1520	1167	195	918
2015	8975	11658	3773	1509	1166	195	903
2016	8925	11608	3737	1495	1161	189	892
2017	8880	11573	3711	1485	1160	185	882
2018	8825	11530	3681	1472	1157	181	871
2019	8784	11509	3666	1466	1160	177	863
2020	8737	11485	3649	1459	1162	174	853
2021	8629	11380	3573	1429	1137	168	839
2022	8528	11291	3509	1403	1116	162	827
2023	8438	11221	3458	1383	1099	158	817
2024	8345	11151	3407	1363	1084	154	807
2025	8255	11087	3360	1344	1070	150	797
2026	8173	11036	3321	1329	1062	147	784
2027	8083	10973	3274	1310	1051	144	770
2028	8006	10930	3241	1297	1044	142	758
2029	7923	10878	3203	1281	1036	140	746
2030	7868	10865	3191	1276	1037	139	739
2031	7778	10801	3144	1258	1023	136	727
2032	7705	10759	3113	1245	1014	135	719
2033	7628	10711	3077	1231	1004	133	709
2034	7560	10674	3050	1220	996	132	702
2035	7498	10645	3028	1211	995	132	691
2036	7460	10649	3031	1212	1001	131	686
2037	7414	10640	3024	1209	1005	129	680
2038	7376	10642	3025	1210	1011	128	676
2039	7328	10627	3014	1206	1013	127	669
2040	7276	10607	2999	1200	1013	125	661

Приложение 8

Демографический прогноз по Нижнедевицкому муниципальному району Воронежской области на 2011-2040 гг., человек

Год	Численность населения	Численность детей и подростков	Численность населения трудоспособного возраста	Численность населения старше трудоспособного возраста	Родилось, человек	Рождаемость, ‰	Смертность, ‰
2010	21371	2937	11328	7106	144	6,74	24,06
2011	20716	2796	10973	6948	127	6,11	25,08
2012	20118	2737	10597	6785	126	6,24	26,14
2013	19528	2678	10242	6607	124	6,37	26,88
2014	18953	2622	9908	6423	123	6,47	27,12
2015	18402	2566	9593	6243	121	6,58	27,02
2016	17879	2508	9288	6083	117	6,54	27,37
2017	17373	2478	8972	5923	113	6,52	27,78
2018	16882	2448	8671	5762	110	6,51	28,09
2019	16407	2418	8385	5603	106	6,46	28,15
2020	15951	2387	8114	5450	102	6,41	28,02
2021	15516	2327	7885	5304	97	6,25	28,06
2022	15096	2287	7645	5163	92	6,10	28,17
2023	14690	2246	7417	5026	87	5,94	28,24
2024	14297	2204	7199	4894	83	5,79	28,17
2025	13920	2160	6991	4769	78	5,63	27,98
2026	13559	2101	6814	4644	75	5,52	27,67
2027	13215	2015	6671	4529	71	5,38	27,52
2028	12885	1943	6520	4422	68	5,25	27,43
2029	12567	1871	6376	4321	65	5,15	27,30
2030	12262	1797	6239	4227	62	5,03	27,14
2031	11969	1736	6127	4107	61	5,06	26,91
2032	11690	1676	6019	3995	59	5,06	26,65
2033	11425	1618	5914	3893	58	5,07	26,47
2034	11172	1563	5811	3798	57	5,08	26,48
2035	10928	1510	5709	3708	55	5,08	26,64
2036	10690	1455	5625	3611	55	5,19	26,90
2037	10461	1404	5541	3516	55	5,29	27,12
2038	10238	1358	5456	3424	55	5,38	27,32
2039	10022	1317	5370	3335	55	5,46	27,49
2040	9814	1281	5283	3249	54	5,51	27,64

Приложение 9

Прогноз возрастной структуры трудоспособного населения по Нижнедевицкому муниципальному району Воронежской области на 2011-2040 гг., человек

Год	Трудоспособные всех возрастов	16-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	30-34 лет	35-39 лет	40-44 лет	45-49 лет	50-54 лет	55-59 лет
2010	11328	1009	1485	1061	1131	1281	1320	1580	1724	737
2011	10973	988	1412	1118	1087	1219	1279	1489	1648	733
2012	10597	888	1347	1181	1051	1165	1244	1406	1582	732
2013	10242	792	1284	1246	1016	1113	1212	1328	1519	733
2014	9908	699	1223	1311	983	1063	1182	1252	1460	735
2015	9593	610	1163	1378	952	1014	1154	1180	1404	738
2016	9288	607	1065	1319	1019	983	1106	1151	1330	709
2017	8972	575	971	1261	1087	954	1059	1125	1258	682
2018	8671	544	880	1204	1156	926	1014	1100	1190	657
2019	8385	513	792	1149	1226	899	971	1076	1124	634
2020	8114	482	707	1096	1297	874	930	1054	1062	613
2021	7885	481	680	1003	1243	944	904	1012	1040	577
2022	7645	458	652	915	1191	1015	880	972	1019	543
2023	7417	436	624	830	1140	1087	857	933	1000	511
2024	7199	414	596	747	1090	1159	835	896	981	481
2025	6991	392	569	668	1041	1231	814	859	964	453
2026	6814	390	549	644	954	1182	886	838	928	442
2027	6671	415	529	619	871	1134	958	818	893	433
2028	6520	424	510	595	791	1088	1030	799	859	424
2029	6376	435	490	570	713	1042	1103	781	826	415
2030	6239	448	470	545	638	998	1175	763	795	407
2031	6127	433	496	529	617	915	1130	835	777	394
2032	6019	434	508	512	595	836	1086	907	760	382
2033	5914	431	520	494	573	760	1044	978	744	370
2034	5811	425	533	477	550	687	1002	1050	729	359
2035	5709	417	546	459	528	616	961	1120	714	348
2036	5625	407	533	487	513	597	883	1079	784	342
2037	5541	397	533	500	498	577	808	1039	854	337
2038	5456	384	529	513	483	556	736	1000	923	332
2039	5370	371	522	527	468	536	666	961	992	327
2040	5283	356	513	542	452	515	599	924	1060	322

Приложение 10

Прогноз структуры занятости трудовых ресурсов по видам экономической деятельности
по Нижнедевицкому муниципальному району Воронежской области на 2011-2040 гг., человек

Год	Трудовые ресурсы	Личные подсобные и домашние хозяйства	Сельскохозяйственные предприятия	Крестьянские (фермерские хозяйства)	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Торговля, ремонт	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Финансовая деятельность, операции с недвижимостью	Государственное управление, обеспечение безопасности	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	Прочие занятые	Занятые вне территории муниципального района
2010	11543	1784	3118	152	248	190	381	748	38	225	82	345	457	259	42	1127
2011	11214	1705	2932	148	264	203	405	719	44	249	86	342	445	252	48	1131
2012	10878	1629	2746	171	281	203	432	709	44	245	86	343	431	250	48	1139
2013	10561	1557	2567	199	302	203	422	717	44	246	86	344	424	247	48	1153
2014	10263	1490	2396	227	324	203	423	713	44	246	87	344	417	244	48	1170
2015	9982	1427	2229	253	343	203	423	719	44	246	87	345	409	242	48	1186
2016	9709	1359	2073	256	338	202	421	724	44	245	86	343	400	238	48	1221
2017	9428	1295	1905	283	355	202	422	712	44	245	86	343	393	236	48	1234
2018	9161	1234	1742	309	336	202	422	719	44	245	86	343	409	233	48	1248
2019	8908	1176	1589	337	357	202	422	712	44	246	86	344	386	232	47	1269
2020	8667	1122	1440	360	335	202	423	721	44	246	87	344	403	231	47	1285
2021	8422	1062	1301	336	366	200	420	717	44	244	86	342	375	228	47	1316
2022	8173	1004	1160	367	330	200	420	708	44	244	86	342	369	227	46	1338
2023	7935	951	1014	335	338	219	420	715	44	244	86	342	380	226	46	1342
2024	7708	899	887	359	353	199	421	700	44	245	86	342	359	225	46	1360

Продолжение приложения 10

Год	Трудовые ресурсы	Личные подсобные и домашние хозяйства	Сельскохозяйственные предприятия	Крестьянские (фермерские хозяйства)	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Торговля, ремонт	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Финансовая деятельность, операции с недвижимостью	Государственное управление, обеспечение безопасности	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	Прочие занятые	Занятые вне территории муниципального района
2025	7491	851	765	333	326	221	421	712	44	245	86	343	374	223	46	1369
2026	7289	803	752	322	307	198	422	696	44	248	86	348	348	224	47	1343
2027	7119	758	739	309	287	192	421	685	44	245	86	342	335	220	46	1316
2028	6944	715	726	294	266	185	418	673	44	244	86	343	322	220	44	1289
2029	6779	673	713	279	246	179	415	662	44	244	86	342	312	220	42	1263
2030	6621	634	700	263	226	176	411	650	44	243	86	341	308	218	39	1237
2031	6484	598	689	247	207	174	408	640	44	242	86	340	305	218	36	1215
2032	6354	563	678	232	189	173	404	630	44	240	86	339	304	217	35	1192
2033	6228	529	668	217	172	171	402	621	44	240	86	338	299	213	36	1171
2034	6104	497	658	202	155	170	399	612	44	239	86	338	296	211	34	1151
2035	5984	467	648	187	139	170	396	603	44	238	86	336	293	210	35	1131
2036	5881	439	641	174	124	169	395	597	44	237	87	337	292	209	36	1116
2037	5778	412	633	160	110	169	394	591	44	237	87	338	290	209	33	1100
2038	5675	385	626	147	97	169	392	584	44	237	87	338	288	208	34	1085
2039	5573	360	619	134	84	169	390	578	44	236	87	338	286	207	35	1070
2040	5470	354	609	121	72	167	387	570	44	235	86	336	283	205	36	1051

Приложение 11

Прогноз доходов населения и инвестиций в человеческий капитал Нижнедевицкого муниципального района Воронежской области на 2011-2040 гг.

Год	Реальные годовые доходы, млн. руб.	Реальный среднемесячный среднедушевой доход, руб.	Среднедушевые инвестиции в человеческий капитал, руб.	В том числе затраты:			
				на улучшение жилищных условий	на здравоохранение	на ведение здорового образа жизни	на образование
2010	2594	10116	2560	1229	791	54	486
2011	2459	9890	2406	1155	750	49	453
2012	2398	9932	2435	1169	765	49	453
2013	2334	9958	2453	1177	776	49	451
2014	2275	10002	2483	1192	791	49	451
2015	2220	10052	2517	1208	807	50	451
2016	2159	10063	2524	1211	813	50	450
2017	2103	10087	2541	1220	822	50	450
2018	2049	10117	2562	1230	832	50	450
2019	2000	10159	2591	1244	845	51	451
2020	1954	10207	2624	1260	860	51	453
2021	1897	10191	2614	1254	856	51	452
2022	1847	10198	2619	1257	857	51	453
2023	1798	10202	2622	1259	859	51	454
2024	1754	10224	2637	1266	864	51	456
2025	1712	10249	2655	1274	871	51	458
2026	1662	10216	2632	1263	864	51	454
2027	1612	10162	2595	1245	852	50	447
2028	1566	10129	2572	1234	845	49	443
2029	1523	10102	2553	1225	841	49	438
2030	1483	10079	2536	1217	837	48	433
2031	1444	10053	2518	1209	829	49	432
2032	1406	10023	2498	1199	819	49	431
2033	1371	10000	2482	1191	812	49	429
2034	1338	9983	2470	1186	807	49	428
2035	1307	9967	2459	1180	801	50	427
2036	1280	9981	2468	1185	807	51	426
2037	1254	9990	2474	1187	809	52	425
2038	1228	9997	2478	1189	811	54	424
2039	1203	10005	2483	1192	813	55	423
2040	1175	9981	2467	1184	808	56	418

Научное издание

Улезько Андрей Валерьевич
Мистюкова Светлана Васильевна
Тютюников Александр Александрович

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА АГРАРНОЙ СФЕРЫ

Монография

Редакторы В.И. Гирявая, С.А. Дубова

Компьютерная верстка Л.А. Козьменко

Подписано к печати 12.09.2011 г. Формат 60х84 1/16
Бумага кн.-журн. П.л.10,8. Гарнитура Таймс.
Тираж 500 экз. Заказ № 5350.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»

Типография ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ
394087 Воронеж, ул. Мичурина, 1